
Россия, Русь! Храни себя, храни!

4
2021

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Андрей ВЫПОЛЗОВ. Реваншистские мечты	3
Валентин КАТАСОНОВ. «Великая перезагрузка»	69
Михаил ЧЕЛНОКОВ. Время менеджеров	123
Михаил ЛЕМЕШЕВ. Анатолий ГРЕШНЕВИКОВ. Надежда на чудо	182

ПРОЗА

Геннадий МАТЮШОВ. Высшая радость. Повесть	11
Сергей ПЫЛЁВ. Харисто. Рассказ	76
Юрий ШИПНЕВСКИЙ. Терриконщик. Рассказ	104
Василий ВОРОНОВ. Венчание в Пескарях. Рассказ	144
Геннадий КАРПУНИН. Кортик. Рассказ	167

ПОЭЗИЯ

Александр НЕСТРУГИН. Год високосный. Стихи	63
Сергей КОРОТКОВ. Встретимся на Солнце. Стихи	113
Анна ТОКАРЕВА. По скользкому льду. Стихи	118
Лариса ЖЕЛЕНИС. Клеверный край. Стихи	174
Людмила БАНЦЕРОВА. Мои светотени. Стихи	179
Стихи лауреатов 1-го Конкурса художественного перевода	197

СИМВОЛ ВЕРЫ

- Сергей РЫБАКОВ. **Искусственный интеллект — от лукавого** 189
Юрий УТКИН. **Они нам завидуют** 193

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

- Валерий ХАТЮШИН, Ирина УШАКОВА.
Нам противостоит армия разрушителей 204

УРОКИ ИСТОРИИ

- Людмила ТУРОВСКАЯ. **Прохиндей мирового масштаба** 215

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

- Валерий ГАБРУСЕНКО. **Выдающаяся личность** 222

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

- Владислава РОМАНОВА. **«Инклюзивный капитализм»** 226

ДОСЬЕ «МГ»

- Валерий ШАМБАРОВ. **Тайны убийства Распутина** 233

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

- Мария МОНОМЕНОВА. **Они соединились** 245
Игорь ДРУЗЬ. **Украина: геноцид как праздник** 249
Юрий ЩЕРБАКОВ. **Фальшивый «Грозный»** 253

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

- Валерий ХАТЮШИН. **Протуберанцы.**
Размышления и воспоминания. Продолжение 257
Владимир КРУПИН. **«В чистом поле родное село»** 267

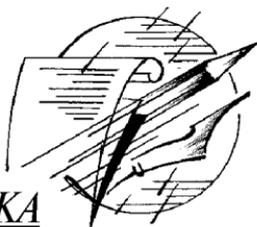
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- Виталий ДАРЕНСКИЙ. **Русь бессмертная**
(О повести Василия Белова «Привычное дело») 273
Александр НЕСТРУГИН. **По луговой тропинке вдоль Млечного Пути** (О книге Николая Алешкова «Причастие») 283

РЕВАНШИСТСКИЕ МЕЧТЫ

В конце 2020 года депутаты Госдумы, а затем и сенаторы одобрили поправки в Конституцию о наказании за призывы и действия, направленные на отчуждение части территории России. Потолок новой статьи в УК РФ — лишение свободы до 10 (!) лет (столь суровый срок предназначен, по всей видимости, уж очень деятельным сепаратистам, обладающим некими силовыми ресурсами). Для бесчисленных пользователей Сети, скорее, важнее следующий пункт: «Соответствующие публичные призывы, совершенные с использованием СМИ и Интернета». Такие высказывания повлекут штраф на граждан в размере до 100 тыс. рублей, на должностных лиц — до 200 тыс. рублей, на юридических лиц — до 500 тыс. рублей. Поправки одобрил российский президент, и, казалось бы, заслон ползучему сепаратизму поставлен. Но что мы видим в реальности? Будто нарочно, именно в эти дни, как и после них, количество фактов, сигналов и прочих информационных уколов на тему «распада России» просто зашкаливало.

Сегодня сепаратизм, как и реваншизм, стал сугубо творческим пагубным

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

занятием. Понятно, что тупая вражеская пропаганда из разряда «Калининград — это немецкая земля» не сработает, да и разглагольствовать так сейчас чревато штрафами. А вот если наводнить российский эксклав сувениркой, продуктами и вывесками с надписями *Kenigsberg*, то под статью не попадешь, а эффекта добьешься такого же. Ныне от немецких названий в российском городе уже рябит в глазах, и граждане, особенно юного возраста, теперь соглашаются — ага, земля немецкая. Но пока, правда, уточняют: «Это наше прошлое». А в будущем?

«Мелкие элементы»

Приведу подборку выпадов в адрес великого Отечества, на которые не обращает внимания правоохранительная система. Минувшей осенью в Санкт-Петербурге вышел календарь на 2021 год с картой России на обложке, где нет ни Калининградской области, ни Курильских островов. Обрезанную Родину нарисовали в питерской Издательской группе «Квадра» и запустили по всей стране. Автор этих строк приобрел календарь в Калининграде, которого, судя по карте, в следующем году не будет в составе России. Есть ли в такой печатной продукции предпосылки для неправильного формирования мнения о территориальной целостности России? Этот вопрос был задан органам, но те даже пальчиком издателям не пригрозили. Сначала заместитель прокурора Калининского района Санкт-Петербурга Елена Завьялова ответила, что «в предоставленных информационных материалах призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации не усматривается». А затем точку поставил начальник Центра по противодействию экстремизма ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области полковник Вячеслав Шамко: «Сведения, изложенные в обращении, не нашли своего объективного подтверждения, нарушений законодательства Российской Федерации в ходе проверки не установлено». Глава Центра по противодействию экстремизма удовлетворился объяснением дизайнера издательства о том, что «изображение на календаре носит чисто художественный характер», а «при обработке изображений мелкие элементы не пропечатываются».

Читая эти документы, японские дизайнеры, как пел Высоцкий, «навзрыд смеются, как у кривых зеркал». Например, в свежем, декабрьском номере глянцевого журнала *Nipponica*, который на семи языках выпускает МИД Япо-

нии, Южные Курилы обозначены как японская территория. Наши острова Кунашир и Итуруп прорисованы там с изумительной точностью. Реваншистская канитель в этом журнале тянется годами. В 2019 году та же Nirronica уже вплетала российские Курилы в географическую карту Японии. Причем, посягательство на нашу землю заворачивается неизменно в культурно-развлекательную обертку.

Дипломаты Страны восходящего солнца развозят эту продукцию по всей России. Так, вице-консул Японии в Красноярском крае подарил журнал краеведческому музею в Минусинске. О провокации сообщили только СМИ, никакой реакции со стороны правоохранителей не поступало. Напомню, японский мидовский журнал издается на семи языках — русском, английском, арабском, испанском, китайском, французском и японском, так что подобный «кулинарный реваншизм» видит весь мир. И поэтому неудивительно, что Государственный департамент США, разыгрывая визы и впоследствии грин-карты в «Диверсификационной лотерее», признает уроженцев российских Южных Курил «японцами». В инструкции для желающих принять участие в госдеповской программе в пункте Russia есть сноска, где так и написано: «Лица, рожденные на островах Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп, относятся к Японии».

«Свободный Кёнигсберг»

Теперь перенесемся в Швейцарию, где живет политэмигрантка Надя Сикорская, которая в свое время директорствовала в НКО, основанном лично Горбачёвым. Эта «евророссиянка» взяла интервью у двух фотографов — француженки Доминик де Рива и белоруса Дмитрия Лельчука (живущего в Гамбурге), которые выпустили книгу-фотоальбом под названием «Kaliningrad, le miroir iclatidel'Europe» («Калининград, разбитое зеркало Европы»). Фолиант высокого полиграфического качества, вот только фотографии Калининграда даны, в основном, в черно-белом исполнении. Почему? А это вновь — творческий, иезуитский реваншизм. Например, главный снимок из столицы российского эксклава — это вид из разбитого советского окна на немецкий собор. Перелистывая альбом, европейский обыватель нет-нет да и делает вывод: русские изуродовали немецкую землю. Мерзость запустения против незыблемой красоты. Варвары против созидателей. Та же женеvская эмигрантка Надежда Сикорская констатирует: «Листая страницы альбома, поражаешься бедности — здания обветшали, люди плохо одеты...» И это

после того, как к чемпионату мира по футболу 2018 года Калининград отстроили так, что даже интуристы присвистывают. Например, мои знакомые из Германии и Польши всякий раз поражаются гладким, как бильярдный стол, калининградским дорогам и пусть вычурной, но оригинальной архитектуре. Между строк этого интервью читается заезженный реваншистский штамп: русские — транзитные пассажиры на этой древней земле германцев, ведь только временщики ничего не строят и всюду гадят.

И вот уже другой эмигрант, бывший калининградец Олег Кашин, ныне осевший в Лондоне, в эфире «Комсомольской правды» несет откровенную сепаратистскую пургу: «Если бы я захотел податься на грин-карту, я бы тоже должен был писаться немцем, уроженцем Германии». Это он говорит применительно к Калининграду, развивая провокационную идею Госдепа США о россиянах — «японцах». И вновь всё обращено как бы в тонкую, а на деле иезуитскую шутку: мол, издержки дискуссии и прочее. Ну, какие тут призывы к нарушению территориальной целостности России?! — скажут опять в прокуратуре.

Тем временем в Калининграде уже есть конкретные жители, которые, как Кашин, давно ощущают себя некими «немчиками», подавая соответствующие сигналы Берлину. Например, депутат Горсовета, в прошлом звезда фильмов «Чародеи» и «Экипаж» Александра Яковлева, избранная год назад почетным гражданином Калининграда, неизменно пишет в своем Instagram, что она «гуляет по Кёнигсбергу», и даже родилась «в Кёнигсберге» (это в 1957-то году!). Снимок о «прогулке по Кёнигсбергу» за пару дней «лайкнули» более 700 человек, в том числе председатель Калининградской областной думы Марина Оргеева, и лишь немногие подписчики возмутились сомнительным продвижением несуществующей и чуждой топонимики со стороны публичной фигуры — депутата.

Идем дальше. Напротив мэрии Калининграда, где заседает Яковлева, висит гигантская реклама германских ручных часов под именем Keigsberg. На циферблате — Made in Germany, а на баннере — кёнигсбергский замок. Этот же замок смотрит на нас с плаката-визитки запрещенной в России Балтийской республиканской партии (БРП), которая выступает за независимость Калининградской области от Москвы. Не так давно один из идеологов БРП Вадим Петров, эмигрировавший из Калининграда в Польшу, заявил: «В планах присутствует перерегистрация партии в Европе. Создан новый ресурс на Facebook, где выходит газета «Сво-

бодный Кёнигсберг». К сожалению, пока мы можем осуществлять лишь информационное развитие БРП. Но надеемся, что когда-нибудь перейдем от слов к делу».

В сухом остатке калининградцы имеют все признаки символической капитуляции перед т.н. «Великой Германией». Поэтому следует признать, что поправки к главному закону страны, словно дырявые фильтры, пропускают всю эту «высокохудожественную» сепаратистскую взвесь.

«Большая земля Сибирь»

Надо понимать, что методы по разрушению сознания россиян о незыблемости территориальной целостности России идентичны что на востоке, что на западе России. Автор этих строк в свое время общался с главным куриловедом России, профессором Института стран Востока Анатолием Кошкиным. Мы быстро сошлись на теме противостояния реваншизму от Калининграда до Курил и удивились синхронности работы противника. Например, в 90-е годы прошлого века японцы начали поставлять на Курилы дизель-генераторы, тонны солярки, построили поликлинику, а в экстренных случаях присылали за больными самолет. Калининградскую область в те годы немцы заваливали «гуманитаркой» — бэушной одеждой, сухим молоком, сладкими соевыми батончиками, одноразовыми шприцами (это был хит сезона на фоне раздутой в прессе «пандемии СПИДа»). А также специализировались на поставках в медучреждения, в дома инвалидов и престарелых. Немцы и японцы до сих пор ужасно гордятся, что помогли русским тогда не умереть с голоду и от болезней, и вроде как упрекать их в благих намерениях не по-человечески. Но есть одно «но»: «гуманитаркой» и «помощью» занимались исключительно бывшие жители Восточной Пруссии и «северных территорий Японии». Все эти деятели входят в прогосударственные организации, ключевые из которых — Союз изгнанных в Германии и Лига бывших жителей Курильских и Хабомайских островов в Японии. На этих НКО реваншистского клейма ставить негде — настолько они пропитаны зудом возвращения «утраченных земель».

Но у наших геополитических врагов свет клином не сошелся на Калининграде и Курилах. Этой осенью сепаратисты положили глаз даже на Ленинградскую область. И вновь всё покрыто творческим флером. Так, в Санкт-Петербурге вышел календарь на 2021 год под названием «Восточная Ингерманландия». Этим трудновыговариваемым словом северо-западные сепаратисты именуют некую автономную рес-

публику, которую хотят создать на обломках Питера и Лен-области. В соцсетях «ингерманландцы» проводят опросы из серии: «НАТО против Московии — за кого пойдете?», а в соседней Эстонии устраивают церемонию поднятия «республиканского» флага. Идеолог экстремистского движения Павел Мезерин, сбежавший из России в 2014 году, заявил с экрана русскоязычного эстонского телеканала, что «Ингерманландский флаг — это флаг борьбы».

До сих пор живуч миф о «независимой Сибири». В декабре в швейцарской *Neue Zürcher Zeitung* вышла статья о Сибири как о некоем сепаратистском суперрегионе. Автор — писательница из Санкт-Петербурга Елена Чижова — хитро именует географический край России *Landmasse Sibiriens*, играя немецкими словами («ландмассе» — это и суша, и «Большая земля», как бы суверенная метрополия. — **Прим. ред.**). Читаем: «Судя по событиям в Хабаровске, где много недель не утихали массовые протесты против несправедливых, с точки зрения местного населения, действий российского центрального правительства, у последнего есть определенный шанс». А «последний» в контексте статьи — это миф о том, что «сибиряки — свободолюбивы и в состоянии постоять за себя». Кстати, Чижова оскандалилась 9 Мая 2019 года, когда в той же швейцарской газете обвинила Иосифа Сталина в том, будто бы он способствовал планам Гитлера уничтожить блокадный Ленинград. То есть надо понимать, что от русофобии до сепаратизма один шаг.

И совсем не случайно «Радио Свобода», финансируемая Конгрессом США, запустила три года назад специальный русскоязычный медиапроект: «Сибирь. Реалии». «Сибирь — это регион с особенным менталитетом живущих здесь людей», — говорится на их портале. Помнится, еще недавно подобной «особостью» в западной прессе и научных исследованиях обладали только жители Калининградской области, что позволяло морочить головы россиян исключительной «региональной идентичностью». Как видим, сегодня это сомнительное лекало сдвигают уже к самому центру России.

Американские уши

По мнению члена Общественной палаты России, политического узника США Марии Бутиной, во всех проявлениях реваншизма «американские уши» просматриваются очень четко.

«Происходящее отвечает логике поведения американских политических технологов и спецслужб, — прокомментиро-

вала газете «Совершенно секретно» Мария Бутина. — Сказать, что Америка дистанцировалась от вмешательства в дела российские, невозможно. Тем более сейчас, когда к власти в США пришли демократы. Поэтому с их стороны следует ожидать не только продолжения, но и усиления попыток нарушить территориальную целостность России по всем фронтам. Естественно, первым делом это приграничные земли. При этом надо понимать, что США исторически действуют чужими руками, шифруясь. Поэтому они выпестовали целую гвардию «политических беженцев», которая летает на различные семинары в Польшу, Чехию, Литву, оказывая влияние на своих близких и друзей, проживающих в России. Такая схема не нова, она тянется еще со времен Советского Союза, когда Штаты готовили натуральный диссидентский колумбарий. В 90-е годы прошлого столетия Запад таким же образом приютил сонм террористов двух чеченских кампаний».

Мария Бутина прогнозирует, что в предвыборном 2021 году следует ждать всплеска сепаратистских выходов в адрес Калининграда и Курил — неизменно в творческой обработке: «Если сразу тупо, в лоб сказать россиянам, что Калининград — в будущем немецкая территория, то у многих людей возникнет отторжение. А вот если показать нестандартно, например, на карте, даже после этого опровергнув, то люди привыкнут к такой новой нормальности. Далеко ходить не надо, чтобы понять, как это делается. Я недавно выпустила свою книгу «Тюремный дневник», и для большого количества россиян стало шоком мое описание американских тюрем. Читатели со мной пытались спорить, мол, мы же видели их места заключения — чуть ли не отели. Когда человека спрашиваешь: откуда вы это знаете, он отвечает — так в фильмах показывают. Но кто эти фильмы снимает? Таким образом, нам вживили еще один миф под названием: «Тюрьмы США — самые гуманные». Более того, нам вживили миф, что американская судебная система — самая честная. Так работает пропаганда. Через фильмы, мультики, через, казалось бы, мелочи».

Поэтому, убеждена Мария Бутина, когда на картах не так отражены Калининград или Курилы, то с этим надо бороться «очень жестко». «Надо понимать, что сегодня мы имеем преимущественно информационное общество, и если чего-то нет в Интернете, то многие люди считают, что этого нет и в реальной жизни. Например, мои многочисленные интервью на английском языке о правде в американских тюрьмах через Google не найти. Значит, получается, что их нет в природе.

Так же, если вбить в поисковик в англоязычном сегменте Сети фразу «Путешествие в Россию», то вместо Welcome вы прочтете о том, что это «опасная страна» и что «будьте осторожны». С таким «творчеством» надо очень жестко и системно бороться. Но бороться нужно также нестандартно, нешаблонно. В противном случае мы можем получить новое поколение, выросшее в неадекватной нормальности, усвоившее мысль, что Россия якобы может распасться», — подытожила собеседница «Совершенно секретно».

От себя добавлю, что один из таких способов борьбы телезрители увидели на декабрьской большой пресс-конференции президента РФ Владимира Путина. За спиной президента находилась электронная карта России, где Курильские острова были увеличены и прорисованы так, что своими размерами напомнили Уральские горы. Вот вам и ответка за «мелкие элементы».

г. Калининград
«Российский писатель»

ВЫСШАЯ РАДОСТЬ

ПОВЕСТЬ

ВИТЬКА ГАШКИН

Высшую радость я испытал, когда Витька Гашкин позвал меня ловить рыбу. Только что прошёл сильный летний ливень. Я лежал в своей комнате и слушал, как стекает с крыши вода и булькает в подставленных бабушкой тазах и кастрюлях. Я любил мощные летние ливни с ослепительной молнией и страшным громом. Но ещё больше, чем игра природы, меня радовало то, что после таких ливней выходила из берегов наша небольшая речка Усожа. Чем дольше продолжался ливень, тем больше выходила из берегов речка. И чем выше поднималась мутная коричневая вода, доходя порой до нашего огорода, тем выше во мне поднималась радость.

Я лежал и пытался угадать, докуда поднялась вода, залит наш огород или нет.

В этот момент я услышал, как открылась входная дверь и мальчишеский голос громко спросил, дома ли я.

— Да тише ты, — сказала бабушка, — спит он, а чаго тебе, нехай поспит.

ПРОЗА

Радость вспыхивала во мне всякий раз, когда за мной заходили ребята.

Я вскочил и выбежал в соседнюю комнату, где увидел стоящего в дверях Чушику. Ему, как и мне, было двенадцать лет.

— Иди, Гашкин тебе заветь, — сказал Чушика.

Витька Гашкин был моим двоюродным дядькой. Он был старше меня на 17 лет, уже был женат и имёл двоих детей.

— А где он? — спросил я радостно.

— На дворе, дома у себя, приходи, — сказал Чушика и убежал, не закрыв за собой дверь.

Я быстро натянул штаны и рубаху и босиком выбежал на улицу.

Светило солнце, с листьев деревьев стекали дождевые капли, кругом лежали лужи, а дорога напоминала обмелевшую во многих местах узкую речку.

Витька был нашим соседом. Его дом стоял в тридцати метрах от нашего. Эти тридцать метров я не пробежал, а пролетел, не чувствуя времени.

Гашкин сидел на деревянном чурбане и прибывал к сачку деревянную узкую жердину, метра в три длиной. Как только я увидел сачок, радость зазвенела во мне тысячей весёлых серебряных колокольчиков.

— Ты звал меня, Вить?

— Рыбу поедись ловить? — спросил Гашкин, не поворачивая головы.

— Ты ещё спрашиваешь, конечно, пойду.

Гашкин подошёл к концу жердины, которую он только что прибил к сачку, и поднял её вместе с сачком. В корне сачка зияла большая дыра.

— Тю ты, антонов огонь, — выругался Гашкин.

Бросив сачок, он пошёл в хату и вернулся с мотком суровых ниток. Помогая и мешая друг другу, мы как могли, зашили корну.

— Бяри сачок, — кивнул Витька Чушике и закурил беломорину.

Мы пошли через пустошь. До речки было метров сорок. Чушика нёс сачок, Гашкин курил, а я с нетерпением вглядывался вперёд, ожидая, когда откроется взгляду поверхность реки. Наконец показалась речка. Она набухла, стала серой, все кусты, росшие на противоположном бугристом берегу, были затоплены водой.

Мы подошли к берегу, и Чушика положил на мокрую траву сачок.

— Вить, оставь покурить, — сказал он, глядя на Гашкина, снизу вверх.

Гашкин, смотревший в это время на свой огород, перевёл взгляд на Чушику и, презрительно покачав вверх-вниз головой, сказал:

— Во ещё, хрен моржовый!

Что означало: «рано тебе ещё курить». Но тем не менее, быстро затянувшись два раза, Витька сжал зубы, оторвал половину бумажного мундштука и передал остаток папиросы Чушике.

Чушика сел на корточки и жадно затянулся, а Витька взялся за жердину сачка.

— Тю ты, — сказал он, посмотрев на меня, — бяги к бабке возьми бидон.

Я побежал. Ноги мои несли меня с необычайной скоростью, словно они принадлежали какому-то другому, более сильному, чем я, существу.

Влетев в сенцы, где бабушка чистила картошку, я выпалил:

— Бабуш, дай скорее бидон!

— На што тебе бидон? — спросила бабушка, тщательно оберегавшая всю свою посуду.

— Как на что? — возмутился я её непонятливостью и медлительностью. — Мы рыбу с Гашкиным ловим.

Бабушка, может, ревновала меня и обижалась, что с Гашкиным мне интересней ловить рыбу, чем сидеть рядом с ней и смотреть, как она чистит картошку. Но тем не менее я её любил, и она это чувствовала.

Получив после короткого инструктажа трёхлитровый бидон, я спрыгнул с крыльца, пролетел в открытую калитку и понёсся к пустоши. Радость, переполнявшая меня, сделала моё тело почти невесомым.

Если бы в этот момент вдруг нашёлся человек, который вместо рыбалки заставил меня чистить картошку, пилить дрова или убирать сено, я бы из самого счастливого человека превратился бы в самого несчастного.

Но меня никогда ничего не заставляли делать по дому, я был полностью предоставлен своим собственным интересам.

Гашкин вытаскивал сачок из воды, когда я подбежал к нему.

— Вить, дай мне кинуть, — попросил я.

К моей радости, Витька сразу передал мне сачок, лишь спросив:

— Подымешь?

Я взялся за край жердины, положил её на правое колено и, приподняв сачок над землёй, начал медленно его поворачивать. Когда сачок повис над водой, я отпустил его, положил жердину на плечо и, давя на неё двумя руками, прижал сачок ко дну. После этого начал медленно пятиться и тащить сачок за собой.

В мутной воде рыба не видит сачка, и если она оказывается на его пути, то попадает в корну, из которой ей уже не выбраться.

Когда сачок оказался из воды, никаких признаков, что в нём есть рыба, не было, и я подумал, что он пуст.

Но вдруг Гашкин закричал:

— Ох, растудыт твою мать! — и, бросившись ко мне, помог вытащить сачок на берег.

В корне сачка билась большая щука.

— Ох, растудыт твою... — продолжал восторженно ругаться Витька, вытаскивая щуку из сетки.

Щука то билась, то на мгновенье замирала и вновь начинала биться.

— Вот это ты, парень, дал! С килограмм будет, нет уже, голубушка, отплавалась. — Гашкин схватил щуку за жабры и ударил об землю.

Щука на секунду застыла, из жабр её потекла кровь, но потом вновь стала отчаянно бить хвостом.

— Набяри в бидон воды, — крикнул Витька Чушике.

Я поднял скользкую, пахнущую водорослями щуку и опустил её в бидон. Это была первая пойманная мной большая рыба. Мне вдруг стало её жалко, и восторг мой уменьшился. Но это продолжалось несколько секунд, пока я вновь не взял-ся за сачок и не опустил его в воду.

На этот раз в сачке оказались две маленькие плотвички. Я полез в сачок, с которого на меня капала вода, и, вытащив плотвичек, опустил их в бидон. К плотвичкам у меня было меньше жалости, чем к щуке. Чем меньше, наверное, живое существо, тем меньше к нему жалости. Комаров мне было совсем не жалко.

Гашкин закурил и дал Чушике папиросу:

— Что же ты, падла, мне не попалась, я же тоже в этом месте бросал, — обиженно сказал Гашкин, словно обращаясь к щуке, хвост которой торчал из бидона и шевелился.

Теперь Чушика бросал сачок. С папиросой во рту он отошёл метров на двадцать и опустил сачок в воду.

— Гляди не зацепись, — сказал Гашкин.

В этот же момент сачок Чушики, который двигался по дну, вдруг застопорился.

— Ну, что, дружок, доловился, — Витька подошёл к Чушике и стал смотреть, как он возится с сачком. — Гляди, если порвёшь сачок, яйца оторву.

Мы с Гашкиным, перебивая друг друга, стали давать советы Чушике, как следует вытащить сачок.

— Во щё, хрен моржовый, рыбак тоже мне нашёлся, а ну, дай сюда сачок, — разозлился Гашкин. — Тут же пристань,

дура! Куда ты кидал? Во, рыбак, задница с ручкой, — ворчал Гашкин, пытаясь вытащить сачок. Наконец ему это удалось.

— Да здесь унадысь, — стал оправдываться Чушика, — Гришка Левый двух голавлей ожопил. Вот таких, — показал Чушика и широко развёл руки. — Вот здесь, у самого куста. А про пристань я знал. Я хотел как раз между пристанью и кустом протянуть. Вот дай ещё раз кину.

— Да сяди уже, обивалка конопатая, — сказал Гашкин, идя с сачком вдоль берега.

— Вить, ну дай ящё раз кину, — не унимался Чушика, — а, Вить, ну дай.

— Ну, гляди, зацепишь — нырять будешь, — сказал Гашкин, остановившись.

Мне не хотелось, чтобы Чушика поймал щуку. Я даже с ужасом смотрел, когда появлялся сачок из воды, нет ли там щуки.

— Одна трава, — сказал Гашкин, — из тебя, я вижу, рыбак как из моего члена работник. А ну, дай сюда.

— Вить, дай ещё пару раз кинуть.

Мне стало жалко Чушику, и я пожелал ему поймать хоть пару маленьких окуньков. Но Чушика ничего не поймал.

Мы прошли ещё с полкилометра, забрасывая сачок через каждые десять метров, пока наконец Гашкин не поймал щуку.

— Ох, тудыт твою мать! — закричал Гашкин радостно и запрыгал, как ребёнок, когда увидел в корне сачка бьющуюся щуку. — Ну, голубушка, тут ты никуда не делась.

Пока Витька разговаривал со щукой, я отломил от ракиты гибкую суковатую ветку, и мы вместе с Гашкиным нанизали на неё щуку.

— Ладно, хватит, — сказал Витька, — пойдём. Под Липовой уже негде кидать, там глубоко. Бяри сабе две щуки, голубок, — взглянул Гашкин на меня.

Я отказывался брать вторую щуку, но Витька настаивал:

— Бяри, бяри рыбу сабе, а у бабки трояк попроси, скажи, я с получки отдам.

Я не стал спорить и с гордостью принёс две щуки бабушке.

— Глянь-кася, гдеш ты взял? — удивлённо и радостно всплеснула бабушка руками. — Неужели сам поймал?

— Одну я, одну Витька, но он мне свою щуку отдал.

— Ну, счас я поросёнку вынесу да начну чистить, — сказала бабушка.

— Да, бабуш, Витька просил, чтобы ты ему трояк дала.

— Какой трояк?

— Ну, три рубля.

— Подавится твой Витька, он и без трояка наглотаётся, трояк ему, ишь, чего захотел, — беззлобно сказала бабушка.

— Бабуш, но я же обещал, что ты дашь ему три рубля.

— Глянь-кась, да эта шука трояка не стоит. Ты меньше слухай Витьку. Я ему сейчас трояк дам, а он нажрётся и опять буянить начнёт. А Клавка скажет, зачем дала. Ах, унучек, лучше с ними не связываться.

— Он обещал с получки отдать.

— О-ох, с получки, — пропела бабушка, сложив руки на груди. А кто ж яму получку даст, он же нигде не работает. Ты подумай, с получки! Ну вот, есть совесть у человека?!

Я расстроился. Видя моё понурое лицо, бабушка тяжело вздохнула и пошла в другую комнату.

Я слышал, как открывался и закрывался сундук, где у бабушки были спрятаны деньги.

— На во руб, — сказала она, подойдя ко мне, — отдай, нехай подавится.

Я ждал, что бабушка даст трояк, и был немного разочарован, но спорить не стал.

Когда я подошёл к воротам Гашкиного дома, Витька стоял, облокотившись на ветхие невысокие ворота, и курил.

— Ну, принёс? — спросил Гашкин, взглядываясь в меня.

Я вытащил рубль и протянул его Витьке:

— Трояк не дала, вот только рубль.

— Ну ладно, — великодушно сказал Витька и взял деньги, — руб так руб. Ты к Кудеярихе не сбегашь?

— Зачем?

— Самогонки бутылку купи. Скажи: тётъ Мань, дай Витьке бутылку. Она тебе даст, ня бойся.

— А может, у неё нету?

— Во щё, нету, — Гашкин скорчил гримасу, — Гриха-поп сказал, что вчера прогнала, ен брехать не будет. Иди, ня бойся.

Я стоял в нерешительности. Я стеснялся заходить в чужие дома, тем более спрашивать самогонки.

— Ня бойсь, иди, скажи: тётъ Мань, меня Витька послал.

— А кудыш ты яго посылаешь? — услышал я напевный, но строгий голос бабушки. — И не стыдно тябе? Ах, бяссовестный, Вить, ты бяссовестный. Кудыш ты дитёнка посылаешь? Ну, ты подумай, или, вправду, у тебе ума нет?! А завтра отец яго приедит. А яму скажут: што это твой сын по деревне бегаёт самогонку ищет? Ну, ты подумай, что я яму скажу?

Гашкин стоял, засунув руки в карманы, и качал головой вниз-вверх в такт обвинений бабушки.

— Ну, пошла-поехала, — сказал Витька, всё так же качая головой.

— Ох, Вить, нету в тебе совести, нету.

— Тё, — сказал Витька, причёсываясь пятернёй.

Моя бабушка доводилась ему родной теткой, и он всегда называл её «тё», а дедушку — «дя».

— Тё, куда я его не посылал, вот тебе крест святой. Ну, скажи, — посмотрел на меня Витька, — посылал?

Мне пришлось соврать. Я любил Гашкина.

— Ох, грех тебе, Вить, будет, сам брешешь и дитёнка учишь. Ты вон хотя бы горожу починил, совсем развалилась.

— Ха, горожу, почию, — сказал Гашкин, — я бы уже и починил, только председатель лошадь не выписал. Так за коликами и не съездил. Вот крест святой, не веришь? — начал божиться Витька. — Гриха-поп не даст сбрехать. Мы вместе в сельсовете были.

Лицо его сделалось вдохновенным, как у талантливое актёра. Говорил он не запинаясь и не раздумывая, словно наизусть выучил всё, что ему предстоит сказать в жизни. Волосы у него были русые, с длинным чубом, который доходил ему до самого затылка, когда он его зачёсывал назад. Ходил Витька в дешёвых парусиновых туфлях и в широких штанах, подпоясанных тонким, совсем вытершимся ремнём. Летом, когда было прохладно, он надевал дешёвый неуклюжий пиджак и фуражку, которую чуть ли не каждую минуту снимал, расчёсывал волосы и опять надевал. Лицо его чаще всего было весёлым, иногда злым, когда не удавалось выпить, но никогда не бывало грустным. Когда Витька с шумом втягивал своим длинным носом воздух, высоко поднималась его мускулистая грудь. Шмыгал он носом, скорее, для солидности, чем по нужде.

Гашкин был плохой хозяин. Хата его была покрыта соломой, а наш дом шифером; на огороде у него не было ни одного фруктового дерева, а у нас был великолепный сад; палисадника тоже не было, и перед домом не росли роскошные цветы, как у нас.

Но я любил Гашкина таким, каким он был, и если бы он стал рачительным хозяином, то он, наверно, утратил бы те качества, которые привязывали меня к нему. Внутренне я не хотел, чтобы он всерьёз занялся хозяйством и устроился на работу. Тогда бы ему некогда было ловить рыбу, доставать из речки патроны, оставшиеся от войны, и бросать их в костёр, играть в карты, трепаться с каждым встречным, будь то ребёнок или старик, то есть он стал бы взрослым и скучным для меня.

— Тё, а тё, — переменял Витька свой оборонительный, резкий тон и уже совсем ласковым голосом сказал, — поднесла бы стаканчик.

— Ещё чаго, где же я тебе возьму, нету у меня, тебе и так руб дали.

— Да есть у тебе, я знаю, а тѐ...

— Ну что я брехать тебе, что ли, буду? Нету.

— Ах, антонов огонь, нету? — театрально закивал головой Гашкин. — Ну, побожись.

— Глянькася, да ты, я погляжу, совсем уже с придурью, божиться я яму буду из-за водки. Сказано — нету, значит — нету. Ты вот хотя бы картох матке из погреба достал, а то она, как двужильная, за всех вас работает.

Мать Витьки доводилась родной сестрой бабушке. Звали её Гаша, поэтому и Витьку называли Гашкиным, хотя фамилия у них была другая. Гаша всю жизнь прожила в деревне и ни разу не видела поезда.

В этот момент раздался душераздирающий крик, и из соседнего дома выбежала растрёпанная женщина.

— О, мамушки мои, рятуйте! — кричала она.

За ней выбежал мужчина в сапогах, солдатских галифе и в майке. Левого руки у него не было до самого плеча, а в правой он держал большой нож.

— Господи, — перекрестилась бабушка, — опять сухорукый мать гоняет.

Гашкин выбежал из ворот и побежал наперерез мужчине с ножом и загородил ему дорогу.

— Ты куда, малохолный, опомнись, посадят дурака! — кричал Гашкин и, как вратарь мячу, загораживал ему дорогу.

Я знал хорошо этого мужчину. Это был Коля Кожемин или Кожемяка, как его звали.

— Вить, не лезь, — сказал Коля грозно, — не лезь, понял. Убью я её, всё равно убью.

В этот момент они оба поскользнулись и упали одновременно. Гнев Коли как-то сразу остыл.

— Ну, браток, — подошел к нему Гашкин, — ты уже до ручки дошёл. Сколько же ты выжрал, голубок. Нябось-то куму-то не поднёс, а я тебе всегда наливал.

— Поднясу, поднясу, — сказал Коля поднимаясь.

— Ну, ладно, куманёк, наверное, пора тебе в люлю, давай-ка я тебя отведу.

Гашкин обнял Колю за плечи и повёл его в дом.

Коля Кожемин, как и Гашкин, был моим соседом. Наш дом располагался между их домами.

Периодические запои Кожемяки сопровождались постоянными избиениями жены. Несколько раз он пытался поджечь свой дом, но успевали потушить. Но колхозную скирду сена ему всё же удалось поджечь, за что он год отсидел в тюрьме.

Несмотря на свою инвалидность (руку он потерял на войне), Коля был единственным настоящим рыбаком в деревне. Он ловил только на удочку. Их у него было штук двенадцать разных размеров. Когда он был трезв, то каждый вечер варил в чёрном чугуне картошку на улице, прямо у себя перед каменной плиткой. Потом пёк рыбу на прогоревших дровах: окуней, плотву, небольших щук — и всё это раздавал детям, которые всегда садились вокруг его костра.

— Ты куда, дядь Коля? — спрашивал кто-нибудь из них, когда Коля, раздав рыбу, направлялся в хату.

— Я роман иду читать, — отвечал Коля, делая ударение на букве «о».

Когда Гашкин отвёл Колю, я предложил ему продолжить рыбалку.

— Во щё, — сказал Витька и, шмыгнув носом, пошёл на другой конец деревни, видимо, за водкой.

Тогда я сам взял сачок, спустился к речке и прошёл тот же самый путь, который мы прошли с Витькой, но щука мне больше не попала. Правда, я поймал с десяток плотвичек и отнёс их бабушке.

Заснул я усталый и счастливый от мысли, что завтра ещё вода не спадёт и можно будет пройтись с сачком вдоль речки.

Ночью меня разбудил какой-то шум, и через несколько секунд я отчётливо услышал крик женщины: «Запалил, запалил, о, мамушки мои, запалил!» В доме слышался топот ног, звон вёдер и торопливые фразы: «Ведра, ведра няси, — говорил Корнеевич, — а сундуки, сундуки надо выносить, а Витька где? Витьку иди зови, слышишь, дед?»

— Пятровна, а Пятровна, малого буди.

— Унучек, вставай, — услышал я слова подошедшей бабушки, — вставай, детка. Коля Кожемин свою хату запалил.

— Дя, а дя, — услышал я голос Гашкина, — да куды ты лезишь, во тоже мне — пожарник. Да сяди уже. Без тебе сгорит.

— Вить, ты сундуки с дедом выносите, мало ли што.

— Тё, да не загорится ваш, там ветра нету.

В комнате было светло от полыхавшей соломенной крыши, которая находилась от нашего дома в десяти метрах.

Я выбежал на улицу, не испытывая никакого страха.

Крыша уже почти сгорела.

Вокруг суетились люди с вёдрами и громко кричали, давая советы друг другу.

— А чагой-то на конюшне не звонят, — крикнул Гашкин и побежал к горящей хате.

— Коля, где, где он, живой-то хоть?

Послышался конский топот и через несколько секунд появилась лошадь, сзади которой на телеге стояла пожарная помпа. На телеге стоял во весь рост мужик в майке. — Тр-р! — закричал он и, прыгнув с телеги, стал разматывать шланг.

— Вить! — закричал он. — Давай качай помпу!

Гашкин стал качать — из шланга полилась вода.

Стало уже светать, когда разошлись последние любопытные, продолжая обсуждать главную тему этой ночи.

— Во, чёрт сухорукий, ну ты подумай.

— Хорошо хоть ветру не было.

— Сколько ж яму теперь дадут?

— Года на три посадят.

СТРАННИКИ-БОГОМОЛЬЦЫ

На следующий день после пожара я спал почти до обеда. Пожар не омрачил моего хорошего настроения, в котором я обычно просыпался. К тому же в соседней комнате я слышал голоса ребят, они зашли за мной и ждали, когда я проснусь. Мысль о том, что я нужен своим сверстникам, усиливала мою радость пробуждения.

Наспех позавтракав, я пошёл с компанией играть в карты. Карты у меня были такой же страстью, как и ловля рыбы. Вода в реке уже начала спадать.

Мы сидели на берегу и играли в «козла», а через час отправились на заброшенный хутор, километрах в пяти от деревни. На хуторе уже никто не жил, и огромный сад оказался беспризорным. Яблоки меня совсем не интересовали. Мне просто нравилось куда-нибудь идти или ехать, лишь бы подальше от дома. Чем дальше, тем таинственней и загадочней делалось путешествие.

Я вернулся уже вечером. А через час после моего возвращения к нам пришли три человека: две женщины и старик. Старик нёс небольшой, перевязанный верёвкой мешок за плечами, а женщины держали в руках белые узелки. У всех у них были добрые, мягкие глаза и светлые, высушенные постом лица. Я догадался, что это богомольцы. Они шли откуда-то с севера пешком в Киев, в Киево-Печерскую Лавру, чтобы поклониться святым мощам. Это были не первые богомольцы, останавливающиеся у нас в доме. Бабушка стелила им на полу три овчинных шубы и, поговорив и попив чаю, они ложились спать, а утром продолжали свой путь. Мне нравились эти гости, особенно их разговоры. Я даже не хотел играть с ребятами, а сидел и

слушал. Говорили в основном о чудесах, о колдовстве, о кладах, о вещих снах.

В этот вечер к нам пришёл высокий, худой старик, с густой седой бородой — Николай Ильич. Он был в длинной холщовой рубаше, подпоясанной солдатским ремнём со звездой на пряжке. Одной руки у него не было, и пустой рукав был заткнут за ремень. В другой руке он держал толстую книгу — «Жития святых». Мне нравился Николай Ильич. От него веяло какой-то тайной, какой-то ещё незнакомой мне мудростью, к которой я уже инстинктивно тянулся. Я чувствовал, что в душе моей происходит уже какое-то развитие, и мне хотелось это развитие ускорить. Но ускорить развитие, думал я, может только настоящий Учитель, и Николай Ильич, как казалось мне, подошёл бы на эту роль. Но я боялся с ним разговаривать.

Николай Ильич пришёл как раз в разгар разговоров, ко второй чашке чая. Особенность этих разговоров была в том, что рассказываемые истории как бы не говорились, а пелись.

Мы с сестрой сидели на овчинных шубах и слушали.

— А то во был ещё случай, — громко сказал старик-странник, словно предупреждая о начале новой истории. После этого он налил себе чаю в блюдце, громко отхлебнул и, осмотрев сидящих, важным, таинственным и напевным голосом начал рассказывать:

— Служил мой дед кучером у помещика, а дело было как раз перед Крымской войной. Мне это дед сам рассказывал, когда я ребёнком был. Так вот, пришёл к помещику странник и говорит: «Пусти, мил человек, переночевать». А помещик и диву даётся, была б зима, а то ж лето. Летом странники ночлега не просят, где лёг — там тебе и постель. А помещик верующий был. Видит он, что странник какой-то не такой, и велел слугам ему в своей спальне постелить. Постелили яму. Накормили лучшими кушаньями. У помещика сын крепко болел, во болел, так уж болел, что никакой надежды. Ночь, луна светит, а помещик всё по дому ходит, места себе не находит. То в сад выйдет, то опять вернётся и всё как будто чего-то ждёт. Вот вышел он в сад опять, а ночь жаркая была, все окна открыты и видит: стоит золотая лестница, до самой луны достаёт. А по лестнице спускается молодая женщина с золотым венцом на голове. Спустилась она и прямо в спальню пошла, где ребёнок лежал. Взяла ребёнка на руки, подошла к лестнице и только хотела уже подняться, как выходит из дома странник и прямо к женщине. Взял у неё ребёнка и обратно в дом понёс. Положил его, перекрестил, а утром ребёнок выздоров-

вел. Вот так вот. А дед мой как раз коляску запрягал, чтобы за доктором ехать, и всё сам видел.

— А што ж дед за доктором не поехал? — спросил Корнеевич.

— Во щё! — возмутилась бабушка, тебе же сказано, что дитёнок выздоровел.

— Так выздоровел-то утром, а дело ночью было.

— Сяргей, сяди уже, — почти со злостью сказала Петровна.

— Тогда много разных чудес было. Во тоже перед Турецкой войной отец мой в солдатах был, — продолжал старик. — Пришёл к нему странник. Ну, отец упал на колени и молится: «Господи, Господи». А странник и говорит: «Иди и не бойся смерти». С тех пор мой отец никогда не боялся смерти и живой вернулся. Девяносто годов прожил и во сне помер.

— Ну, а што ж ты — боишься аль нет? — спросил Николай Ильич своим строгим голосом.

— Смерти-то, — задумался старик, — а вот, веришь ли, иногда боюсь, начну читать «Отче наш», глядишь — и уже не боюсь. Што ж бояться: Бог дал, Бог взял.

— А ты, Корнеевич, боишься смерти? — обратился Николай Ильич к моему дедушке.

— А! Не боялся и не боюсь. Чаго её бояться, всё равно под ракилки.

— А, небось-то при немцах, когда Максим Огородников приказал тебя расстрелять, то забоялся. Сидел бледный, как полотно, и всё крестился.

— Да я уже и ня помню, Пятровна, — сказал Корнеевич зевая.

— А то во, у нас был случай, — начала рассказывать женщина в платке. Она на секунду сняла платок, вытерла им потный лоб и снова одела. — Поехал один мужик с нашей деревни по дрова. Поехал уже под вечер. Нагрузил воз, а по дороге колесо сломалось. Пока он яго делал, стемнело. Возвращался уже ночью. А дорога из леса прямо возле погоста проходила. Едет он, значит, едет, только к погосту подъехал, лошадь вдруг остановилась и стала ржать. А мужик был не робкий. Слез он с воза, подошёл к лошади и видит: на дороге жаба сидит, да не простая жаба, а 33 килограмма весу. Размером с большое колесо и глаза в темноте светятся. Вскочил мужик с перепугу на воз и ну «Отче наш» читать да креститься. Три раза прочитал, а когда начал четвёртый раз читать, то жаба прыгнула с дороги и прямо к погосту и в норку под могилкой нырнула. Рассказал мужик об этом случае в деревне людям. На следующий день пошли на погост пять человек с ружьями. И что ты думаешь, нашли норку под одной могил-

кой, здоровую, как пещера. Стали мужики стрелять в эту норку, только жабы там уже не было. Потому что видели её через неделю на другом погосте, километрах в десяти от нашей деревни. Но она уже была больше раза в два. Говорят, что она вот так всё будет расти и расти, пока не сожрёт всю землю.

— В Писании про жабу ничего не написано, — сказал Николай Ильич, — и землю она не сожрёт. В Писании совсем по-другому про конец света сказано.

— Это бясы, — сказал старик, — надо было не стрелять в норку, а святой водой побрызгать. Пулей ты беса не возьмёшь, а тока крестом и молитвой.

Я во раз шёл ночью через мост, а кладбище у нас так же, как у вас, — недалеко от села. Подошёл к мосту, слышу: вода плещется, как будто кто-то купается. А дело было уже после Ильи, холода начались. Ну, думаю, погляжу. Вижу: стоят три человека по пояс в воде и голову моют. Тут как раз луна выходит. Мамушки мои! Вижу я женщину и двое мужчин. Мужчины мне незнакомы, а вот женщина крепко знакома. Пригляделся я и узнал Маню Барыкину. Была у нас такая ведьмуга, а год назад померла. Сам видел, как закапывали. Ох, братцы мои, тут такой страх меня узял, что я не помню как до дома добёг. На следующий день пошли мы с отцом на погост, видим над могилкой Мани креста нету, и вся могилка будто её кто поднимал.

— Скоко ж тябе годов тогда было? — спросил Корнеевич.

— А было мне, счас скажу, 20 годов мне было, — сказал старик твёрдо, — как раз за год до первой войны с немцем.

— А што ж ты в ту ночь пьяный или трезвый был? — продолжал уточнять Корнеевич.

— Твярёзый был, как стекло, — и старик показал на пустой гранёный стакан, из которого он пил чай.

— Ох, Сяргей, ты, я погляжу, Фома неверующий, ну ты подумай. А нам колдуны, что, мало зла сделали?

— Да я просто так спросил, — тихим, виноватым голосом сказал Корнеевич.

— Сяди уже, тятя ты старая, спросить он хотел, а то не знает, отчего у нас сад засох и дети болеют, — сказала бабушка несколько повышенным, но не злым голосом.

Фитиль в керосиновой лампе стал чадить, и я уменьшил его в два раза. В комнате стало темнее. Плечистые тени сидящих двигались. Разговоры продолжались.

— Ну, ты расскажи Пятровна, какие у вас тут колдуны, — попросил старик-странник.

— У-у-у, — сказала бабушка нараспев. — Вот верить или нет, но у колдунов бывает такая сила, что они могут течение речки в другую сторону повернуть.

— Могут, — твёрдо сказал старик-странник.

— Вот жил у нас тут сразу после войны колдун, старик Сяньчонок. Крепко уж нашу семью не любил. Так вот. Бывает такое время у колдунов, что они места себе не находят, если кому-нибудь зла не сделали. А тут как раз перед Троицей приезжал поп из Бобрика и все дома освятил, молебен отслужил и уехал. А Сяньчонок в эту ночь места себе не находил. Бегал как зверь по своему огороду, не знал, куда свою злую силу выпустить. А утром, может, часа в четыре утра вышел Коля Кожемяка, тот, который хату свою запалил, к речке, поглядел, а она в обратную сторону тячёт. Наша речка к лесу тячёт, а Коля видит, что она к Липовке тячёт. Своим глазам вначале даже не поверил. Потом взял ветку ракиты бросил, видит: она в обратную сторону тячёт. Лодка у нас здесь стояла, как раз под нами, а на следующий день её нашли аж в пяти километрах вверх по речке, аж под Шумом.

— Так это дети, нябось, отогнали, — тихо заметил Корнеевич.

— Да сяди уже, — махнула на него рукой бабушка. — А как меня четыре собаки на расстынях встретили! Вот иду я ночью, — она перевела взгляд с Корнеевича на странников, — иду я, значит, — а ходила навестить болящую Алёнушку, — только подхожу к расстыням, вдруг вижу: идут на меня с четырёх сторон четыре большие собаки. Вот уж большие, аж жуть. Мамушки мои! Я чуть не обмерла со страху. Я тут скорей читать «Отче наш» и прямо одну собаку перекрестила, потом вторую, и когда я всех их перекрестила, то они повернулись, поджали хвосты и побёгли.

Или во, моя сестра Ленка два года назад шла тоже от Алёнушки, а дело уже к ночи было. Идёт она, идёт и как раз во, где Гриха-поп живёт, видит: на дороге простыня белая ляжит. Она не растерялась, сразу перекрестила её «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», а простыня сразу свернулась и в чёрную кошку превратилась да как замячит. Во, какие дела!

— А во был случай, — начала рассказывать одна из женщин-странниц. — Как раз за год до конца войны. Жила у нас одна баба гулящая, да ещё и ведьмуга. Как бывало, посмотрит на ребёнка, так тот три дня криком кричит. Как раз перед войной она замуж вышла. А когда мужа забрали, тут сразу и немцы пришли. Стала она с немцем жить. Года с полтора так прожила. А когда немцев прогнали, родила она мальчика. Стала бабка-повитуха ребёночка обмывать, глядь, а на голове у него рожки. Побегла она к попу. Тогда у нас церква в селе стояла. Прибегла она, значит, к попу и всё рассказала, дес-

кать, так и так. Пришёл поп в хату, видит — младенец с рогами. «Не, — говорит, — такого я крестить не буду, это антихрист». Вернулся он в церкву, да и молился всю ночь. А утром люди стали между собой говорить: что же делать, ведь антихрист. И каждый про себя думает: «Убить бы надо антихриста, пока маленький, утопить как сляпого котёнка, пока беды не наделал». А только поп сказал — мудрый поп был, учёный: «Не вы его родили, — сказал, — не вам решать его судьбу. Знать, Господь так хочет. А антихрист родился перед Страшным Судом, чтобы ещё больше людей развратить, а потом они все провалятся в геенну огненную».

А через день исчезла ведьмуга со своим антихристом. Никто её с тех пор больше и не видел.

— Да, — сурово сказал старик-странник, — вырастет этот антихрист — тогда беда.

— А поглядите кругом, что делается, — сказала вторая странница, — люди совсем Бога забыли! О, Царице Небесная, Заступница наша усердная! — женщина встала и несколько раз перекрестилась на иконы, каждый раз низко кланяясь.

— У, забыли, забыли, — нараспев печально произнесла бабушка. — Ох, дети вы мои, дети, пропадёте вы, пропадёте, — сокрушенно покачала она головой и посмотрела на нас с сестрой.

— А што, какая нынче молодёжь, вот скажи, Корнеич? — Николай Ильич посмотрел на дедушку.

— А!? — многозначительно и недовольно произнёс Корнеевич. — Что зря делают!

Николай Ильич открыл книгу. Все приготовились слушать, а нам велели ложиться спать.

Ночью меня разбудил громкий, дребезжащий стук в окно. Я проснулся и сразу вспомнил про антихриста — ребёнка с рогами. Ужас объял меня. Стук повторился.

— Иду, иду, — услышал я сонный голос бабушки, — кто-то? Это ты, Мань? Да дома ён, дома, счас позову. Иди, Сергей, корова Нысекова подавилась.

— Ох ты, Господи, — простонал Корнеевич, — ни днем ни ночью покоя нету.

— А ты не ходи, — сказала бабушка, — тут ещё один ветеринар есть, молодой, а ты на пенсии, нехай к нему идёт.

— Да как не пойти, когда люди просят, ох ты, Господи, — снова застонал дедушка, — всё болит. Во.

— А кто там, Маня пришла?

— Маня, кто же, ей, ляге, на другой бок лень перебечь, к молодому ветеринару. Старого человека беспокоит.

Я вновь заснул. Меня разбудило солнце. Радость, как всегда по утрам, всё так же высоко парила во мне. Из вчерашних разговоров меня больше всего заинтересовала история про моего дедушку. Мне хотелось узнать, за что его хотел расстрелять командир партизанского отряда.

КОРНЕЕВИЧ

Была половина девятого утра. Странники уже ушли. Печка ещё топилась, и бабушка, наклонившись, передвигала в ней ямками чугуны.

— А где дедушка? — спросил я.

— Лошадь запрягает, а чагош ты так рано встал, — сказала бабушка, повернувшись ко мне, — иди спи.

Я вышел во двор. Корнеевич надевал дугу на шею лошади.

— Ты чаго рано нынче, унук, — сказал дедушка, когда я к нему подошёл.

— А зачем тебя этот Максим-партизан хотел расстрелять? — спросил я.

— А кто тебе сказал?

— Да бабушка вчера вечером говорила.

— А! Бабушка твоя, — недовольно сказал Корнеевич, — она будет брехать, дура старая.

— Ну, расскажи, дедуш, а, расскажи, — не отставал я, — ты ведь мне никогда не рассказывал про войну.

— А, унук, я уже забыл. Да и на што она тебе сдалась, война эта! Ох ты, Господи, иди вон лучше с ребятами бегай. Поняв, что от дедушки я ничего не добыюсь, я вернулся к бабушке.

— За что хотели расстрелять дедушку, а? Расскажи, бабуш.

Бабушка налила мне свежего супу с петрушкой и укропом и, сев напротив, начала рассказывать.

— Когда пришли немцы, то стали искать врачей и ветеринаров. Вызвали деда. А дед раньше был председателем сельсовета. А тогда и за это могли расстрелять. Ну вот. Вызвали его. Пришёл ён. А ему говорят: «Ты ветеринар, будешь немецкое стадо пасти и лечить». Полицаи сказали. Ну, а куда деду деваться, откажется — расстреляют. Ну, а коровы то были наши, русские, только немцам молоко и мясо шло. Начал работать, а потом решил к партизанам перебежать. А тут я слегла. Крепко уж заболела. Меня-то он не бросит с маленьким ребёнком, так и работал. Ну, вот прогнали немцев, пришли партизаны. Попросил меня комиссар три окровавленных одеяла постирать и дал две буханки хлеба и кусок сала. По-

шла я под горку, стираю и тут слышу крик какой-то возле нашей землянки. А сердце так и ёкнуло, ну, думаю, что-то с Сяргеем. Бросила я одеяла, побегла и вижу: сидит мой Корнеевич на лукошке лицом к речке. Бледный как смерть и не шевелится, словно яго стричь посадили. А в шагах пятнадцати от него стоит Максим и ему в затылок из винтовки целится. Тут я и закричала.

А Максим как глянул на меня да как начал ругаться, вот уж страшно ругался, о, Господи. А потом плюнул, бросил винтовку и сказал: «Твой муж — предатель, поняла?» С ним ещё три человека были, и все сильно выпивши. Сели они на дроги и уехали.

Максим этот мне троюродным братом доводился. Но вот уж нехороший человек, хоть и партизан.

— А вот слушай дальше, — вспоминала что-то бабушка. — На следующий день после этого случая идёт твой дедушка по дороге, а навстречу яму Паша, брат яго родной. Как увидел он Сяргея да как засмеется и говорит: «А что ж тебя яще не расстреляли?» Ну, ты подумай, такое сказать родному брату?! Так после этого дедушка с ним пять лет не разговаривал. Вот такие люди бывают внучок, — подытожила рассказ бабушка.

Позавтракав и выслушав бабушкину историю, я пошёл к речке, надеясь встретить кого-нибудь из ребят. Но под горкой было пустынно. Вода в реке возвращалась в свои берега и уже начала светлеть. Мне стало скучно, и я вернулся домой.

Корнеевич сидел на табуретке и точил топор.

— Чёрт знает, что за человек, — проворчал он.

— Ты про кого это? — спросила бабушка.

— Да про Витьку, про кого ж ещё. Пришел: «Дя, дай топорика». Дал — и квит топору. Идиота кусок, а не человек.

— А ты не давай, — твёрдо сказала Петровна.

— А! Не дашь — дед нехорош. Ох ты, Господи, устал жить, скорей бы под ракилки.

— Во щё, дурак старый, што ж ты говоришь такое при дитёнке. Ну, ты подумай. Сяргей, а у тебе ума нету, как я погляжу.

Мне стало жалко дедушку.

Вдруг Корнеевич поворачивается ко мне и говорит повеселевшим голосом:

— Что, унук, поедешь со мной в Прямое. Там и заночуем, а завтра приедем.

— Поеду, конечно, поеду, — загорелся я. — Прямо сейчас?

— Не, после обеда. Счас я на стадо под Вольговку съезду, а после обеда вернусь — и поедем.

Прямое находилось в 15 километрах от деревни, в том месте, где Усожа впадает в Нерусу. Там на заливных лугах паслись три стада коров, а вокруг шумел таинственный столетний лес. Но самым привлекательным для меня в этой поездке была не только её отдалённость, а то, что там пастухи ловили рыбу и варили великолепную уху, о которой я много слышал, но ни разу не пробовал. Я надеялся, что мне удастся наловить рыбы и попробовать ухи.

Я не уходил далеко от дома и ждал дедушку. Наконец он приехал. Мы пообедали и в четвёртом часу выехали в Прямое. Солнце стояло ещё высоко, всё нагревая и без того уже горячий воздух. Небо было голубое и чистое. От телеги, на которой я сидел, пахло дёгтем и сеном, а от дедушки — медикаментами.

— Во как парит, — сказал Корнеевич, — как бы грозы не было. Но! Пошёл, ишь, лодырь! У! Чёрт..

Лошадь затрусила ленивой рысью, а перед мостом перешла на шаг.

— Ты, унук, не сбегашь в магазин? — вдруг спросил меня дедушка помолодевшим голосом, когда мы переехали мост. — Т-р-р-р!

Лошадь сразу остановилась, словно только и ждала этих звуков.

— Зачем в магазин? — спросил я.

— Сбегай, возьми красненькую. — Корнеевич полез вначале в один карман, потом в другой, потом слез с телеги без своего обычного кряхтения, продолжая искать деньги, и наконец вытащил рубль и две копейки. — На вот, — протянул он мне деньги, — возьми красненькую.

Я понимал, что речь идёт о вине, и спросил, какого сорта.

— Скажи: красную — и тебе дадут. Тут у нас, унук, белая да красная. Другой не знают.

До магазина было метров двести. Я побежал и вернулся с бутылкой красной.

— Ну, вот и хорошо, — сказал Корнеевич, счастливо улыбнувшись, и положил бутылку под свою большую ветеринарную сумку.

Как только мы выехали из деревни, на лошадь налетели слепни и большие мухи.

Дедушка не поехал через поле по самой короткой дороге, а свернул к реке.

— Коня надо напоить, а то жарко, а потом поедем берегом, — объяснил он.

В тени высокой сосны, на берегу реки, Корнеевич остановил лошадь, снял картуз, вытер рукавом пот со лба и достал бутылку.

Сорвав своими ещё совершенно крепкими и здоровыми зубами металлическую крышку с бутылки, он протёр горлышко ладонью и со словами «Господи, благослови» стал пить.

Я подошёл к лошади и стал убивать впившихся в её тело оводов и слепней. Собственно, это была не лошадь, в том смысле, что не кобыла, а конь. Звали его Барсик. Он был уже стар, но рысью бегал быстрее других лошадей на конюшне, поэтому его все знали как рекордсмена. Был на конюшне ещё один быстрый конь — Володя. Этот быстрее всех скакал галопом. На нём ездил управляющий, а на Барсике ездил ветеринар. Барсик был у дедушки уже десять лет.

С двумя передышками дедушка допил вино и положил пустую бутылку под солому.

— А тебе не оставил, — сказал он, — может быть, и выпил бы глоток? Я отрицательно покачал головой. — Ну, садись, поехали. Но, пошёл...

Голос Корнеевича стал бодрее и сильнее после выпитого. «Наверное, сейчас он не сказал бы, что устал жить и хочет скорее под ракирки», — подумал я. Я был рад за дедушку, что он повеселел, и ему, может быть, сейчас так же хочется жить, как и мне.

— Но, пошёл, — продолжал понукать лошадь Корнеевич, выезжая на дорогу. — Но, што ходит. У! Дороги не видит, иррид. Куда?! Не нажрался! Идиота кусок, но, пошёл... У! Паразита кусок, тока бы жрал да стоял.

Барсик выбрался на дорогу и затрусил ленивой рысью, а дедушка запел песню, в которой не было слов, а только печально «э-э, э-э-э» дрожало в воздухе.

— А вон там, — повернулся ко мне Корнеевич и показал кнутовищем на широкий холм, — видишь этот бугор? Это кудяров курган. Раньше он высокий стоял. Был такой атаман Кудеяр. А когда он помер, разбойники яму шапками курган насыпали.

— А когда же жил этот атаман?

— Давно, тогда тут дубовый лес кругом был. Лет двести.

— А отчего он умер, убили?

— Да кто яго знает, помер да и всё.

— Наверное, он хороший атаман был, если ему разбойники курган шапками насыпали.

— Да это, унук, люди так говорят, а кто яго знает, был этот атаман или нет.

— Конечно, был.

— А ты почём знаешь?

— Песня есть про атамана Кудеяра.

— Я не слыхал, — сказал Корнеевич, сняв картуз, вытер пот со лба, — во жарит нынче. Ты пить не хочешь, а то сейчас заедем. Тут в лесе есть родник.

Мы въехали в лес. Стало прохладней, но меня мучила жажда.

— А где же родник? — спросил я.

— Сейчас подъедем, — сказал Корнеевич и минут через десять остановил лошадь. — Т-р-р. Слезай, пойдем. Тут рядом.

Я спустился за дедушкой в небольшой овраг, поросший ольхой и берёзой, и почувствовал под ногами влажную землю. Через несколько метров Корнеевич остановился. Я подошёл к нему и увидел небольшую ямку, полную прозрачной воды, которая вытекала из неё небольшим ручейком. Дедушка снял картуз, зачерпнул им ключевой воды и стал пить. Пил он долго, словно лошадь. Вода с картуза тоненькой струйкой вытекала ему на сапоги.

Попив, он вылил остатки воды на траву и, зачерпнув ещё раз, передал мне картуз, полный воды. Картуз пах потом, но вода была вкусная, хотя и ледяная. Я тоже пил долго и в конце уже через силу, чтобы подольше не мучила жажда.

Мы приехали в Прямое, когда солнце висело перед макушками сосен. К моему разочарованию, пастухи как раз перед нашим приездом закончили ловить рыбу бреднем.

— Погляди, Корнеевич, — сказал пожилой пастух с злысьинами и подвёл дедушку к кусту, под которым стояло большое ведро, полное рыбы.

— Што ж, юху будете варить нынче, — сказал дедушка и, вытащив из ведра большого голавля, полюбовался им и опять положил.

— Как стемнеет, так приходите, — сказал пастух, — только выпить нынче нету. Раньше тут лясник жил, да ты знаешь яго, Гаврилов Степан.

— Знаю, знаю, — закивал Корнеевич, — прошлым летом помер.

— Ну, вот яго баба всегда гнала, как не придишь, всегда есть. А сейчас нигде не возьмёшь.

— А што ж вы сами не гоните? — спросил дедушка.

— Попробовали как-то — змеёвик сломался. Да, — махнул рукой пастух, — оно и лучше, яё не перепьёшь.

— А сколько же вас здесь теперь? — спросил Корнеевич.

— Трое, — ответил пастух, — Иван, я, да Петька Лопухов. Раньше Коля Кожемин ещё работал. Но ён как запьёт, тогда бяда.

— Так Коля хату свою запалил, слыхал? — спросил дедушка.

— Слыхал, а я знал, что ён запалит.

Пока мужики разговаривали, я пошёл исследовать окрестности, а когда вернулся, перед шалашом пастухов горел костёр. Над ним на толстой алюминиевой проволоке висел большой, весь прокопченный чан. Это варилась уха.

Стало быстро темнеть, показались первые звёзды. В воздухе стоял аромат варёной рыбы и костра.

— Иван, — сказал старый пастух, — поменяй рыбу, нябось, эта сварилась уже.

Иван, мужик лет тридцати пяти, стал вытаскивать из котла варёную рыбу и складывать в миску. После чего он высыпал в тот же самый бульон две миски свежей рыбы.

— Ешь, Корнеевич, — сказал Иван и подвинул к дедушке миску с рыбой. — Это кто ж у тебя — сын или внук? — спросил он, показывая на меня.

— Унук, конечно, — сказал Корнеевич, беря большую плотичку, — какой сын? Сын у меня в городе работает, а это унук.

— А што ж твой Николай, построил дом? — спросил пожилой пастух у дедушки, имея в виду моего отца.

— Построил, — сказал Корнеевич, — большой дом, кирпичный.

— А как бы ты не помогал, так, наверно, бы и не построил, — заключил пастух.

— Кто яго знает, может быть, и не построил. А ты знаешь, — обратился дедушка ко мне, — почему в старую воду бросают новую рыбу? Это для того, что б юха наваристей была. Вот счас попробуешь.

Когда вторая рыба сварилась, Иван добавил в уху перец, лавровый лист и горсть укропа.

Костёр догорал, а в небе разгорались крупные звёзды, на лугу стрекотали кузнечики, а в реке квакали лягушки. Невдалеке шумели высокие сосны.

Пришёл третий пастух Петька Лопухов. Это был молодой парень, лет 20, в руках он держал длинную плетёную ручку.

— Ну што, загнал? — спросил Иван.

— Загнал, — сказал Петька и начал рассказывать, как он видел вчера змею в речке.

Мне стало страшно. Я посмотрел на воду. До неё было метров тридцать, но я на всякий случай отодвинулся ещё на метр.

— Хороша ушица, — сказал Иван, протягивая мне миску, налитую с верхом. Старый пастух дал мне ложку и кусок хлеба.

Скоро все начали есть и хвалить уху. Я тоже похвалил, но сказал это так тихо, что никто не услышал. Мне стало неловко оттого, что я не могу влиться в эту компанию взрослых, и я пододвинулся поближе к дедушке. Уха же, действительно,

была восхитительная, и я до сих пор чувствую вину, что не высказал своего восторга повару Ивану.

Некоторое время ели молча. Слышно было, как в реке плещется рыба.

— Что же ты худой такой, — обратился ко мне пожилой пастух, — или мамка не кормит? Как у вас там в городе?

Я не знал, что ответить пастуху, и сконфузился. Я понимал, что нужно сказать какую-нибудь шутку, но ничего смешного мне не приходило в голову. Наконец я нашёл что сказать. Нужно было сказать, что если б я хоть раз в месяц ел такую уху, то никогда бы не был худой. Но в это время уже говорил Иван.

— Раньше народ здоровее был, а счас не тот, так.

— Раньше здоровее были, — сказал Корнеевич. — Бывало, мужик пойдёт косить ещё до зари. Косит, косит, а когда солнце припекать начнёт, идёт есть. Берёт полковриги хлеба, две головки лука да фунт соли. Садится на берегу реки, ест и из речки прихлёбывает. Посидел минут пятнадцать, всё умял и пошёл опять косить. Во как! Раньше здоровее были. Жил у нас такой Микишай, так он воз дров из лесу один на себе без лошади привозил.

Я очень отчётливо представил, как на берегу речки сидит огромный мужик, перед ним огромный каравай хлеба, он его режет огромным ножом, откусывает огромные куски, наклоняется к речке и прихлёбывает. А потом впрягается в огромный воз дров и везёт вместо лошади. Я ему позавидовал и решил как-нибудь сам испытать эту методику для развития силы.

Я съел две миски ухи и, казалось, наелся на всю жизнь.

Между тем, нам постелили. Мы легли на одеяло, лежащее на сене, и укрылись пододеяльником. Корнеевич сразу уснул, а я, невольно вспомнив про трёхметровую змею, приподнялся и стал смотреть на речку. До неё было метров тридцать.

— Дедуш, дедуш, — стал я будить Корнеевича, — слышишь, дедуш.

— Ты чаго? — спросил Корнеевич, открывая глаза.

— Я боюсь змеи, давай в другое место перейдём, подальше от речки.

— Какой змеи?

— Ну, трёхметровой, которую Петька видел вчера.

—А? — произнёс Корнеевич, вспомнив, — так ён бряхун. Спи. Палку он видел, а не змею, тут у нас трёхметровых змей отродясь не бывало. — Сказав это, Корнеевич тут же заснул.

Я успокоился. Но мне не спалось. Я смотрел в звёздное небо, слушал, как шумят сосны, как играет рыба в речке, поют кузнечики, и снова смотрел на звёзды.

Созерцание звёздного неба вызывало во мне восторг, но мысль о Вселенной будила ужас.

— Господи, — сказал я, — что это со мной? — и перекрестился. Потом повернулся на живот и закрыл глаза. Я хотел побыстрее заснуть, чтобы проснуться со своей обычной, светлой, беспричинной радостью, когда уже на небе не будет звёзд.

ПАТРОНЫ

Утром пришёл Гашкин. Я завтракал.

— Тё, — сказал он бабушке, — а тё, дай руб. Вот ей Богу, вечером отдам.

— Вить, да ты, я погляжу, того, — сразу посерьёзнала бабушка, — где ж я тебе возьму руб. Зачем тебе?

— Да кум приехал из Асовицы.

— А што ж у кума рубля нету?

— Нету у яго.

— Кум-то свои, нябось, не пропивает, а всё с тебе, дурака, тянет.

— Да я отдам вечером. Вот ей богу. — Витька перекрестился.

— Ох, не божись, нету у меня.

— Значит, не дашь?

— Хватит жрать! Вон Кожемяка хату запалил. Таго гляди, и ты нажрешься и свою запалишь.

— Во щё, — закивал Гашкин презрительно головой, — попададя сялеменская. Чагошь я свою хату палить буду?

— Да кто те, дурака, знает?! Кум-то небось уж и сена коро-
ве накосил, а ты уж забыл, когда косу в руках держал?!

— Накосю. Значит, нету рубля?!

— Найдешь в другом месте.

— Ну а ты, что сядишь, как сирота казанская, — повернулся Витька ко мне, — пойдём.

— Куда? — оживился я.

— Раков ловить.

У меня сразу пропал интерес к молоку. Я выскочил из-за стола и стал рядом с Гашкиным.

Мы пришли на берег реки. Из-за туч выглянуло солнце. Стало жарко и мне захотелось купаться. Раздевшись, я зашёл по колени в воду и ждал Гашкина. На середине реки росли ряска, атласные лопухи, а между ними стояли ослепитель-

но-жёлтые кувшинки-лилии. Пахло водорослями, рыбой и сеном, скошенным на том берегу.

— Вить, — вспомнил я вдруг, когда мы зашли по грудь в воду и стали ногами ощупывать дно, — а где же кум?

— Да про кума я сбредал.

— А я-то и поверил.

— Не сбрешешь — не проживешь, — проговорил Гашкин, и по его напряжённому лицу я понял, что он нашупал норку с раком. Сказав «оп» и одновременно вздохнув, он тихо ушёл с головой под воду. Секунд двадцать его не было, наконец он вынырнул и, фыркнув, сказал:

— Смотри, садуна ожопил, — и вытащил руку из воды, в которой я увидел большого рака.

Витька размахнулся и бросил рака на берег. Я видел, как упал рак на траву и от него отлетела клешня.

— Иди подбери, — сказал Витька, — а то потеряем.

Я вылез из воды, положил рака в рубашку и завязал её на узел.

Чтобы не идти вслед за Гашкиным, я отошёл вперёд метров на двадцать и полез в воду.

Мы шли посередине речки и шарили ногами по твёрдому дну. В этом месте проходил небольшой обрыв сантиметров тридцать-пятьдесят, так что раки могли делать свои норки параллельно поверхности воды.

Как только нога попадала в норку и пальцы чувствовали какое-то шевеление, меня охватывала радость. Я нырял, засовывал руку в норку и пытался схватить рака за панцирь, чтобы он не схватил меня клешнёй за пальцы.

Я поймал трёх раков, а Гашкин уже семь, но превосходство Витьки ничуть меня не удручало. Я не хотел с ним соревноваться, без обиды допускал, что он вне конкуренции.

Мы лазили по речке около часа, и моя рубашка уже была полным полно раков. Некоторым удавалось вылезти, но я успевал поймать их у самой воды.

— Вить, — крикнул я, — обнаружив узкую и глубокую норку, но Гашкин в этот момент нырнул. Я засунул в норку ступню и стал шевелить пальцами, надеясь, что в ответ рак пошевелит своими усами. Но в норке не чувствовалось никаких признаков жизни. Я уже решил нырнуть и засунуть в норку руку, но в этот же момент почувствовал большим пальцем ноги, как по нему что-то скользнуло. Обыкновенная рыба в норке не живёт, рак не бывает таким скользким.

— Вить, мёнух! — радостно закричал я.

— Иди ты? — обрадовано посмотрел на меня Гашкин. — Не лезь сам, а то упустишь.

Витька подошёл ко мне, нащупал ногой мою ступню, а затем нырнул.

Почувствовав ступнёй его руку, я осторожно стал вытаскивать ногу, в то время как Гашкин медленно засовывал в норку руку. Витьки не было секунд тридцать. Наконец он вынырнул, фыркнул и сказал весело: «Тут, голубчик, никуда не делся».

Я шёл вслед за Гашкиным, когда он выходил на берег. Витька держал мёнуха за жабры большим и указательным пальцем, и с его пальцев стекала кровь мёнуха.

— Хорош садун, грамм на пятьсот будет, — сказал Гашкин и ударил мёнуха об землю.

— Ух ты, вот это да, — услышал я голос Чушики, — где ты поймал, Вить? Можно я с вами полезу.

— Лезь, — сказал Гашкин, — а потом к Тоньке Соколовой сбегашь, может, мёнуха купит. Баба городская, нябось, рыбы живой не видела.

— Сбегаю, — сказал Чушика и, раздевшись, полез в воду.

В это время на солнце напозли тучи. Мне не хотелось уже лезть в воду. Зубы мои стучали от холода.

— Ну, а ты чаго? — спросил Чушика, взглянув на меня.

— Я раков пока посчитаю, — сказал я и, набросив рубашку Гашкина на плечи, стал считать.

— Не считай, дурак, — закричал Чушика, — а то ничего не поймаем.

Но я всё-таки посчитал. Раков уже было много, к тому же мне не хотелось, чтобы Чушика что-нибудь поймал.

— Двадцать пять, — крикнул я.

В этот же момент Чушика нырнул и вынырнул с раком. Собравшись с силами, я без сопровождения солнца полез в воду. Мы прошли метров двести вдоль берега. Лопухи с кувшинками уже кончались, и вот-вот должна была начаться глубина. В этот момент мои ноги нащупали какой-то острый твёрдый предмет. Я решил, что это какая-то железка, о которую люди режут ноги, и моим долгом было выбросить её на берег. Я нырнул и после небольших усилий вырвал из ила какой-то странный предмет. Вынырнув, я поднял руку из воды и увидел обойму патронов. Шесть ржавых патронов с острыми пулями плотно сидели на небольшой металлической пластине.

Гашкин подошёл ко мне и взял у меня патроны. Повертев обойму в руке, он бросил её на берег и нырнул. Вынырнул он уже с двумя обоймами и так же бросил их на берег. После чего опять нырнул. Через несколько минут он вытащил пулемётную ленту.

— Наверно, трассирующие, Вить, — сказал Чушика.

— Счас проверим, — Гашкин вытащил ленту на берег и, присев на корточки, стал её рассматривать.

Мои ноги уже не доставали до дна, я стал плавать и нырять. Наконец мне попалась какая-то болванка. Вначале я подумал, что это бутылка, но когда вынырнул с ней, увидел, что это снаряд.

— Вить, бомбу нашёл, — сказал я Гашкину, выходя из воды со снарядом в руках.

— Это сорокапятка, — сказал Витька, выжимая трусы и оглядываясь по сторонам. — На сегодня хорош, вылезай.

Пока мы выжимали с Чушикой трусы, Гашкин открутил головку сорокапятки и, бросив её в кусты, начал скрести ногтём какой-то жёлтый, спрессованный порошок.

— Полная толу, — сказал Витька и моргнул мне, — завтра глушанём, у меня капсул один есть.

— А ты, голубок, — обратился он к Чушике, — бяги-ка к Тоне, отнеси ей менюха и десять раков. Скажи: Витька послал. Меньше пятидесяти копеек не бяри, понял. А потом с деньгами дуй к Степаниде и купи четвертинку самогонки.

— Понял, — сказал Чушика.

— На, в мою майку положи, — сказал Гашкин и бросил Чушике свою серую, давно не стиранную майку.

Чушика убежал, а я стал собирать дрова для костра.

Гашкин рассматривал пулемётную ленту.

— Наверно, трассирующие, от крупнокалиберного пулемёта, — сказал он, — нынче вечером стрельнём. Только бабке не говори, а то она тебе никуда не пустит.

Я развёл костёр. Сухие ветки быстро загорелись. Когда костёр стал прогорать, я побросал туда раков, которые сразу стали краснеть. Прибежал Чушика и принёс четвертинку водки. Гашкин взял бутылку. Выбросил бумажную пробку и, запрокинув голову, стал выливать водку в открытый рот. Выпив три четверти, он опустил бутылку, поморщился и, вытирая ладонью рот, посмотрел на меня, протягивая бутылку.

— На, будешь?

Я отрицательно покачал головой. Тогда Витька сделал ещё глоток и передал бутылку Чушике.

Я подгрёб веткой большого красного рака и протянул его Гашкину. Повеселевший Гашкин оторвал одну клешню, пожевал её и отдал мне рака назад. Потом взял обойму, вытащил из неё патроны и стал бросать в костёр.

Мы с Чушикой поспешили вытащить из костра раков и отползти метра на три.

Костёр почти прогорел, лишь кое-где виднелись красные пятна жара.

Гашкин осторожно и долго подул на них и, когда вспыхнуло пламя, бросил в огонь большой патрон от крупнокалиберного пулемёта.

— Во счас даст, — улыбаясь, сказал Витька и, взяв от костра тлеющую ветку, прикурил.

Через несколько минут раздался взрыв. Не успел я ещё пригнуть голову, как почувствовал, что на мои волосы упала горячая разорванная гильза. Я снял её, обжигая пальцы, и отбросил в сторону. В этот же момент я увидел, что к пристани, расположенной в тридцати метрах от нашего костра, подошла бабка Дуся. Она зачерпнула два ведра воды и, повесив их на коромысло, медленно стала подниматься на пригорок.

После того как раздался второй выстрел, она остановилась и закричала:

— Вы што это, гады, делаете там, а! Чьи ж это там сидять? — сказала она уже более тихо, всматриваясь в то место, где мы спрятались, и, видимо, не разглядев, снова закричала: — Я вот сейчас участкового позову.

В этот момент раздался третий выстрел и Гашкин закричал смеясь:

— Дусь! Ложись, убьёт.

— Ах, ты, — не успела закончить своё ругательство Дуся, как разорвался патрон от крупнокалиберного пулемёта, и, сбросив с плеча коромысло, бабка упала на землю и умолкла.

Нас душил хохот. Между тем разорвались ещё два мелких патрона. Бабка всё лежала, а мы хохотали.

— Дусь, теперь иди, больше не стрельнет, — крикнул Гашкин — и тут же разорвался ещё один патрон.

— А это ты, Вить, ну погоди, я тебе припомню! — сказала Дуся, приподнимаясь и собирая раскатившиеся ведра. — Я тебе припомню, чёрт ты невадумый. Ах ты, дурак ты дурак. Ну, дурак!

Она подошла к пристани, зачерпнула два ведра воды, повесила их на коромысло и медленно пошла в гору, всё приговаривая:

— Во дурак, ну и дурак, о Господи, ты Господи, во дурак, ну и дурак.

— Спрячь ленту, — сказал Гашкин, — нынче вечером стрельнем.

Я взял тяжёлую пулемётную ленту и спрятал её в кустах, набросав наверх травы. Сорокапятку Гашкин отнёс к себе в сарай.

Вечером, когда уже солнце село, я пошёл к речке, нашёл пулемётную ленту, засунул её в пыльный мешок из-под картошки, побросал туда несколько обойм от мелких патронов и пошёл к мосту, где меня уже ждали Витька с Чушикой.

В метрах трёхстах от моста начиналось кладбище, а между кладбищем и лесом лежало поле, километра три шириной. Над этим полем и решил стрелять Гашкин.

Кладбище заросло высокими раkitами и низким густым кустарником, из которого почти не видно было крестов.

Я вспомнил вдруг слова дедушки «Во, внук, устал жить, под раkitки бы скорее», и мне стало до слёз жалко его.

Сразу за кладбищем Витька велел раскладывать костёр. Было почти темно. Мы с Чушикой бродили вокруг полусгнивших крестов и собирали дрова.

Ужас, смешанный с любопытством, то и дело охватывал меня.

— Вить, ты где? — периодически кричал я в темноту и в ответ слышал голос Гашкина: «Тут я, нябось покойники не кусаются, во щё, дурак, чаго ты боишься?»

Наконец костёр разгорелся, и пламя частично отогнало темноту вместе со страхами.

Гашкин свернул пулемётную ленту пополам и положил её так, что трассирующие пули были приподняты и направлены в поле.

Мы ждали минуты три. На траве лежала роса, и я уже стал мёрзнуть, сидя на сырой земле.

Наконец раздался долгожданный взрыв, и в темноту со свистом полетела светящаяся пуля, за ней вторая, потом третья.

— Ух, растудят твою, — с восхищением отзывался Гашкин на каждый выстрел. — Во покойнички дают, — смеясь, добавлял он.

Некоторые пули летели не в поле, а в стороны, а то и вверх. Костёр прогорал, и патроны меняли своё местоположение.

Костёр почти прогорел. Выстрелов уже не было слышно. Над нами сомкнулась темнота. Вдруг я услышал, как где-то посреди кладбища треснула ветка. Ужас кольнул меня в самое сердце.

— Слышал? — толкнул я Чушику.

Треснула ещё одна ветка, потом зашелестели кусты, и вновь раздался треск. Явно кто-то шёл в нашу сторону.

— Вить, штой-то? — спросил Чушика испуганно.

Гашкин окликнул меня:

— А ну, иди погляди, кто там ходит?

— Ты что, Вить, — дрожащим голосом сказал я, прижимаясь к нему и приготовившись со всего духа бежать с кладбища, если он подаст команду.

— А и в правду, интересно, кто там ходит, пойду-ка погляжу, — сказал Гашкин, отстраняя меня. — Да ня бойсь, — ласково потрепал Витька меня по голове, — счас приду.

Когда Витька исчез в темноте, я вспомнил рассказ про жабу в тридцать три килограмма. Несколько секунд я терпел, но, чувствуя, что вот-вот умру от страха, закричал:

— Вить!

Никто не отозвался.

— Вить! — заорал я совершенно диким голосом.

— Ты чаго? Во дурак, ня бойся, — раздался спокойный голос Гашкина, где-то посреди кладбища, и тут же понеслась его ругань: «Ах ты... а ну пошла, падла».

Послышались тяжёлые частые шаги и треск кустов, потом голос Гашкина: «Ну, я же так и знал».

— Ктой-то, Вить? — крикнул Чушика.

— Да корова, — тёмная фигура Гашкина появилась из кустов, — ну что, голубки, пошли. Поди, описались. Чья ж это корова? — словно сам себе сказал Витька. — Кто-то, наверное, обыскался.

Мы обошли кладбище, спустились с горки и пошли к мосту. Ночью по мосту я до сих пор ни разу не ходил. Вновь в голову мне полезли вчерашние рассказы про покойников. Я вцепился в руку Гашкина. Когда мы перешли мост, я оглянулся и очень ярко представил, как справа и слева от моста стоят покойники в белых одеждах и моют головы. Я оглянулся ещё раз, и снова моё воображение нарисовало сцену с покойниками. Будто с кладбища идёт длинная процессия покойников, но вместо того, чтобы мыть голову, они кидаются догонять нас.

— Да ня бойсь, ты чаго? Вон уже деревня, — сказал Гашкин, чувствуя, как я рвусь вперёд.

Но когда мы подошли к моему дому, я попросил Чушику и Гашкина, чтобы они постояли возле калитки и подождали, пока мне бабушка откроет.

БОЛЬШОЙ ВЗРЫВ

На следующий день утром я вновь проснулся в радостном настроении. Солнце пробивалось сквозь занавески. В саду щебетали птицы. В соседней комнате пела бабушка.

«Ага, — наконец вспомнил я, — ну конечно, как я мог забыть слова Гашкина, сказанные им вчера: «Завтра глуша-

нём». Радость затрепетала во мне, как крыльями птица. Я вскочил с постели, натянул штаны и полетел к Гашкину.

Витька сидел за столом, перед ним лежал листок из школьной тетрадки.

Увидев меня, он несколько виновато улыбнулся:

— А, это ты, а я вот забыл, падла, как семь пишется.

Я не понял и спросил, что значит «семь».

— Ну, вот знаю, как писать, — и Витька стал заворачивать пальцы на руке, — один, два, три, четыре, пять, шесть, а как семь — забыл. Надо бумагу директору колхоза написать. Помоги.

— А рыбу пойдём глушить? — насторожился я.

— Пойдём, ня бойся, счас напишем и пойдём.

После того как я написал за Гашкина бумагу, мы пошли на огород, где была спрятана сорокапятка.

Вытащив снаряд, Витька положил его на газету, протянул мне большой ржавый нож без рукоятки и велел выковыривать тол.

Я начал крошить ножом жёлтый, почти окаменевший порошок. Работа оказалась тяжёлая, и уже через десять минут на правой ладони у меня появился кровавый мозоль. Я стал искать тряпку, чтобы обернуть рукоятку ножа. Вернулся Гашкин.

— Ну, ты чаго?

— Порошок как цемент, — сказал я.

— Подожди, — сказал Витька и через несколько минут принёс стамеску и молоток.

— Стамеска-то дедова, счас затупим — больше не дадит, ну ладно, хрен с ней.

Взяв сорокапятку, Гашкин просунул в отверстие снаряда стамеску и стал бить молотком по деревянной ручке.

— А ты пока иди банку найди литровую, погляди у бабки в чулане, или, может, на гороже висит.

Я посмотрел на свой огород и, действительно, увидел, что на гороже висит кувшин и чугун.

— Вить, а если в кувшин тол высыпать? — спросил я, чувствуя, что сказал глупость.

— Во щё, — посмотрел на меня Гашкин и, покивав головой, добавил, — хрен с бугра.

Я направился к своему огороду.

— Постой! — окликнул меня Витька и, бросив сорокапятку, подбежал ко мне уже с совсем другим выражением лица. — Бабка учорась прогнала, — зашептал он, — погляди, может, в чулане стоит бутль, так возьми. Она не заметит.

— Ничего она не гнала, — сказал я, — с чего ты взял?

Гашкин самоуверенно поморщился.

— Ты мне еще будешь говорить?!

— Нет, водку я брать не буду, она каждую бутылку знает.

— Ну ладно, — махнул рукой Витька, — иди за банкой, да пойдём.

Когда я принёс банку, Витька велел мне высыпать туда тол, а сам пошёл в дом за пластилином и капсулем.

Его не было минут пять, и я уже стал волноваться, вдруг он так и не найдёт капсул.

Тут появился Витька. По его лицу я понял, что всё в порядке.

Мы спустились в пустошь и пошли вдоль речки.

— Тю ты, — вдруг остановился Гашкин. — Давай бяги, возьми у нас возле погребка лукошко.

— Зачем лукошко? — удивился я. — Рыбу, что ли, складывать?

— А ты што думал, голубок? Счас поглядишь, сколько рыбы будет.

Гашкин, присев на корточки, закурил, а я побежал за лукошком.

Через пять минут мы уже шли по широкому лугу, разделившему две деревни. Ольговский вир, где собирался «глушануть» Гашкин, находился как раз на повороте реки. Река в этом месте была самая широкая, метров сорок. Луг ещё не был скошен, и мы шли по высокой траве, растущей вперемежку с полевыми цветами. Солнце стояло высоко. От травы поднимался душистый ароматный запах. В знойном мареве жужжали мухи.

Мы шли, обливаясь потом, и мечтали поскорее добраться до воды. Гашкин нёс лукошко, в котором лежала завернутая в газету литровая банка с толем.

— А я еще подсыпал тола, — сказал Витька, — у меня было граммов двести. А то бы не хватило на такую банку. Ну, счас, голубок, жажнет!

Когда мы подошли к реке, стало прохладнее. На другом берегу паслось стадо коров и слышались далёкие крики доярок.

Я быстро разделся до трусов и наблюдал за Гашкиным. Любопытство моё было накалено до предела — поймает ли мы лукошко рыбы или нет. А вдруг будет целых два лукошка? Как её потом донести? Гашкин курил.

— Ну, что, Вить? — спросил я с нетерпением.

Витька выплюнул папиросу и достал из одного кармана капсул и бикфордов шнур, а из другого — пластилин. Я подал ему банку с толем.

Гашкин воткнул десятисантиметровый кусок бикфордова шнура в продолговатый капсул, а капсул наполовину вдавил в тол. После чего залепил отверстие банки пластилином.

— Ну, Господи, благослови, — сказал он с улыбкой неприличной для его языка фразу, после чего поднялся и, замахнувшись, хотел бросить банку.

— Ты что! — заорал я, — шнур не зажёт.

— Тю ты, — плюнул Витька и, смеясь, выругался, — это я перегрелся. А ну-ка, поддержи.

Я взял банку, Витька тем временем достал спичечный коробок.

— Давай сюда банку, — сказал он, когда спичка разгорелась. После чего поднёс спичку к бикфордову шнуру.

Я лёг на траву и, не отрываясь, наблюдал за поверхностью воды.

Краем глаза я видел, как Гашкин размахнулся и бросил банку на середину реки.

Через несколько секунд после того, как банка исчезла под водой, раздался тяжёлый глухой удар и над водой взлетел бурлящий фонтан метра полтора высотой, в котором уже искрились блески рыбы.

Гашкин спешно раздевался, а между тем поверхность вира была уже полностью покрыта рыбой.

— Ох, растудит твою мать! — восторженно закричал Витька и, схватив лукошко, бросился в воду. — А ты давай лови на мелкоте! — крикнул он мне. — Давай иди, её сейчас течением будет относить!

Я был в диком восторге и не знал, за что хвататься.

— Вить! — закричал я, видя, как Гашкин одной рукой гребёт, другой лукошком собирает рыбу. — Вить! Смотри, там возле куста, напротив тебя, здоровенная щука! Видишь?

— Вижу, — запыхавшись, сказал Гашкин. — А ты чаго так орёшь? Не кричи, а то ще участковый придит, иди лови на мелкоте.

Я отбежал метров на тридцать в то место, где русло реки вновь сужалось, и, завязав майку узлом, стал ждать, когда течение принесёт мне рыбу. Поймав несколько плотвичек, я бросил их на берег, потом подплыл кверху пузом небольшой голавль, два окуня, большая краснопёрка.

Я стал ловить рыбу майкой, и через несколько минут она уже была полная. Выбежав на берег и высыпав рыбу, я вновь бросился в воду. Некоторую рыбу я не успевал ловить, и её уносило течением вверх по реке.

— Ну что, пошла, — услышал я хриплый голос Гашкина.

— Пошла, пошла! — закричал я восторженно, видя, как течение несёт ко мне небольшую щуку.

Ко мне подбежал Витька в чёрных мокрых трусах, и я стал бросать рыбу ему в лукошко.

Через десяток минут поток рыбы прекратился и, собрав разбросанную по берегу рыбу, мы отправились домой.

Гашкин с трудом нёс тяжёлое лукошко, почти полностью заполненное рыбой.

Мы шли через луг. Солнце было ещё высоко. Теперь к запаху травы, разлитому в горячем воздухе, прибавился запах свежей рыбы, шедший от лукошка Витьки.

— Ну мы с тобой и жахнули! — всё качал головой Гашкин. — Ну и жахнули!

— А я думал, ну пол-лукошка. Больше не будет.

Витька шёл, сгорбившись, с напряжённым, но радостным лицом.

— Во бабка удивится, когда увидит. Ну и жахнули. Оно раз на раз не приходится. Иногда глушанёшь — и ни хрена. Где-то пуда полтора мы взяли с тобой, голубок. Счас придём, килограммчиков пять продадим вместе с щуками. Ты стаканчик выпьешь?

— Не, что ты, — сказал я, — я ещё маленький, я рыбу жареную больше люблю.

Когда мы пришли к Витькиному дому, Гашкин отсыпал треть рыбы себе, вместе со щуками. А остальную отдал мне.

— Куда же мне столько рыбы? — сказал я с удивлением и восторгом.

— Съядите, — сказал Витька, — вон, гляди: дед едет.

Я повернулся и увидел Корнеевича. Дедушка сидел на телеге, свесив ноги в сапогах до самой земли. На голове его был чёрный картуз, на плечах чёрный пиджак.

— Счас мёд будем качать, унук, — сказал Корнеевич, не останавливая лошадь и проезжая мимо нас.

— А ты куда? — спросил я Витьку.

— Как куда? Счас щук продам, а вечером приходи, юху будем варить на костре возле дома. Ну, а ты иди няси бабке, пусть удивится.

— Бабуш, бабуш, — закричал я, входя в сенцы, — где ты? Смотри скорей!

Подошла бабушка, вытирая руки о фартук, и, заглянув в лукошко, воскликнула:

— Ой, мамушки мои, где же ты взял стока рыбы? Чем же это вы ловили и с кем?

— Бреднем, — соврал я. — Ходили с Гашкиным под Вольговку.

— Ну, сейчас я курям покрошу да начну чистить. Куда ж это столько рыбы? Ну, теперь и деду хватит.

Комната, выходящая в сад, была залита солнцем. По ней летало несколько пчёл. Посредине стояла медогонка, на диване лежала стопка рамок и большой нож для разрезания воска.

Я любил смотреть, как дедушка качает мёд. Эта церемония всегда была для меня праздником: гудение медогонки, жужжание пчёл, запах горящих гнилушек, которыми дедушка отгонял пчёл, вытаскивая полные рамки мёда из ульев, запах воска и мёда. Мне нравилось крутить ручку медогонки и смотреть, как течёт густой золотистый мёд. Мёд тёк широкой, полной струёй, и такой же широкой и полной струёй втекала в меня радость. Ни одна тревожная мысль не беспокоила меня, ничто не могло бросить тень на мою солнцем залитую душу.

Правда, вечер этого дня закончился на грустной ноте. Вначале всё было прекрасно. Как я и предполагал, Гашкин варил уху, поставив чугунок на трёхножку между своими воротами и дорогой. Я жарил рыбу на углях, вокруг меня сидели ребята. Пришла бабушка, вышла из хаты Ганя, и они начали говорить на своём красивом напевном языке. Витька ещё не был совсем пьяным. Он шутил с прохожими и предлагал им попробовать уху.

Прошло минут десять. Вокруг костра по-прежнему царил о радостное оживление. Стало смеркаться.

— Пятровна, — услышал я женский голос и, повернувшись, увидел Чушкину бабку, проходившую мимо, — иди деда забирай, вон у самого колодезя ляжит.

Бабушка сразу изменилась в лице и, ничего не говоря, быстро пошла в сторону колодца.

Я через несколько минут пошёл вслед за ней. Свернув в пустошь, я увидел Корнеевича. Он только что поднялся с помощью бабушки с травы и пытался пойти сам, но через три шага рухнул в высокую траву.

— Плянь-кося, совсем уже лыка не вяжет, помоги поднять дурака старого, — сказала бабушка, увидев меня.

Мы кое-как привели Корнеевича домой и оставили его спать на полу.

Я вышел на улицу и услышал крики в доме Гашкина. Явно Витька буянил. Потом раздался звон разбитого стекла.

— Ах, родимец тебе возьми! — услышал я рассерженный голос всегда спокойной бабки Гаши. — На што ж ты шибину высадил? Во чёрт, дурак!

Потом всё стихло, и слышно было, как на том берегу играет гармошка.

Я проснулся поздно и не спеша завтракал, а в это время приехал обедать Корнеевич. Бросив у порога кнут, он снял картуз, повесил его на вешалку и сел за стол.

— Пятровна, — сказал он тихим голосом, — ну ты поешь что-нибудь дадишь?

— Ох, Сяргей, глаза б мои на тебя не смотрели, так ты меня вчера осрамил, — сказала бабушка и поставила перед ним дымящуюся тарелку борща.

Корнеевич отрезал себе хлеба, откусил большой кусок и долго, не спеша его жевал, потом стал есть борщ.

— Это же надо, нажрался как свинья и валялся под забором. Ну ты подумай, ну можно столько жрать, куда ж ты жрешь её, как в прорву? Кто тебя заставлял пить? Ну выпил бы стакан, закусил и пришёл домой. А ты наглотался как скотина.

— Да будет тебе, — сказал Корнеевич, продолжая с аппетитом есть.

— Вот скажи мне, зачем ты столько пил?

— Ну, как не выпить, если наливают, — оправдывающимся голосом сказал дедушка.

— «Наливают»! Да ты погляди-кася, — нараспев возмущённо произнесла бабушка, — А у тебе што, головы своей нету, а?! Ну ты подумай, ну негодяй ты, вот ты кто после всего этого, негодяй.

— Во, внук, бабушка твоя, — посмотрел на меня Корнеевич, продолжая, есть, — во пила! И пилит, и пилит.

— А как же тебе не пилить, если у тебе совести нету, если ты нажрался как скотина. Какой же ты пример дитёнку подаёшь?

— А, — махнул рукой дедушка, — если будет пить, то и будет пить, а не будет пить, то и не будет пить.

В этот момент ко мне зашёл Чушика и я, выскочив из-за стола, вышел на улицу.

— У Рыжего новые карты с голыми бабами, — сказал он, — пошли в козла сыграем, как раз четвёртого человека не хватает. Только ты того, — несколько улыбнулся Чушика, — яблочка возьми. Приходи, мы под нырлялкой будем ждать.

Через несколько минут с полной пазухой яблочка я осторожно хотел прошмыгнуть незамеченным через коридор, но столкнулся с входящим из другой двери дедушкой.

Корнеевич мне ничего не сказал, но когда я закрыл входную дверь, то услышал его голос: «Во малый, ничего в дом не нясеть, а только все из дому».

— Ты куда? — услышал я тут же голос бабушки, — а ну постой!

Я остановился и приготовился прослушать её нравоучения.

— Что же ты всё яблочки разносишь, унучек? — сказала Петровна, выходя в палисадник. — Ну разве на всех нападёшь? Кому ты нясеешь? Ребятам? А ребята тебе крепко что-нибудь дали? Ох, непроторный ты у нас, унучек, непроторный. Крепко в жизни трудно непроторным...

Я не понимал значения слова «непроторный» и сомневался, что мне трудно будет в жизни.

— Ну иди, только больше не разноси, а то, нябось, самых хороших взял, — сказала бабушка, и в голосе её не чувствовалось никакой злобы.

Я пришёл к ребятам, мы сыграли шесть раз в карты и пошли к пекарне, где работал кочегаром Чушкин дядька.

Перед входом в пекарню на большом колесе от «Беларуси» сидел кривой мужик в промасленной спецовке.

— Дядь Вань, дай хлебушка, — сказал Чушика, обращаясь к нему.

Мужик пошёл в пекарню и принёс буханку белого поджаренного хлеба.

— Што ж, матка не болит? — сказал он, передавая буханку Чушике.

— Неа, — ответил Чушика, разрывая буханку и давая каждому по куску.

От пекарни мы пошли в магазин. У Чушики было 12 копеек, и он хотел купить пачку «Севера». Я с удовольствием ел белый горячий хлеб, и жизнь до краёв была налита радостью. В моей душе текло время чистое, как ключевая вода, безо всяких примесей, без грязи и запахов, ничто не мутило эту воду: ни заботы, ни страхи, ни скука, ни честолюбивые планы.

Мы вышли из магазина и завернули на свалку, за угол магазина. На свалке, как и в магазине, пахло селёдкой, мылом, папиросами, и всё это смешивалось с запахом дешевого одеколona. Возле небольшого фанерного ящика я поднял лежащую на земле книжку. Это была небольшая брошюра без обложки. Мне захотелось узнать, какие книжки выбрасываются на свалку, и я положил её в карман.

Придя домой и пообедав, я вспомнил о брошюре и стал её читать. Как раз в этот момент на улице потемнело, и через несколько минут пошёл дождь. Мне ничего не оставалось больше делать в такую погоду, как читать.

Книга заинтересовала меня. Это было популярное изложение астрономии. Так я узнал, что солнце больше земли, а звёзды больше солнца. Это открытие поразило меня. Я был

удивлён, что не знал этого раньше. Но больше всего меня удивило, что свет движется со скоростью 300 000 км в секунду. А расстояние между звёздами тысячи и даже миллионы лет, чтобы пройти его. Я попытался в уме перемножить эти цифры, и мне сделалось не по себе. Потом я прочитал слова какого-то Иммануила Канта и запомнил их на всю жизнь: «Больше всего меня потрясают две вещи на свете — звёздное небо над головой и моральный закон во мне».

«Расскажу ребятам про звёзды сегодня вечером, — решил я, — они, наверное, ничего не знают».

Мелкий морозящий дождь не проходил, и я решил навесить Гашкина.

Витька сидел за столом и мешал деревянной ложкой борщ в алюминиевой миске. В углу комнаты укачивала ребёнка его жена Клавка. По недовольному лицу Гашкина я понял, что пришёл не вовремя. Видимо, они ругались.

— Это што? — сказал Гашкин, медленно поднимая ложку с борщом и выливая его обратно в миску.

— Што, што... Борщ, вот што, разуй глаза.

Витька зачерпнул ложку борща, поднёс её ко рту, потом громко плюнул и со словами «Ах, растудыт твою мать!» схватил миску и швырнул её в угол комнаты.

— Огня тебе жаркого! — взорвалась Клавка. — Вот сам вари и жри. Сто грамм яму поднеси. А где я тебе возьму сто грамм?

— Да пошла ты, — выругался Витька и, поднявшись, совсем спокойным тоном сказал мне: — Пойдем покурим.

Мы вышли на огород, и Гашкин достал пачку «Прибоя».

— Мы послезавтра с дедом за поросятами в Локоть поедем. Поедешь с нами?

Я обрадовался. Локоть был в 25 километрах от деревни, а меня притягивали длительные путешествия и незнакомые места. Так далеко на лошади я ещё не ездил.

Дождь кончился часам к восьми вечера, и я ждал, когда за мной зайдут ребята, но никто не приходил.

— Что-то ребята к тебе сегодня не заходят, — сказала бабушка.

Я пожал плечами. Мне самому это казалось странным.

Наконец пришёл Чушика, но он не стал меня ждать, как обычно, а лишь сказал: «Толик Брякин приехал, приходи». И убежал.

Толика Брякина я знал. Ему было 15 лет. Он жил в Мариуполе и приезжал сюда к своей бабке недели на две.

Знаменит он среди мальчишек был тем, что умел играть на гитаре и знал 125 куплетов песни «Гоп со смыком». Толик

был моим конкурентом, ибо теперь ребята собирались вокруг него, а не вокруг меня и слушали его песни, а не мои истории. Приезд Толика словно лишил меня власти, и я чувствовал себя покинутым и одиноким. Но мне тоже хотелось послушать песни Толика.

Когда я пришёл к дому Толика, уже было темно. Толик ещё не выходил, и человек восемь ребят ждали его, расположившись на дровах.

Наконец появился Толик. Он курил сигарету и в руках держал гитару.

— Толик, оставь покурить, — крикнул Чушика.

— «Оставь» уехал за границу, оставил хрен да рукавицу, — отчеканил Толик, осматривая место, где бы ему сесть.

— Оставь, а, Толик, — не унимался Чушика.

— Уехал за границу.

Сев, Толик несколько секунд настраивал гитару, а потом, затаившись, передал сигарету Чушике и запел:

*Гоп со смыком — это буду я,
Вот и вся компания моя.
Я в Париже научился и в Берлине подучился
И поехал в русские края.
Да, да, да.*

Толик пел, а я чувствовал, что мне со своим Кантом до него далеко, как до звёзд. Мои истории сейчас были абсолютно никому не нужны. Я прослушал куплетов пятьдесят и пошёл спать.

Как всегда, в доме горел огонь. Бабушка ждала меня, прикрутив фитиль лампы.

— Ктой-то? — спросила она, когда я постучал.

Я отозвался, и в ответ загремели крючки и щеколды.

— Што ты невеселый нынче? — спросила бабушка. — Садись, ешь рыбу.

Я совсем забыл про рыбу и обрадовался, ибо чувствовал, что голоден, но ничего, кроме рыбы, есть не хотел.

— Бабуш, а ты знаешь, что звёзды больше, чем солнце?

— Да это брешут всё, — сказала бабушка и пошла спать, попросив меня потушить лампу.

На следующее утро я обратил внимание на сруб, возникший как-то неожиданно напротив моего дома. «Странно, что я его вчера не заметил», — подумал я. Это строили новую хату семье Коли Кожемина. Плотники уже сделали три венца. Я прошёл в сруб и увидел там спящего Артёма. Это был мальчик лет 13 с невыразительными, грубыми чертами лица. Он

лежал на соломе, свернувшись калачиком, из коротких штанов торчали грязные, покрытые цыпками ноги.

— Ты что здесь делаешь? — спросил я.

Артём приоткрыл глаза, протёр рукой сонное лицо и, приподнявшись, сказал:

— Матка из дому прогнала. Я учорось взял у неё 15 копеек на папиросы из сундука, а она как пяканет меня чуркой, ажно сейчас болит.

Артём расстегнул рубаху, состоящую из каких-то лохмотьев, и обнажил плечо, на котором я увидел большую посиневшую ссадину.

— Нету чаго-нибудь пожрать? — с надеждой посмотрел на меня Артём.

Я сходил в дом и принёс яблок и большой кусок медового пирога, который только что испекла бабушка.

Артём начал с жадностью есть, подвинув к себе яблоки и исподлобья поглядывая на меня, словно боясь, что я могу унести всё, что принёс.

Артём казался мне романтической, загадочной личностью: из дома его выгнали, теперь он ночует, где придётся, голодает, бродяжничает, со всех компаний его гонят, у него нет друзей, и он, наверное, мечтает иметь настоящего друга так же, как и я. Мне захотелось приручить его, стать для него другом и учителем. Я нуждался в постоянном слушателе, и мне казалось, что Артём подходит к такой роли; по крайней мере, он не променяет меня на Толика Брекина.

Я рассказал ему о своей мечте — сделать из брёвен плот и поплыть вначале по Десне, а потом по Днепру до самого Чёрного моря. По дороге ловить рыбу, варить на берегу уху и т.д.

Пока я рассказывал, Артём ел, а поев, сказал: — Ну, я пойду.

— Куда ты пойдёшь? — удивился и огорчился я.

— Гриха-поп обещал на тракторе дать проехаться.

— Слушай, — сказал я, — неужели у тебя нет другой рубашки? Смотри — у тебя одни лохмотья и заплатки.

— Другой нема, — сказал Артём, — а што?

— Хочешь, я тебе отдам свою? Она не новая, но лучше твоей. Бери, у меня ещё есть несколько.

— Только бабке не говори, а то она узнает — отбяреть, скажет: украл.

Я снял с себя рубашку и отдал её Артёму.

— А это правда, что Гриха-поп твой отец? — спросил я.

— Не знаю, — махнул рукой Артём, — у матки много их, таких отцов. Скоро ещё одного дитёнка родит, бременная ходит.

— А чего ты всё один ходишь? Пойдём с нами в карты играть.

— Не, меня не возьмут, Чушика прогонит.

— Не бойся, не прогонит, пойдём, я ему скажу — и он не прогонит. Скажи, а ты поплыл бы со мной на плоту до самого Чёрного моря?

— На што мне сдалось твое Чёрное море?

— Неужели не хочешь?

— Не, я лучше на тракторе покатаюсь.

— А где спать будешь ночью?

— Не знаю, — крикнул Артём, не поворачиваясь, — может, опять сюды приду.

На следующее утро я опять пришёл в сруб и увидел там Артёма.

— Есть хочешь? — спросил я его.

— Приняси чаго-нибудь, — сказал Артём. — Учорась на тракторе ездил. Класс. Ну, иди, а то жрать охота, приняси.

В доме я взял белого хлеба, сала и лука и пошёл в сад за яблоками.

Во дворе стояла бабушка и созывала цыплят, мелодично напевая: «зюля-зюля-зюля». В руках она держала буханку мокрого хлеба и крошила её. Со всех сторон к ней бежали, хлопали крыльями цыплята.

Увидев меня, сказала:

— Опять яблоки разносишь. Кому нясешь?

Я решил ничего не скрывать.

— Артёму, его мать из дома выгнала, он голодный, ему негде спать, он спит здесь в срубе.

— Ар-те-му, — нараспев произнесла бабушка, — ворюге этому, да на что он тебе сдался? Не надо тебе с ним водиться, внучек.

— Но он же голодный, его мать выгнала.

— Ох, дятёнок ты мой дятёнок, непрворный ты, непрворный, а крепко уж тяжело в жизни непрворным. Ну, няси, но только в последний раз. Не водись больше с ним, у них семья нехорошая.

Я принёс Артёму еду. Он поел и снова ушёл. Мне не удалось его ничем заинтересовать.

После обеда мы играли под нырялкой в карты. Неожиданно на противоположном берегу появился Артём. Он ел яблоки.

Кто сказал, что Гитлер умер?

Я его вчера видал:

Без портков, в одной рубахе

«Зил-110» догонял. —

продекламировал Артём и швырнул огрызок в речку.

— Коль, дай яблочка, — крикнул Чушика, — впервые назвав Артёма по имени.

В деревне абсолютно у всех были клички, но настоящих имён тоже никто не забывал.

Артём полез за пазуху, достал яблоко и, размахнувшись, бросил:

— Лови!

Тут все сидящие на траве стали кричать:

— Коль, ки́нь мне!

Артём называл имена ребят и бросал им яблоки.

— Рыжий, лови. Зяка, лови.

Я ждал, когда он назовёт моё имя и уже начал волноваться от такого неуважения. Но Артём меня словно не замечал. Наконец я решился и крикнул:

— Коль, брось мне!

— Хрен табе, — громко отчеканил Артём, — у тебе и так всего навалом.

Мне стало стыдно, я почувствовал себя опозоренным перед ребятами. Я вернулся домой расстроенный и, поев, вышел в сад.

Неожиданно я услышал треск веток. Потом раздались частые шаги бегущего из сада человека, в котором я узнал Артёма. Он взобрался на забор. Оглянулся и прыгнул вниз. Я успел заметить, что он был в моей рубашке.

Собака на него не лаяла.

— Дура, — сказал я Рексу и ударил собаку ногой.

Через несколько секунд мне стало жалко собаку. Я сходил в дом принёс кусок сала, бросил его Рексу и почувствовал себя лучше.

Вечером я не пошёл слушать песни Брекина. Пришёл Николай Ильич и стал читать «Жития святых». Бабушка зажгла лампадку перед святыми и постелила овчинную шубу посреди комнаты. Мы с сестрой уселись на шубу и слушали. Настроение моё поднималось, к тому же завтра утром мы должны были с Гашкиным и дедушкой ехать в Локоть за поросятами.

Перед сном я вышел во двор. Лошадь уже стояла в сарае и фыркала, жуя сено. По небу плыли чёрные тучи, а между ними светились звёзды.

В ЛОКОТЬ

Утром меня разбудила бабушка. Было ещё почти темно. В соседней комнате топали тяжёлые сапоги.

— Дя, а дя, — услышал я голос Гашкина, — а второй мяшок иде?

— А ты што свой мяшок не взял? Во, Вить, хозяин ты какой!

— Да matka в него муку пересыпала. Я отдам, когда приедем.

— Тогда у бабки спрашивай.

— Так у меня один новый мяшок остался, што ж яго отдавать? — сказала бабушка.

— Я тебе два новых отдам, — сказал Витька. — Вот, крест святой. У тещи два новых мяшка лежат.

— У тещи, у тещи, так ты будто не знал, что за поросятами надо ехать. Неделю назад еще договаривались. Да, жди, у тещи ты возьмешь. Ох, Вить, не знаю прямо, что с тобой делать. Ну, ладно. На тебе мяшок, што ж с тобой делать, таким непутевым.

— Да што с твоим мяшком станет, яго што, поросёнок съест? — смеясь, сказал Гашкин.

— Кто тебе знает, тебе что ни дай — всё куда-то девается, — проворчала бабушка.

— А што ж малый не поедет? — спросил Витька, имея в виду меня.

— Поедет, — сказала бабушка, — разбудила уже. А скока ж тебе matka денег дала?

— Сорок рублей, а поросята по двадцать.

— Ты ж гляди, не пропей!

— Во щё, чаго ж я буду пропивать, дурак я, что ли?

— Ох, Вить, будь твоя воля, ты бы уже здесь всё попропил.

Я встал, быстро оделся и вышел в другую комнату.

— А вот идеть ангел божий, давай жри скорее, да поедем. Или не поедешь? — спросил Гашкин.

— Поеду, поеду, — сказал я, садясь за стол.

Вошёл Корнеевич.

— Унук, тебе ждем. Ох, Господи, кнут оставил на дрогах, — тяжело вздохнул он.

— Кто яго сейчас возьмет, спят все, — сказал Гашкин. Тем не менее дедушка пошёл к лошади и, вернувшись с кнутом, сел на табуретку.

— Раз я тоже уезжал в Прямое в четыре утра, оставил кнут в телеге, думаю: «Кто возьмет в такую рань?» Вернулся, квив, нету кнута. А хороший кнут был.

— Ты не спиши, подождут, — сказала бабушка, видя, как я давлюсь картошкой, — успеешь.

— Ну, готов? — спросил Корнеевич через пару минут и, крихтя, слез с табуретки. — Поехали.

На улице было прохладно. Я кутался в фуфайку. Трава была мокрая от росы, вдоль реки стелился туман.

— Но, пошел, ирид, — покрикивал Корнеевич на лошадь, когда она с рысцы переходила на шаг и пыталась щипать придорожную траву. — Но! Не нажрался, идиота кусок, ишь, ходит, ирид. Но! Пошёл!

Корнеевич очень редко стегал лошадь. Чаще всего он лишь замахивался кнутом, и, видя это, лошадь с шага переходила на ленивую рысь.

— А ну-ка, дя, дай я впереди сяду, а ты пока подрями, — сказал Гашкин.

Дедушка поменялся с ним местами и передал Витьке кнут.

— Но! — цокнул языком Гашкин.

Лошадь, почувствовав смену возницы, ускорила бег. Но Витьку не удовлетворила такая скорость. Он взмахнул кнутом и со словами «А ну-ка, голубок, шевелись» стегнул коня по крупу. Барсик рванулся рысью, высоко выкидывая ноги. Но и эта скорость не удовлетворила Гашкина, и он стегнул коня ещё раз.

Барсик понесся галопом. Я ухватился за телегу, чтобы не вылететь.

— Что ты делаешь? — возмутился Корнеевич. — А ну, дай сюда кнут.

Конь, словно услышав эти слова, вновь перешёл на рысь.

— Во тоже мне, дитенок нашелся, — продолжал возмущённый Корнеевич, — а ну, стой, останови коня.

— Тр-р-р! — закричал Гашкин, натягивая вожжи.

— Кто ж по такой дороге так лошадь гонит? — сказал дедушка, когда они вновь поменялись местами с Гашкиным.

Минут пять ехали молча, и Корнеевич вновь начал свой обычный разговор с лошадей.

— Ну што ж, дала тебе бабка чятвёрочку? — спросил Гашкин.

— Чятвёрочку? — как бы переспросил дедушка. — Чятвёрочку дала.

— В Локоть приедем — красенькую возьмём, — повеселевшим голосом сказал Витька.

— У меня тока сорок рублей, — сказал Корнеевич. — Если поросята по 20 рублей будут, то и на красенькую не хватит.

— Возьмем по 15, вот крест святой, по 15 возьмем, а десятку пропьем. Вот поглядишь.

— Да ну, десятку, — протянул на распев Корнеевич, — и пятерки хватит, куды там десятку, упиться, што ли?

— Ну, што ж ты чятвёрочку назад повязешь? — спросил Витька, как бы промежду прочим.

— Во счас до бугра доедем и выпьем по стаканчику.

— Во щё, да до бугра еще километра три, ну гляди, а то давай счас.

— Тр-р! — крикнул дедушка. — Счас так счас. А ну-ка, унук, достань там, в плаще, хлеб с салом, счас закусим.

Барсик остановился и, нагнувшись, стал щипать траву.

Я достал из кармана плаща три больших куса хлеба, разложил на них порезанное мелкими кусочками сало и к каждому приложил по пучку зелёного лука.

Корнеевич достал из бокового кармана 250-граммовую бутылочку самогонки, а я передал ему стограммовый стаканчик. Наполнив стаканчик водкой, Корнеевич передал его Гашкину, который пристально, как собака за мясом, наблюдал за движением его рук. Взяв водку, Витька проглотил два раза слюну, так что заходил туда-сюда его большой кадык, и, запрокинув голову, вылил в открытый рот водку.

Затем Корнеевич налил себе и, пригубив, начал медленно пить, словно через соломинку, и, выпив, долго ждал, открыв рот и запрокинув голову, пока стечёт последняя капля.

Солнце уже взошло и повисло над большим холмом, до которого мы так и не доехали. На душе моей сделалось светло и радостно. Я ел хлеб с салом и луком и поглядывал по сторонам. Справа от нас стояла берёзовая роща, а слева лежало поле, засеянное люпином. Трава по обочинам дороги была кем-то выкошена и собрана в небольшие копны сена. Мне нравилось ехать с дедушкой и Гашкиным и хотелось, чтобы эта дорога никогда не кончалась.

Мы поехали дальше.

— Во, видишь, кто-то косит, хороший хозяин, — сказал Корнеевич. — Но! Пошёл! У, ирид косабрюхий, ходит, злупа тебе бяри, идиота кусок. А ты так и не накосил корове?

— Накасю, — сказал Витька, — а если что, так скотником пойду на ферму. Силоса возьму. Ты за меня, дя, не переживай. А што ж твой браток Паша болит?

— Болит, — сказал Корнеевич, — рак желудка. Это яго Бог наказал. У-у, во, нехороший человек, хоть и брат родной. Во, косили как-то вместе в рямом. Я покосил, свои копны знаю. Приезжаю как-то за сеном, гляжу — квит, нету сена. Я к Паше, говорю: «Ты сено убирал?» — «Убирал, — говорит, — только свое». Гляжу — у него за сараем большой стог. «Где ты столько сена взял?» — «Как где? Накосил». Всё сабе, тока сабе, совести у человека совсем нету. Или во, заготовляли дрова в лесе. Приезжаю, квит, нету дров. Прихожу к Паше, вижу: мои дубки у него за хатой сложены. «Паш, — спрашиваю, — ты дубки не брал?» — «Не». Во как.

— А бабник был еще тот, ни одной бабы не пропустит.

— Так он их тока шупал, — сказал Корнеевич, — как кур.

— Ты знаешь Матвея Лысого из Асовицы, ну, у которого сын родился в шестьдесят лет?

— Ну, знаю, — сказал Корнеевич, — тракторист. Знаю, а што?

— Так вот, вторую бабу бросил — она на двадцать лет моложе была — и третью взял.

— Да, — скептически сказал Корнеевич, — трактористы три раза не женятся.

— Я раз с ним в бане был, так у няго садун будь здоров.

— Шестьдесят лет для мужика — это еще нечаго.

— Это у кого как. Вон у Ивана Серого в сорок повис, а у тебя и в восемьдесят будет стоять.

По лицу Корнеевича пробежала чуть заметная улыбка, и он уже более твёрдым голосом прикрикнул на лошадь:

— У, идиота кусок, куда лезет, у, ирид, дороги не видит, паразит.

— Во счас приедим, возьмем красненькую, колбаски, булку белую горячую купим, тебе, голубок, пряников, — потрепал меня по голове Гашкин.

— Красненькую счас было бы хорошо, — продолжил начатую Гашкиным тему Корнеевич, — а к ней консерву в томате.

— А потом бы еще и беленькую, — улыбнулся Витька, — колбаски конской по кружочку, да с лучком, а потом еще котлеток из индюшатины, да еще одну красненькую.

— Ты, Вить, как я погляжу, не собираешься поросят куплять, — сказал Корнеевич.

Солнце поднималось всё выше и выше, а мы всё ближе и ближе подъезжали к городку под названием Локоть. По дороге нам уже встречались не по-деревенски одетые люди. Мне надоело сидеть в телеге, и я бежал рядом с лошастью.

— Што ж ты бяжишь, как кобель, — сказал Гашкин, — садись, еще набегаешься.

Но я продолжал бежать. Мне нравилось бегать. Лишь перед самым Локтем, совершенно запыхавшись, я сел в телегу.

На базаре, где в обычные дни торговали всякой всячиной, по воскресеньям продавали молодых поросят. Корнеевич привязал лошадь к дереву у ворот рынка и велел мне сидеть на телеге. Проверив свои деньги, он пошёл с Витькой смотреть поросят.

Я сидел и глядел по сторонам. Неподалеку от меня проходили две тётки, и одна другой сказала:

— Ох, колбасы с мягкой булкой хотца, во хотца, аж страшно!

Мне тоже захотелось колбасы с мягкой булкой, и я стал с ещё большим нетерпением ждать возвращения дедушки.

Солнце припекало. Я устал ждать и стал дремать. В конце концов я уснул. Меня разбудил поросячий визг.

Перед телегой стоял Гашкин и держал в каждой руке по мешку. Мешки шевелились и нестерпимо визжали.

— Клади их сюда, — сказал Корнеевич, показывая на край телеги, — рядом с моими.

— Почём поросят купили? — спросил я.

— По пятнадцать, — сказал Гашкин со счастливой улыбкой на лице, — ты, дядя, теперь посяди здесь, а мы сходим.

— Пойдем, — кивнул он мне.

Мы вошли в магазин под названием «Вино». Здесь Витька купил две красных и белую. Две бутылки он положил в карманы, а одну в сетку и велел нести мне.

— Гляди не разбей, — сурово сказал он.

Потом мы зашли в магазин «Продукты» и купили полкило ливерной колбасы, два батона белого хлеба и две консервы.

— А пряников? — сказал я, посмотрев на Гашкина.

Витька дал мне рубль и сказал:

— Иди купи сам, а сетку давай сюда.

Я купил пряников, бутылку лимонада и подошёл к нашей телеге. Гашкин открывал ножом консервы, дедушка ругался на него:

— На што ж ты столько водки накуплял, упиться, што ли?

Но Витька лишь улыбался и орудовал ножом.

Вначале выпили красненькую. Налили и мне, но я отказался и попросил открыть лимонад.

— Что-то не берет, — сказал Гашкин, — давай по стакану белой, а потом закусим.

— Можно и беленькой, — сказал Корнеевич, беря двумя пальцами кильку в томате и кладя её в рот.

— Да, беленькая — это дело. На, дядя, держи.

— Што ж ты через край наливаешь, во тоже мне, добро не бережешь, ох ты, Господи.

— Давай тяни.

— Так ты закуси, Вить, а то нам много на двоих будет.

— Не много, сейчас искупаемся, еще мало будет. Вот поглядишь.

— Да я-то купаться не буду.

— Не будешь купаться, так поспишь, а потом по стаканчику еще — и поедем.

— Ты мне опять налил, да я еще не закусил, ну, давай, ладно.

Бутылка уже подходила к концу, когда Корнеевич вдруг насторожился.

— Поросёнок, — сказал он, глядя на мешок, — слышь, затих, как бы не сдох. А ну, развяжи мяшок, поглядим.

Гашкин развязал мешок и вытащил поросёнка. Поросёнок лежал на его руках и не шевелился.

— Точно, сдох, антонов огонь. Дя, это твой или мой?

— Мой, — сказал Корнеевич, — иди вон выкини яго в канавку. Второй раз вот так. Лет пять назад по дороге у меня тоже сдох поросёнок.

Гашкин, мотаясь, слез с телеги и, отойдя метров двадцать, бросил поросёнка в канавку.

В тот же миг раздался поросычий визг. А за ним возмущённо-восторженный голос Гашкина:

— Ох, растудыт твою, да он живой, гад. Слышь, дя, ён живой, счас поймаем.

В этот же момент Витька споткнулся и упал в траву.

— Иди помоги яму, — сказал Корнеевич и сам стал слезать с телеги.

Я побежал к Витьке и увидел, что поросёнок выбежал из травы, побежал в сторону речки и, сделав полукруг, снова нырнул в траву как раз перед ногами Корнеевича.

— А ну, стой, — сказал Гашкин и стал командовать. — Ты во, дя, стой здесь ближе к мосту, а то он между ног у тебя пробежал, а ты не увидел. А ты со стороны речки, а я вот тут. Счас выскочить, яму больше бежать некуда. Ну, падла, счас поймаю, зарежу, и прямо тут изжарим. Слышь, дя?

В этот момент с моста раздался голос:

— Вы што тут делаете, я не пойму?

Подняв голову, я увидел, что на мосту стоит мужик лет пятидесяти, в белой фуражке.

— Да вот, ловим, — сказал Корнеевич, заплетающимся языком.

— Рыбу ловите?

— Да не рыбу.

— А што?

— Поросёнка.

— Поросенка? — переспросил мужик.

— Купили поросёнка, а он убежал.

— А я думал — рыбу, — сказал мужик, — можно я посмотрю, я ни разу не видел, как поросят ловят.

— Чаго яму надо? — спросил подозрительно Гашкин.

— Говорит, что ни разу не видел, как поросят ловят.

— Чаго? — грозно сказал Витька и посмотрел на мужика. — А ну-ка, вали, дружок, отсюда.

— А што ж, посмотреть нельзя? — раздалось с моста.

— Ты понял? — сказал Гашкин, посмотрев вначале на Корнеевича, потом на меня.

Глаза его уже покраснели, лицо осунулось, голос стал резким, а тон агрессивным и угрожающим.

— Я помочь вам хотел, тут с моста лучше видно, — продолжал мужик. — Чего вы меня прогоняете?

— Ах, антонов огонь, ну сейчас поднимусь — с моста скину.

— Ня трогай ты яго, Вить, ён же глумной, ну што ты не видишь, малохольный, — сказал Корнеевич.

— Сами вы глумные, — сказал мужик, — а я не глумной, а нормальный, я не дурак, я умный. Понятно?

— Ну, гад, — крикнул Гашкин, — конец тебе.

Перепрыгнув через куст крапивы, он стал быстро подниматься по насыпи моста. Между тем мужик, почувствовав настоящую угрозу, припустил бежать и исчез из поля зрения.

— Вить, он убежал! — закричал я.

Гашкин остановился и спустился к нам.

— Ну, удушил бы гаденьша, как бы дал, тока бы мявкнул.

Мы продолжали облаву на поросёнка, и скоро Витька его поймал.

После того как допили белую, Гашкин открыл красную. Потом Корнеевич попросил меня снять с него сапоги.

Я с трудом стащил с дедушки сапоги и положил ему соломы под голову. Гашкин уже был босиком и лёг с другой стороны. Так они и уснули валетом.

Поросята визжали под телегой. Я распряг Барсика и решил покататься на нём. Вдоль берега шла песчаная полоса метров двести. Потом берег становился круче и переходил в широкий луг.

Я прыгнул, оттолкнувшись двумя ногами, и лёг животом на круп Барсика. Потом повернулся и сел верхом. Уздечку я всё время держал в правой руке. Барсик, не ожидая моей команды, сразу пошёл шагом. Когда я ударил его пятками по бокам, он перешёл на рысь, а потом вновь без моей команды на галоп.

Взлетев на холмистый берег, он понёсся по лугу. В животе его что-то ёкало.

Пока я скакал, у меня была одна мысль: как бы не свалиться с лошади. Такой печальный опыт у меня уже был, и я боялся его повторить. Неожиданно Барсик вильнул в сторону, и я почувствовал, что падаю. Руки мои машинально выпустили уздечку, и я оказался на земле. Через несколько секунд, придя в себя от болевого шока, я встал и осмотрелся. Барсик щипал траву метрах в пятидесяти от меня.

«Ну, слава Богу, — сказал я сам себе, подрыгав ногами и руками, — ничего не сломал».

Я не сомневался в том, что сразу поймаю Барсика. Я решил не садиться больше на него верхом, а, взяв за уздечку, отвести к телеге. Но как только я подошёл к нему метра на три, он вдруг мотнул головой и, отбежав от меня метров на тридцать, вновь начал шипать траву.

Вторая попытка оказалась тоже неудачной.

Я стал подкрадываться к нему в третий раз, уже сильно волнуясь, что мне самому не удастся поймать коня. Присев в десяти шагах от Барсика, я стал наблюдать за ним и невольно представил, как мы втроём: я, пьяные Витька и Корнеевич — ловим коня, так же как мы ловили поросёнка.

Барсик убежал от меня и в третий раз. Я попробовал погнаться за ним, но силы были неравны.

Теперь он меня не подпускал даже на десять шагов и, как только я начинал приближаться к нему, убегал, всё так же мотнув головой. Я готов был расплакаться от беспомощности.

Прошло ещё минут тридцать. Барсик не давался. Мы всё дальше и дальше уходили от реки. Я теперь не знал, в какой стороне находится мост.

Впереди показалось поле, засеянное зелёным горохом. Барсик неторопливым шагом направился к нему. Попросить бы помощи у кого-нибудь, но вокруг ни души. Солнце стояло высоко, и на небе не было туч. Я обливался потом, и мне хотелось пить. Но больше всего меня мучила мысль, что дедушка с Гашкиным уже встали и ищут меня.

Тем временем Барсик, зайдя в поле, остановился и стал смотреть на меня. Он даже не пытался убежать, когда я подошёл к нему и поднял конец уздечки, лежащей на траве.

Теперь уздечка была в моих руках, и мне стало спокойней. Я намотал её на руку на всякий случай и повёл коня за собой.

Сколько прошло времени и куда идти, я не знал. Вновь у меня усилился страх.

Я решил сесть на коня и поехать шагом. Только я сел верхом, как увидел на краю поля трёх человек. Я поехал в их сторону, надеясь спросить, где здесь мост. Но как только я подъехал к ним метров на двести, они вдруг кинулись бежать.

Вначале я не понял, в чём дело, а потом сообразил, что они приняли меня за объездчика и испугались. Это были три девочки.

Я поехал через луг, но вместо реки выехал на опушку небольшой рощи. Тогда я поехал назад к гороховому полю, но вместо поля выехал к разбитой машинами дороге. Наверняка, дорога вела к мосту, но в какую сторону ехать? Наконец

послышался гул машины. Когда облако пыли приблизилось ко мне, я выехал на дорогу и замахал рукой.

— Едь за мной, приедешь, — сказал мне молодой шофёр, когда я спросил у него, как проехать к мосту.

Через двадцать минут я добрался до своей телеги. Витька с дедушкой ещё спали. В мешках повизгивали поросята. Настроение моё стало улучшаться. Привязав лошадь, я искупался и стал её запрягать. Я запряг лошадь во второй раз в жизни, но в первый раз без помощи дедушки. Когда лошадь была запряжена, я разбудил Гашкина и Корнеевича. Мне хотелось, чтобы они искупались.

— Пошли купаться, — сказал я, — вы сразу протрезвеете.

Витька приподнялся, сел и бессмысленным взором посмотрел по сторонам.

— Дед, а дед? — сказал он, словно вспомнив, где он находится.

— Ох-хо-хо, — простонал Корнеевич, — Господи ты Боже мой.

— Дя, ты живой там?

— Живой, — сказал дедушка, продолжая лежать в телеге и лишь открыв глаза.

— А скока ж время? — зевнув, сказал Гашкин.

Часов ни у кого не было, и время определял по солнцу Корнеевич.

— Часа три будет, — сказал он, — напиться бы счас.

— Из речки пей, — сказал Витька, — колодезя тут нема, а я пойду искупнусь. Ну, мы с тобой дали. Слышь, дя? Там еще половина красной оставалась, глотни.

Витька разделся догола и, разбежавшись, прыгнул в воду.

Корнеевич надел сапоги, взял картуз и сказал мне:

— Приняси, унук, напиться.

Я принёс ему целую фуражку воды. Он попил, потом выжал картуз и надел его на голову.

Пришёл Гашкин. Надев трусы, он вытащил расчёску и зачесал назад свои длинные волосы.

Через два часа мы вернулись.

Бабушка посмотрела поросят и сказала:

— Ну, признайся дед, скока пропили.

— Скока пропили, скока пропили, — возмутился Корнеевич, — ничего не пропили. Ты будешь тут буровить.

— А то я не вижу. Скока ж они, унучек, бутылок узяли? — повернулась Петровна ко мне.

— Красненькую тока и выпили, — опередил меня Корнеевич, — на во, пятерку назад привез.

Я потихоньку улизнул и побегал к речке искать ребят. Я не мог врать бабушке и не хотел подвести дедушку.

КОЛДОВСТВО

Я проснулся раньше обычного и вышел из своей комнаты в большую. В печке трещали дрова, под святыми горела лампадка, а за столом сидели Корнеевич и Петровна и разговаривали.

— Да ты будешь ерунду молоть, — сказал дедушка, не спеша пережевывая хлеб. — Колдуны, да какие они колдуны? Никто меня не заколдовал.

— А чаго ж ты тогда водку жрешь, как в прорву?

— Да где ж я ее жру? Выпил один раз. О! Господи ты Боже мой!

— Вот и иди поговей.

— Поговеею, — сказал Корнеевич.

Он встал из-за стола, повернулся к иконам и быстро перекрестился с едва заметным поклоном.

— Поговеею, вот приедет поп в деревню, поговеею. А на Спас меня в Прямое к стаду директор посылает. Сходите в церкву пашком, как в прошлый год.

Дедушка с кряхтением поднял кнут, надел картуз, в сенцах прогрохотали его тяжелые сапоги, и хлопнула входная дверь.

Я посмотрел в окно. День был пасмурный. Мне захотелось услышать историю про колдунов, и я спросил бабушку, почему она считает, что дедушка заколдован.

— Ах, унучек, — тяжело вздохнула бабушка, — ты еще не знаешь усяго, вся наша семья заколдована. Вот видела я один раз сон. Тебе тогда года два было. Мы уже и дом построили, и сад посадили. И вот, значит, вижу я сон. Будто идет Саша — мой младший, убиенный. А я белье полоскала на речке. В длинной рясе идет, вроде как поп. А я говорю ему: «Саша, Саша, сынок, неужели ты старую послушался и на попа выучился?». А сама вот уж радуюсь. Подходит он, значит, ко мне и бутылку из-за пазухи достает, а в бутылке дохлая мышь. «На, мама, — говорит, — вот, Сянчонок дал». Тут я и проснулась. Поговорили мы с дедом — не к добру это. А тут время картохи рыть. Рыли, рыли, значит, тут, на своем огороде, возле речки, — и на тебе: под грушей нашли бутылку, а в бутылке дохлая мышь. Ну, ты подумай! А на следующий год груша засохла, да и сад весь стал засыхать. А потом твой отец с матерью заболели. Позвала я священника. Приехал батюшка, опрыскал дом и сад святой водой, отслужил молебен, а потом и говорит: «Твой сын с невесткой должны уехать отсюда». Во как! А куды ехать? А самый большой колдун здесь был Сянчонок.

Крепко уж он нашу семью ненавидел. У него была чёрная магия. И всем там было написано, как кому какое дело сделать.

Слова «магия» и «чёрная» завораживали меня. Я пытался представить себе эту книгу. Она должна была быть с черной обложкой и огромная такая, что не поместилась бы и на нашем столе. Я представлял Сянчонка сидящим за чёрной магией. Он сидел прямо на полу и, слюнявя палец, листал страницы. Страницы там были чёрные, а буквы белые. Было там что-то написано и про меня. Сянчонок вроде читал судьбы людей и тех, кого он не любил, заколдовывал, и колдовство отклоняло судьбу в сторону, направляя ее к катастрофе. Говорили даже, что колдуны были способны поезд пустить под откос, что партизаны специально ловили колдунов и под пытками заставляли их пускать под откос немецкие поезда.

На Спас мы пошли в церковь. Церковь была в Бобрике, за 12 километров от нас.

Мы вышли после обеда, чтобы к вечеру прийти в Бобриск, заночевать там у знакомых, а на следующий день успеть на утреннюю службу.

Все были празднично одеты. Лицо бабушки светилось светлой радостью, как всегда, когда она шла в церковь.

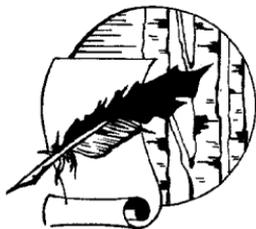
Крымский день был жаркий.

Женщины разговаривали на своем прекрасном напевном языке, а я ел яблоки и слушал.

Когда мы поднялись на пригорок, бабушка повернулась и посмотрела вниз: там внизу текла прекрасная, полная рыбы речка Усожа

— Эх, внучек, — сказала бабушка, глядя, как я ем яблоко, — вот померем мы, а ты будешь вспоминать, как ходили с бабушкой в церкву да яблоки ели.

Она оказалась права: все они давно умерли, а я живу и чуть ли не каждый день вспоминаю, как ходили мы с бабушкой в церкву и ели яблоки.

Александр НЕСТРУГИН

ГОД ВИСОКОСНЫЙ

СМУТНЫЕ ВРЕМЕНА

В истошном крике запыленном,
В ста тысячах визгливых «Я»
Ни прошлое не станет прошлым,
Ни будущим не станет явь.

Не верю правде беспощадной
Стихий, что рвут тела плотин.
Не верю правоте площадной
Ни топоров, ни гильотин.

России нужно стать собою! —
И нет значительней идей...
И звать не к топору — к собору
Народ с кипящих площадей.

И помнить, что собор ближайший —
В Москве, сто раз горевшей, там,
Где молча Минин и Пожарский
О нас рассказывают нам.

* * *

«...Как собеседника на пир».
Ф. Тютчев

Как громок мир! Он нынче пьян,
Хлебнувши и страстей, и муки...
...А что на пир я тоже зван,
Дошло лишь через третьи руки.

Кривлялась власть, вихлялась страсть,
Хмельно история шумела,
Звала пожить — взахлёб и всласть,
Но пировал я неумело.

Ещё не кончивши пути
В земной потёртой оболочке,
Я был не волен не прийти,
Но грыз сухарь свой в уголочке.

Витиям, на ухо тугим,
И так в застолье места мало...
Я был чужим, другим — другим,
Не сказанным словам внимая.

И мир хмельной, и мир больной,
Которому Господь неведом,
Не беседовал со мной,
А — одарить пытался бредом!

И я, покуда век внимал
Его речам и тостам пышным,
Не чарку — очи поднимал
Горé, своё шепча чуть слышно...

ЗАПАД

Снобы с блескучими люстрами фраз,
Как они тянут из темени нас!

Но припасли — для любой из России —
Свет не слепящий: фитиль, керосин...

И прикрутили, Европы на треть,
Русскую правду и русскую смерть.

И укоряют теперь, что коптит
Русское время: то совесть, то стыд.

Надо бы этот бардак прекратить...
Вплоть до потёмок его прикрутить!

Только пугает земных воротил
Русский ответ: керосин — и фитиль...

ДРУЖБА ИМПЕРИЙ

Хотели быть обе — первыми...
Хоть слёзы так скупо лили,
Соперничая, империи,
Но — море пересолили!

А всё началось — не с Рима ли?
Не с первого, так второго...
Друзьями непримиримыми
Быть радостно, но сурово.

И не перебить сурового
Уклончивыми речами...
Не могут простить Суворова
И нынче нам янычары!

ФОТОГРАФИЯ

За погостом и нивой, за войнами,
За глазами, где свет и беда,
Что стоит, объективом не поймано,
Сквозь знобящие смотрит года?

Что стоит за простором, за вехами,
Будто путь весь держа на весу?
За гагаринским кличем: «Поехали!»,
Разбудившим вселенную всю!

Не размылось, хоть временем трачено,
Не затёрлось, ходя по рукам.
...Резкость берега — точно как схвачена!
Не проявлена только — река.

Солнца красного, морока белого
(Всё местами меняем цвета!) —
Разве мало? Но чудится берегу
Та река, — неизбывная, та...

* * *

Ах, сколько их было, порхающих фраз,
Что вырваться к свету крылатому звали!
Про время безумцев, летящее в нас

Кортежем кремлёвским,
Мы поздно узнали...

Ударило, смяло стеклом лобовым —
И дворники слепо гоняют ошмётки...
И мёртвые птицы всё машут живым —
Нам, певчим, осипшим от страха, от водки.

И нам, хоть не славящим ловчую сеть,
Комками калечными давшимися в руки,
Ещё не вполне разучившимся петь —
Вины не избыть и не выхрипеть муки!

За веру в знаменье порхающих фраз.
За комья из ссохшихся перьев в кювете.
За ловчее время, что вызрело в нас.
...И некому выключить дворники эти...

* * *

Сумерки сердцу не врут
Старой приметой этой:
Селезни крыльями рвут
Воздух, ещё не прогретый.

Возле реки не броди:
Сердце измучают ночью,
Не приживаясь в груди,
Рваного воздуха клочья.

* * *

Пока к большой воде несусь
Бумажной радости кораблик,
Душа скитается в лесу,
Ещё безлиственном, — как зяблик.

То примется порхать она,
То стихнет, вслушиваясь чутко...
Забыв, что ястребу видна
Зарёй обрызганная грудка.

ПРОЩАНИЕ

Спросишь тихо — в тон тебе ответчу.
Взгляд уронишь — хрипотцу сглотну..
Всклень налив, решусь я: «Ну, за встречу!» —
И запнусь на влипшем в горло «ну».

И потянем горькую, не морщась...
Что за хмель? — о вечном и пустом
Молча говорим... Нет, дважды молча! —
Руки немо уронив на стол.

И, сухой занюхивая коркой,
Вижу, не расплакавшись едва:
На глоток ещё осталось горькой
У меня. А у тебя — на два...

* * *

Пока пишу, меня теряет тьма
И смерти страх не досаждаёт мелко.
Их страсть моя сбивает, словно КМА
Зашоренную компасную стрелку.

И страсти этой не хватает дней,
И всё-то в жизни важно ей и близко,
Хоть след от ручки — всё слабей, бледней,
И карандаш исписан до огрызка.

И сердце бьёт в ладоши — и молчит,
Что, бывший смертный, я остался тем же...
И карандаш уже не подточить.
И запасной не выдаётся стержень.

2020

Сплошь полынковый, но всюду — покосный,
Год високосный, год високосный!
Меж бытия прорастая и быта,
Думаем: смерти коса не отбита...
Балуясь, кто-то за ближним леском
По неотбитому водит бруском;
И за речушкой, за лугом-кустами
Чиркает камнем точильным по стали...

И утешаемся былью забытой:
Степь не укосишь косой неотбитой! —
Очень тугой полынок по бугорью...
Но отчего-то — горячим по горлу,
И не спасут ни планида, ни карма
От причитанья точильного камня.
И задыхается память от боли:
Будто на батинном старом отбое,
В жилках височных прицельно и точно
Кто-то отбойным стучит молоточком.
Звонкое детство, глухая беда ли?
...Двойки — гляди-ка! — глядят лебедами
И не дают подступиться беде,
А вот нули-то — круги по воде...
Сплошь — полынковый, но всюду — покосный,
Всё не кончается год високосный.

с. Петропавловка Воронежской обл.

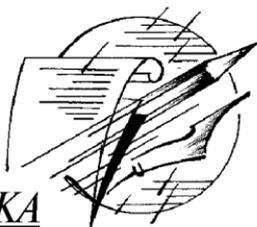
Валентин КАТАСОНОВ,
доктор экономических наук

«ВЕЛИКАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА»

Еще в прошлом году в социальных сетях и в Интернете популярной темой стала «Великая перезагрузка» (The Great Reset). Трудно даже сказать, кому принадлежит авторство этого термина. Тему «Великой перезагрузки» обсуждали не только какие-то нестандартно мыслящие блогеры или политические радикалы, но, как выяснилось, к ней проявляли интерес весьма уважаемые люди из самых верхов.

После мирового финансового кризиса 2007—2009 гг. у многих представителей как «низов», так и «верхов» возникло ощущение, что существующая модель капитализма себя изжила. Большинство представителей критически настроенных «низов» полагали, что альтернативой может быть только социализм.

А вот «верхи», критикуя нынешний капитализм, от упоминания социализма уклонялись. Вместо этого они говорили о каком-то «обновленном» капитализме. Несколько позднее (примерно в середине второго десятилетия) у них появился более конкретный термин: «инклюзивный капитализм». «Верхи» обсуждали пути и способы реформирования

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

капитализма или «революции сверху». «Великая перезагрузка» (ВП) как раз и означает такой переход от традиционного капитализма к какой-то новой социально-экономической модели.

Многие ортодоксально мыслящие представители мировой элиты достаточно настороженно отнеслись к «исканиям» новой модели, памятуя, что «лучшее — враг хорошего». Газета «Нью-Йорк Таймс» опубликовала в ноябре 2020 г. статью, в которой заявлялось, что ВП — чистая конспирология, т.е. глупость и придумка людей с воспаленными мозгами.

Видимо, это была реакция на прошедшую в конце мая 2020 года онлайн конференцию с участием таких уважаемых людей, как Клаус Шваб и принц Чарльз, которых газета записала в «заговорщики». Первый — учредитель и бессменный руководитель Всемирного экономического форума (ВЭФ), того самого, который в начале каждого года организует саммиты в Давосе, собирающие самых богатых и влиятельных людей всего мира.

Второй — член английской королевской семьи, сын английской королевы. Так вот, эти уважаемые господа (равно как и другие VIP-участники) поругивали нынешний капитализм и говорили о необходимости его реформирования. И более того, они громогласно произнесли словосочетание The Great Reset и заявили, что начинать ВП надо прямо в этом году.

Благо, что этому способствовала начавшаяся пандемия COVID-19, на которую можно списать не очень демократичные решения и непопулярные действия. Мол, борьба с вирусом требует своих жертв! Получается, что VIP-участники дистанционной конференции и есть заговорщики, которых обличала «Нью-Йорк Таймс».

Наблюдатели ждали следующих шагов со стороны инициаторов и участников упомянутой конференции. И долго ждать не пришлось. В июле вышла в свет книга «COVID-19: The Great Reset» («Covid-19: Великая перезагрузка»), принадлежащая перу всё того же профессора Клауса Шваба. Она уже не оставляла никаких сомнений, что ее автор — революционер, решивший покончить со старым капитализмом. Причем, как можно понять даже из названия книги, начало революции приурочивается к пандемии коронавируса.

То, что он революционер, некоторые подозревали и раньше. В своих предшествующих выступлениях и статьях профессор прямо заявлял о том, что погоня за прибылью как главная цель компании — анахронизм, эта погоня лишает человечество будущего. Прямо в духе «Манифеста Коммунисти-

ческой партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Как тут не умилиться всему прогрессивному человечеству и не возмутиться консервативным приверженцам старого строя!

Правда или нет, но профессор заявляет сегодня, что полвека назад он для того и создал ВЭФ, чтобы с его помощью бороться со старым капитализмом и строить новый. Оказывается, еще полвека назад (если верить Швабу) у него уже было название нового общественного строя — «инклюзивный капитализм» или «капитализм всех заинтересованных сторон». Основой такого нового капитализма должны стать стейкхолдеры (stakeholders).

Кто это такие? Это те, кого в традиционном капитализме называют акционерами. Большинство современных капиталистических предприятий имеют акционерную форму, акционеры заинтересованы лишь в получении максимальной прибыли. Всё остальное их не интересует, «хоть трава не расти». Шwab как раз и обращает внимание, что после деятельности таких акционерных обществ трава перестает расти. Он намекает на то, что акционеров-капиталистов не интересует сохранение природных ресурсов и окружающей среды. Им интересны лишь их сиюминутные прибыли, а интересы будущих поколений в расчет не принимаются. Да и сегодняшние интересы общества акционерам-капиталистам не интересны. Такой оголтелый капитализм в конечном счете создает угрозы для существования человечества как такового. Алчные капиталисты погибнут вместе со всем человечеством!

Что же делать? Профессор отвечает: капиталистические акционерные общества превращать в компании всех заинтересованных сторон. Т.е. компания должна быть социально ответственной, чуждой узкокорпоративным интересам. Она должна учитывать интересы, с одной стороны, поставщиков и подрядчиков; с другой стороны, заказчиков и покупателей; с третьей стороны — собственных работников. Было бы неплохо также помнить о такой заинтересованной стороне, как будущие поколения. А в этом списке заинтересованных сторон акционеры с их желанием получать дивиденды находятся где-то в конце.

Много еще красивых слов профессором сказано о «дове­рии сторон», о необходимости разработки универсальных руководств (методик) по согласованию интересов сторон, о переходе к более долгосрочному целеполаганию в деятельности компаний, об «устойчивом развитии» без кризисов и т.п.

Кто-то всерьез поверил всем этим профессорским изысканиям и его обещанию: «нынешнее поколение будет жить в инклюзивном капитализме». Кто-то, как я уже отметил

выше, возмущился посягательством на традиционный капитализм и обозвал Клауса Шваба «смутьяном» и «революционером». Кто-то (и таких очень много) воспринял идеи профессора как фантазии и утопии и не посчитал их чем-то заслуживающим внимания.

Но есть еще одна точка зрения, которой и я придерживаюсь: все эти профессорские бредни выступают некоей «дымовой завесой», маскирующей истинные цели и планы мировой элиты. Если правильно понимать эзотерический язык профессора Шваба и перевести его лукавые слова на русский язык, то мы увидим совершенно другую картину.

«Великая перезагрузка» — конкретный проект, призванный реализовать те рекомендации и идеи, которые вынашивались мировой элитой многие десятилетия и даже столетия. Не буду погружать читателя в столетия предыстории, а возьму более близкую точку отсчета.

Например, 1928 год, когда свет увидела очередная книга известного английского писателя Герберта Уэллса. Он был не просто писатель, а принадлежал к британской (даже шире: англосаксонской) элите. Некоторое время был активным членом фабианского общества (умеренные социалисты). Но позднее вышел из него, т.к. был настроен более радикально по вопросам перестройки английского капитализма и всего мира. Так вот, упомянутая книга называлась «Открытый заговор» (The Open Conspiracy).

Там много внимания уделено описанию недостатков существовавшего на тот момент капитализма, которые «программировали» серьезный мировой кризис и даже катастрофу. Автор как в воду смотрел: в 1929 году началась мировая экономическая рецессия, которая потом переросла в мировую экономическую депрессию. А в 1939 году началась Вторая мировая война.

Герберт Уэллс обращался к мировой элите — наиболее знательным капиталистам и интеллектуалам с призывом начать перестройку мира на новых принципах.

План включал торможение демографического роста и даже снижение народонаселения, укрепление позиций крупнейших корпораций в мировой экономике (при одновременном сворачивании малого и среднего предпринимательства), замену традиционных религий единой мировой религией, отказ (желательно добровольный, но если потребуется, то и под принуждением) государств от национальных суверенитетов, выстраивание на их месте мирового государства, создание мирового правительства, которое будет управлять этим государством. А руководить мировым правительством дол-

жен дуумвират богатейших людей планеты и «самых продвинутых» интеллектуалов (к коим, вероятно, причислял себя Уэллс). Герберт Уэллс не питал никаких иллюзий насчет того, что этот план вызовет сопротивление со стороны части «несознательных» политиков и государственных деятелей, а также со стороны простого населения.

«Несознательных» политиков можно нейтрализовать, пообещав «тепленькое место» в будущем правительстве, а простой народ следует ускоренно «перевоспитывать», отучая от христианских и прочих религиозных «предрассудков», а если потребуется, то следует и силу применить. Не буду подробно пересказывать эту книгу. Отмечу лишь, что большинство наших сограждан даже не подозревали о существовании «Открытого заговора», потому что работа не переводилась на русский язык.

Мне удалось организовать ее перевод, и она, наконец, увидела свет в России. Я ее предварил довольно обширным предисловием. Вот ее выходные данные: Уэллс Герберт. Открытый заговор. Пер. с англ. А. Крутько. С предисловием профессора В.Ю. Катасонова. — М.: Издательский дом «Кислород», 2021.

Можно вспомнить также серию романов-антиутопий, в которых описывается «идеальное» (с точки зрения мировой элиты нашего времени) общество: «Мы» Евгения Замятина (1920 г.), «Дивный новый мир» Олдоса Хаксли (1932 г.), «1984» Джорджа Оруэлла (1948 г.), «451 градус по Фаренгейту» Рэя Брэдбери (1953 г.) и др.

Конечно, в большинстве этих антиутопий мы видим картины уже готового «дивного нового мира». О том, как человечество удалось втянуть в этот «новый мир» (т.е. как проводилась «великая перезагрузка»), в них говорится очень скупо. Но многое из того, что описано в упомянутых выше романах уже не утопии, а реалии сегодняшнего дня.

Можно также вспомнить роман Айн Рэнд (настоящее имя Алиса Розенбаум) «Атлант расправил плечи» (1957 г.). В Америке, где вышла впервые эта книга, ее называют «библией капитализма». А ведь там тоже говорится о «великой перезагрузке».

Изображенные в романе капитаны бизнеса возомнили себя «атлантами», на плечах которых держится вся цивилизация. С высоты своего положения они смотрят на простой народ как на «недочеловеков», которых «атланты» считают «лентяями», «потребителями» и даже «паразитами». Вот «атланты» и решили покончить с «неправильным» порядком и сбросить со своих плеч «паразитов». В романе описываются драматические события «зачистки жизненного про-

странства» от промышленности, инфраструктуры, людей. Мы видим еще одну версию «великой перезагрузки».

Алгоритмы плана построения «дивного нового мира» мы видим и в докладах Римского клуба, созданного в 1968 году одним из наиболее влиятельных представителей мировой элиты Дэвидом Рокфеллером.

На протяжении полувека эта элитная международная организация, объединявшая «самых продвинутых» интеллектуалов мира, выполняла социальные заказы упомянутого миллиардера. Создаваемый ими продукт назывался «готовые доклады клуба». Они помогают понять план «великой перезагрузки».

Обозначу самые главные моменты:

Сдерживание демографического роста, а затем сокращение численности населения планеты («оптимум» — 1 миллиард человек).

Деиндустриализация экономики (под прикрытием лозунга перехода к «постиндустриальному обществу»).

«Цифровизация» всех сторон жизни человека и общества (в переводе на понятный язык: выстраивание «цифрового концлагеря», куда будет помещен оставшийся миллиард жителей планеты).

Размывание суверенитетов и ослабление национальных государств (для чего идеально подходит идеология либерализма и глобализма).

Создание на обломках национальных государств единого мирового государства, которое будет управляться единым мировым правительством.

Мировая элита на протяжении многих послевоенных десятилетий примерялась, когда же дать старт «революции сверху». Не все было готово. В частности, на мировой шахматной доске надо было расставить свои фигуры. Начиная от «королей» (руководители государств с титулами «король», «королева», «президент», «премьер-министр», «канцлер» и т.п.) и кончая «пешками».

Также на планету была к 2020 году накинута плотная цифровая паутина в виде интернета и разного рода «сервисов» ИТ-корпораций Силиконовой долины. Появилась возможность долбить круглосуточно мозги миллиардов жителей планеты. С одной стороны, нагнетать страх пандемии COVID-19 (известно, что запуганными людьми очень легко управлять). С другой стороны, обещая им «светлое будущее».

Возвращаясь к «Великой перестройке» Клауса Шваба, отмечу, что в озвученном им плане перехода в «дивный новый мир» нет почти ничего нового. Новым является то, что реализация плана в 2020 году уже началась, а «дымовая завеса»,

прикрывающей истинные цели «революционеров», является якобы «борьба с пандемией».

Клаус Шваб всё назвал своими именами, признав, что COVID-19 не имеет никакого отношения к нынешним действиям властей, называемых lockdown (локдауном): «Мир больше не будет прежним, капитализм примет иную форму, а к нормальной жизни мы не вернемся никогда».

Кстати, в Англии, откуда пришло слово lockdown, после Второй мировой войны основным его значением стало: заключение человека в тюремную камеру в целях обеспечения его безопасности.

Людям предлагается добровольно и побыстрее занять место в электронном концлагере, где, как им объясняют власти, будет безопаснее, чем на свободе. И из концлагеря не выходить. Впрочем, многие в панике вбегающие в концлагерь, не успевают прочитать надпись на его вратах: «Оставь надежду, всяк сюда входящий». Говорят, что такая надпись красовалась над входом в немецкий концентрационный лагерь Маутхаузен. А сами эти слова — из заключительной фразы текста над вратами ада в «Божественной комедии» Данте Алигьери. Вряд ли такой перманентный lockdown можно назвать новой формой капитализма, как нам внушает профессор Клаус Шваб. Это какой-то новый вид рабовладельческого строя. Предлагаю его назвать «тюремным рабовладением».

Впрочем, элита не настолько наивна, полагая, что все добровольно и радостно будут входить в концлагерь. Придется применять и силу. Клаус Шваб на своем «птичьем языке» говорит об этом в своей книге:

«Проблема рассинхронизации между двумя группами (1% принимающих решения и более 98% остального человечества), чей горизонт сильно разнится, стоит остро, и справиться с ней в разрезе пандемии будет непросто. Стремительность шока и глубина причинённой боли несопоставима с политической стороной вопроса»; «Мир больше не будет прежним, капитализм примет иную форму, у нас появятся совершенно новые виды собственности помимо частной и государственной. Крупнейшие транснациональные компании возьмут на себя больше социальной ответственности, они будут активнее участвовать в общественной жизни и нести ответственность ради общего блага»; «Пандемия даёт нам этот шанс: это узкое окно возможностей для размышлений, решений и перезагрузки нашего мира».

ИА «Аврора»

ХАРИСТО

РАССКАЗ

Виктор Прокофьевич сосредоточенно пригляделся: мимо его дома по набережной на фоне загустевшего сине-зелёными водорослями «Воронежского моря», сейчас похожего на огромный луг с тяжёлым тухлым запахом, катился велосипедист: мужичок-худышечка лет несколько за шестьдесят, седенький, сильно ссутулившийся и через то похожий на горбуна. Эка, казалось бы, невидаль! Но была у этого путешественника одна серьёзная особенность, которую никак нельзя было не заметить: у его «велика» отсутствовали обе педали. Так что он катил свою технику как мальчишечка самокат — размеренными толчками левой ноги. Шарк-шарк-шарк... Упорно так. Как ни в чём не бывало. Мы, мол, такие. Завсегда. Нам пальца в рот не суй.

Сей абсурдный способ передвижения невольно навёл Виктора Прокофьевича Степанова на стезю его привычных больших размышлений: годы его крайние, серьёзные, то есть пожито им от души, но ему так и не довелось увидеть, чтобы главный человек в нашей стране, так называемый «простой», жил нор-

ПРОЗА

мально, в достаточном благополучии, а не наперекосяк, как обычно оборачивается для него здешнее пребывание.

Правда, был прецедент. В годы оные как-то власть замахнулась порадовать своих вассалов... Что тогда такое особенное на Никитку Хрущёва нашло?.. Откуда только объявилось в нём невиданное рвение сотворить из бродившего по Европе призрака коммунизма в конкретные двадцать лет самый что ни на есть настоящий, реальный, хлебосольный?

Вспоминать тошно. И забыть невозможно. Особенно горячее заверение Никиты Сергеевича в канун коммунизма показать советскому народу (нет, не Кузькину мать), а последнего попа! До сих пор особая невиданная бравурность того времени перед глазами стоит...

С молодых ногтей ожидание построения коммунизма стало у Вити самой настоящей путеводной звездой: крепко, зачарованно уверовал он в «кукурузника»... А как не прийти в восторг перед грядущими светлыми горизонтами, которые тот распахнул шире небес?.. Ведь никто и предположить в те годы не мог, куда заведёт их этот разоблачитель культа личности. Неспроста какой-то там скульптор Никите Хрущёву посмертно на могильном надгробии голову сделал из белого мрамора и чёрного гранита: свет и тьма.

Поныне Виктор Прокофьевич, как найдёт на него тоска по несбывшемуся коммунизму, в сердцах обложится томами Маркса, Ленина да Сталина, Макиавелли, Кампанеллы или того же Платона — всем, что умные и не очень люди понаписали за века и тысячелетия о загадочном светлом будущем... И вчитывается обстоятельно, дотошно, со строгим разумением. Иногда до лихорадки! Упёрто надеясь уловить-таки ответ, на чём и где строительство коммунизма в СССР оскользнулось.

«Известное дело... — бывало, пошучивал на эту тему сосед Степанова по лестничной площадке Анатолий Голомёдов. — С призраками не шутят. Вон у нас под Воронежем в Рамони как-то приступили восстанавливать старинный замок принцессы Евгении Ольденбургской, урожденной княгине Романовской. Так тем людям, которые это важное дело начали, вскоре стали являться всякие разные призраки — в итоге почти все они как-то нехорошо один за другим вдруг померли... И так это весь тамошний народ привело в трепет, что работы пришлось остановить и надолго».

За пристрастность Виктора Прокофьевича к высоким размышлениям сосед Анатолий всегда был к нему со всем уважением особо расположен. И как только в жизни российской очередная новость происходила, он тут же и объявлялся перед ним для её пунктуального разбора. А новости регуляр-

но накатывали такие, что мозги враз клинит: то цены на харч невесть почему прыгнули, то лекарства вмиг стали такие, что не укупишь, за оплату ЖКХ половину пенсии отдай, с Украинной никак на мирные рубежи не выйдем и вообще...

Совсем недавно они более чем встревожено говорили за недавнее повышение пенсионного возраста. Сам Анатолий был молодым пенсионером, вовремя проскочившим мимо неожиданно грянувших возрастных перемен: ещё недавно слесарь-водопроводчик местного ЖЭКа, он второй месяц вдохновенно отмечал своё шестидесятилетие и первую пенсию. Так что обретался с утра до вечера во всей мужицкой простоте — смятых морщинистых трико и растянутой, провисшей майке, застирано-серой. Только волосы на голове у Анатолия при всём его зрелом возрасте были без единой седой искры, свежо мерцаая радужным антрацитовым блеском.

— Возможно, это и в самом деле неизбежность... — строго вздохнул Виктор Прокофьевич. — Во имя улучшения дальнейшей жизни нашего народа.

— Значит, по-твоему, если я сознательный гражданин, мне надо от пенсии отказаться и снова топтать на работу в мой любимый ЖЭК? — судорожно вскинулся Анатолий. — Тогда и ты, Прокопыч, отправляйся трудиться прям завтра с утра пораньше в свою рыбокопильню! А чего? Ты в свои семьдесят два мужик вполне резвый. Потом же был ударником коммунистического труда! Вкалывать тебе — манной кашей не корми!

Закрыв за соседом дверь, Степанов аккуратно попросил у Алевтины «капелек».

— Что-то сердце заискрило... Как короткое замыкание...

— Я сегодня в храме вечером буду... — робко проговорила Алевтина. — Так и закажу панихиду за твоё здравие... Или даже Сорокоуст!..

И тут Виктор Прокофьевич, как это бывало не раз, когда дело доходило до храмовой темы, потянулся к книжному шкафу. Это грандиозное сооружение из маньчжурского тёмного ореха, увенчанное царской короной в цветах, в своё время досталось ему по наследству от деда-краснодеревщика — и было оно работы дореволюционной, рукодельно-старательной.

Он бережно вытянул из общей обоймы томов Платона, Аристотеля, Цицерона или того же Ленина вкупе с Гегелем тоненькую, старательно зачитанную брошюрку «Морального кодекса строителя коммунизма».

Тихо, нежно проговорил:

— Вот она, моя Библия...Я, Алечка, атеист коммунистической закваски, а ты... Сорокоуст!

Виктор Прокофьевич усмехнулся. Правда, больше похоже было, что он нервно всхлипнул.

— Если бы не предательство Хрущёва, как бы мы славно жили при коммунизме! Взаимное уважение: человек человеку — друг, товарищ и брат; честность и правдивость, простота и скромность; непримиримость к несправедливости, нечестности и карьеризму... Золотые слова! Такие не стыдно на небесах во всю ширь начертать!

— Сто раз я всё это от тебя, дурака не крещённого, слышала... — одними губами усмехнулась Алевтина. — Только в этом твоём Моральном кодексе половина всех слов откуда? Из Нагорной проповеди Господа нашего Иисуса Христа. Недавно наш батюшка говорил в храме, что Путин тоже так считает... И даже главный коммунист Зюганов! Креститься тебе надо! Все твои нынешние переживания ерундой ненужной покажутся. Как на свет народишься!

Виктор Прокофьевич принял корвалол и смущенно зажмурился...

...Летняя утренняя Волга под Сталинградом с ярким, парадно-белым корабликом на свежей и словно молодой после ночи воде. Он компактный, манёвренный и называется «речным трамваем». Витенька, будущий Виктор Прокофьевич, рыбокоптильщик морепродуктов Воронежского холодильника № 2-3, ударник коммунистического труда, сидит с родителями на второй застеклённой палубе в буфете, который ярко пахнет шампанским, пирожными и ветчиной. Он в матроске и кожаных сандалиях с дырочками. Отец, Прокофий Ильич, в белом летнем кителе с кортиком в чёрных лакированных ножнах курит папиросу «Казбек» из твёрдой распаивающейся пачки, на которой на фоне белоснежных гор летит в чёрной бурке стремительный всадник. Отец только что выпил стакан шампанского и слегка вспотел. Мама, Татьяна Яковлевна, вглядывается вдаль через похожее на линзу толстое, горячее стекло иллюминатора, словно пропитавшееся солнцем.

С верхней палубы в буфет, изогнувшись, заглянул экскурсовод.

— Товарищ военлёт, подходим! Уже хорошо видать! — восторженно крикнул тот.

Над яркой солнечной Волгой на высоком постаменте с гранитным цоколем стоял двадцатидвухметровый генералиссимус в шинели и с непокрытой головой. Он был так велик, что облака вверху воспринимались всего лишь как дым от его знаменитой трубки. Чеканная тысячетонная медь величаво золотилась на солнце. Сталин со своей святогоровой высоты глядел вдаль с недоступной задумчивостью. Памятник ка-

зался живым, но это была непостижимая грандиозная жизнь, в которой человеческий век — лишь короткий миг. Памятник жил вечностью.

— Обратите внимание! — торжественно сказал экскурсовод. — Размеры скульптуры поражают своей колоссальностью! На погоне сталинской шинели может свободно разместиться автомобиль «Москвич»! Пуговицы величиной с офицерскую фуражку!

Он говорил так, словно доверительно приобщал экскурсантов к какой-то одному ему сполна открытой тайне. Это был не экскурсовод, а жрец. Человек, которого связывало с фигурой на постаменте что-то сокровенное.

— Как задумчив облик вождя! — счастливым голосом прокричал экскурсовод. — Сколько глубоких мыслей на лице!

— Дяденька, а о чём думает товарищ Сталин? — пискнул Витенька.

— Он думает о твоём счастливом детстве! — вдохновенно улыбнулся экскурсовод. — И о том коммунизме, который будет построен в нашей великой стране по его заветному плану!

Он ласково обнял будущего рыбокопильщика. Волжский ветер трепал ленты Витенькиной матроски. Они оба смотрели на памятник, и все пассажиры неотрывно глядели на этот медный утёс, постамент которого был в крапинках людских фигур, точно засижен мухами. Глядели так, как будто неожиданно увидели близкого, дорогого человека.

— Ур-р-ра! — вдруг крикнул кто-то с такой силой, чтобы наверняка докричаться на высоту памятника.

— Ура!!! — крикнули все остальные.

...Из путешествия во времени Виктора Прокофьевича вернулся радостно знакомый звук, — в стену его «хрущёвки» призывно постучал Анатолий. Это ещё издавна установилась у них такая дружеская «морзянка». С шестьдесят восьмого, когда их родители сюда из бараков переехали, а они с Анатолием подобную методу связи завели с мальчишеским озорством.

В общем, как дойдёт у кого из них душевное напряжение до крайности, до надрыва, так вот тебе типа домашней «стены плача» — постучи, и тебе откроют...

— Чего тебе, дорогой? — энергично распахнул он дверь перед соседом, выставив вперёд добродушную улыбку.

— Пару слов сказать... Весьма продуманных и ответственных. Извини, я снова насчёт повышения пенсионного возраста... — многозначительно ёмко проговорил Анатолий. — Эх, Сталина на них нет!

Извиняюще вздохнув, Виктор Прокофьевич решительно шагнул на кухню и взял пару хрустальных увесистых рюмок.

— Предлагаю первый тост — за коммунизм! — ещё, как видно, не совсем покинув свой сон, торжественно объявил Виктор Прокофьевич. — Оказывается, ещё товарищ Сталин хотел построить его в нашей стране! Да не дали ему всякие там «хрущёвы». Хочешь, я тебе в реальности изложу, как умирал наш Иосиф Виссарионович?..

Анатолий бдительно напрягся. Подпривстал.

— Мама покойная рассказывала... — Виктор Прокофьевич взволнованно прищурился. — Под большим секретом. Чего ни в каких книгах или самых секретных архивах по истории партии не сыскать. И так, на дворе роковой мартовский день... Товарищ Сталин мылся в бане... И вдруг почувствовал себя плохо... — Виктор Прокофьевич недовольно оглянулся — к ним важно шла через зал Алевтина с тарелкой только что испечённых жарких котлет с тушёной капусткой: — Спасибо, добрая женщина... Но вернёмся к теме! И так, товарищ Сталин мылся и вдруг.. упал. Глаза Иосифа Виссарионовича закрывались, казалось бы, навсегда. А через стекло двери охране всё это было хорошо видно. Однако ломать её и срочно броситься на помощь они не решились. Кинулись искать Берию. Через час-другой у бани сошлись Лаврентий Палыч, Никитка Хрущёв, Микоян, Маленков, кто-то ещё. Но и всем скопом эти государственные люди робели войти. Точнее сказать, в штаны наложили. А товарищ Сталин всё лежит... А они мнутя, друг друга вперёд легонько подталкивают...

— Ну, ты даёшь... стране угля! — с хрипотцой тяжело выговорил Анатолий.

Виктор Прокофьевич строго откинулся на спинку стула, руки опустил со сжатыми отяжелевшими кулаками — чувствовал особенность наступающего момента.

— И тут этот, Хрущёв, на четвереньки опустился... Выждал. Даже зачем-то принюхался. Пригляделся... Так и эдак. А далее лёг по-пластунски и пополз вперёд к Иосифу Виссарионовичу: медленно, неуклюже, с оглядкой, напряжённо прислушиваясь к каждому шороху. И наконец-таки достиг товарища Сталина. Ладошку к его лицу протянул... Каков момент! И вдруг оглянулся — бледный, потный, глазки бегают. «Дышит...» — прошептал-пролепетал голосом испуганного донельзя ребёнка. И тогда Сталин, не открывая глаз, сказал им свои последние в этой жизни слова. Тихо, очень тихо, но, тем не менее, достаточно отчётливо: «Без меня... пропадёте».

— Ах, ты как!!! Ёк-моёк! — подхватился Анатолий, судорожно, вёртко. — Спасибо, Прокопыч! Вон оно что, оказы-

вается... Да-а-а... Ладно. Пойду к себе. Хочется обо всё этом сугубо наедине поразмыслить. Если что, я — рядышком! В полной боевой! Артиллеристы, Сталин дал приказ!

— Из сотен тысяч батарей, за слёзы наших матерей, за нашу Родину — огонь! Огонь! — командирски усмехнулся Виктор Прокофьевич. — Что, Толенька, готов ли ты в бой после такого моего рассказа?

— Всегда готов! Спина только немного болит... Подлопаткой...

— В том месте, куда моджахед тебя камнем звезданул?

— Ага...

Анатолий накосо запрокинул назад голову, словно хотел увидеть каковы же нынешние последствия того боевого ранения, будто бы полученного им при штурме дворца Амина под Новый год в былом 1979-м.

Виктор Прокофьевич с серьёзной, строгой улыбкой прицельно наполнил рюмку Анатолия.

— На посошок? — нервно-весело отреагировал тот.

— Нет, дорогой. Всё проще... У меня к тебе просьба. Выпей и выполни её: никогда больше не рассказывать мне байки о твоих подвигах в Афгане. Ты, Толян, даже срочную не служил. Извернулся как-то.

— Типа того! — покаянно-весело вскрикнул Анатолий. — Понял, сэр! Есть... Ноу проблем!

Минут через двадцать Анатолий перезвонил на смартфон.

— Если он к тебе сейчас будет лезть с новой бутылкой, я уйду из дому! — ярко побледнела Алевтина, точно её впритык лунным светом озарило.

— Давай без крайностей. Не искри... — напрягся Виктор Прокофьевич и сосредоточенно постучал костяшкой указательного пальца по экрану гаджета.

Голос Анатолия коряво, но прорвался.

— Прокопыч! — шумно, суетно, как с разбегу, заговорил сосед. — Я в нашем магазине. Как от тебя вышел, так сразу пронзительно почувствовал: недопитие у меня. Болезненно-острое. Учитывая глубину твоего легендарного откровения о последних заветных словах товарища Сталина. Я в таком состоянии озвереть могу! Вот и заскочил за чекушкой... Не более того. Это у меня чётко отлажено... А тут, Прокопыч, а тут, в магазине, наш сосед посреди зала на полу мертвецки лежит! Воно как!

— Что за сосед?.. — сдавленно кашлянул Степанов.

— Из пятой квартиры! Михалыч!

— Пьяный?..

— Покойник, Прокопыч!

— Не дури!

— Существенно говорю! Уже трупные пятна по лицу пошли.

— Допился?..

— Оно как бы так, да не так... — потишел Анатолий. И вдруг строго, рассудительно добавил: — Ему полгода до «пенсии» оставалось. Он уже в кармане чувствовал, как там шуршат долгожданные десять тысяч. А теперь пролетел. С грянувшим с небес повышением, так сказать, «пензючьего» возраста! Похоже, инфаркт. Сейчас точно буду знать. Вон фельдшер «скорой» к нам бежит. Со всех ног! Да ещё чего-то матюкается на весь зал! Может, и его долгожданная пенсия ему кукиш показала?

Этой ночью Виктору Прокофьевичу упёрто не спалось.

Алевтина заботливо напоила его корвалолом, однако незримая стена между явью и забытьём оставалась непоколебима. Точно кто-то наказующе не пускал Виктора Прокофьевича в благодатную сферу сновидений.

Так всю июньскую ночь и просидел он на балконе, понурясь...

...Тут и вспомнился Степанову тот октябрь 1961-го гагаринского года, когда ему, ученику шестого класса, вместе со всем советским народом торжественно распахнулись ворота в счастливое коммунистическое будущее! А трамплином в эту эпоху благоденствия стал ныне всеми забытый XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Посейчас помнит Виктор Прокофьевич, как они всей семьёй следили за ходом съезда по телевизору. На столе, застланном маминной кружевной белой скатертью, глянцево блестящей от крахмала, стоял телевизор КВН, который тогда расшифровывался гражданами так: «Купил. Включил. Не работает». С экраном чуть более пачки отцовских папирос «Казбек». Поэтому некоторые умельцы увеличивали изображение с помощью «аквариума» (стеклянной линзы, заполненной водой).

И вот из этого КВНа бойко звучал целыми днями песенно-азартный украинский голос Хрущёва: «Партия торжественно провозглашает — нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» Одним словом, впереди наш народ ждёт полная чаша счастья. Только-то и требуется от тебя на пути к нему, что воспитать высокое сознание общественного долга, а также жить по принципу: каждый за всех, все за одного, человек человеку друг, товарищ и брат. Плюс непримиримость к несправедливости, карьеризму и стяжательству...

«Наши цели ясны, задачи определены, за работу, товарищи!»

В ответ на певучий возглас Никиты Сергеевича все пять тысяч ликующих делегатов съезда с восторгом встают все разом, точно взлетев, а их продолжительные аплодисменты вскоре перерастают в бурные, несомнительные овации. Но даже сквозь шквал этих густых, чуть ли не артиллерийских звуков отчётливо, ярко слышатся громкоголосые лозунги, которые выкрикивают явно к тому назначенные особые люди с особыми лужёными глотками: «Слава КПСС! Да здравствует коммунизм! Да здравствует Никита Сергеевич Хрущёв!!!»

Такому историческому съезду народ «приготовил» и исторические подарки: построил самую крупную в Европе Волгоградскую ГЭС и взорвал самую мощную в истории термоядерную «Царь-бомбу» на полигоне на Новой Земле.

Отец, уже военный пенсионер, смотрел новости съезда несколько настороженно, побряхтывая. А под конец так и вовсе вдруг выпил полстакана водки и ушёл курить в сад своей неизменный «Казбек». Это произошло после того, как первый секретарь Ленинградского обкома Иван Васильевич Спиридонов с суровой вдохновенностью предложил делегатам съезда принять решение об удалении тела Сталина из Мавзолея. Учитывая будто бы серьёзные нарушения Иосифом Виссарионовичем ленинских заветов, злоупотребление властью, массовые репрессии против честных советских людей и другие антипартийные действия в период культа личности. А следом делегатка съезда, старая большевичка Дора Абрамовна Лазуркина с мистическим надрывом заявила, что накануне советовалась по этому вопросу.. с самим Ильичём!!! И тот будто бы «стоял перед ней как живой» и говорил, что ему «неприятно лежать в гробу рядом со Сталиным, принёсшим столько бед партии»...

— Это с Ленина начались репрессии! — не своим голосом надрывно крикнул в дверь отец. — Не зря народ его антихристом окрестил!

С того дня Прокофий Ильич, «сталинский сокол», фронтовик, надолго запил... А там его уже поблизости инфаркт ждал, который в народе называли по-простому, понятно — «разрыв сердца»...

Как бы там ни было, страна точно в лихорадке какой-то зажила: для прорыва в коммунизм предполагалось ни мало, ни много двадцать лет. На фоне первого полёта в Космос всё казалось возможным в великой Стране Советов! Виктор тогда вдохновенно высчитал, сколько лет ему будет, когда грянет эпохальный коммунизм! 32 годка! Ничего. Нормально. Будет он ещё вовсе не старик.

Виктор Прокофьевич поныне помнит, как в октябре шестьдесят первого слова про партию, торжественно обещающую через двадцать лет построить в СССР основы коммунизма, мощно, зримо раскинулись на карнизе крыши строительного техникума на Проспекте Революции, заменив бывший обычный лозунг «Храните деньги в сберегательной кассе».

Коммунизм — это когда всё бесплатно, у всех всё есть, все всем довольны. У каждой семьи собственная добротная квартира с холодильником и телевизором. Рабочий день — четыре часа. Деньги отменены. Все питаются в общественных столовых. В магазинах бери любые товары, сколько хочешь. Всё равно лишнего не понесёшь в мешке. Автомобили свободно стоят на парковках уже заправленные и лучшими мастерами досмотренные безопасности ради — бери любой и езжай, куда душе угодно.

И Виктор поверил Хрущёву: восхищённо, самозабвенно, с азартом. Тем более что Никита Сергеевич был для него тогда почти свой: он мальчишкой почти вблизи видел его с плеча отца в апреле 1957-го на митинге на центральной площади, когда Хрущёв приезжал в Воронеж.

«Здравствуй, будущее!» — каждый день звучала тогда из радиоточек во всех квартирах песня Мурадели:

*Мы будем жить при коммунизме!
Его рубеж не так далёк.
Трудом мы, подвигом приблизим
Великий день, заветный срок.*

И потом, позже, эта вера так и не покинула Виктора Прокофьевича, прошла все испытания на прочность. Вокруг хохот и гогот — анекдоты про Хрущёва, про Брежнева, а Степанов каждого из них упёрто выгораживает, всякому их слову благородно верит, — мол, на этот раз в Кремле сел настоящий человек!

Только почему-то в народе не было особого праздника в связи с тем, что бродивший некогда по Европе призрак коммунизма вот-вот материализуется в родном Советском Союзе.

...Хотя некоторые к его приходу и полной победе стали исполнительно готовиться заранее. Соседи Степановых, Уваровы, жившие этажом выше, принялись ежедневно демонстративно ходить с котелками и термосами в ближайшую студенческую столовую за тамошней прогорклой едой, чтобы освободить себя от домашнего кухонного рабства во имя ускорения созидания коммунизма...

А когда однажды директор школы Павел Герасимович Черных, он же преподаватель истории, вызвал Витю Степанова

к доске рассказать о том, как воплощается в жизнь Моральный кодекс строителя коммунизма, тот машинально назвал Хрущёва просто Хрущёвым. Директор тотчас бдительно и несколько испуганно поправил его с особым идеологическим нажимом: «Не Хрущёв, а Первый секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза Никита Сергеевич Хрущёв!»

И это не забылось... Когда Виктор оканчивал одиннадцатый класс, Павел Герасимович в его характеристике сурово прописал, что юноша мало интересуется общественно-политической жизнью страны и к построению светлого коммунистического будущего относится с обывательским интересом. У него нет в глазах пламени настоящего комсомольского задора.

Расставаясь навсегда со школой, Витя на выходе чуть было не сбил с ног директора.

— Здравствуй, Павел Герасимович... — ошарашено выдохнул он. — Извините, пожалуйста...

— Здравствуй, Степанов, юноша молодой! — колоратурным серебристым голосом проговорил-пропел директор.

— Павел Герасимович, что же вы мне такую характеристику написали? С ней только в тюрьму... — тихо сказал бывший ученик.

— Я однажды заметил, как ты на улице заинтересованно слушал политические анекдоты... И так прыскал, так покапывался от хохота в ответ на фиглярство антисоветчиков! — Павел Герасимович бдительно прищурился. — Так что ты ещё малой кровью, деточка, отделался...

Витя нахмурился. Тот случай и ему не забылся. Шёл он как-то в школу мимо густо-жёлтой пивной бочки, да шнурок развязался. Пока он с ним управлялся, мужики азартно гоготали над анекдотами какого-то парня с блатной золотой фиксой на зубе.

— Или вот ещё, дяденьки... Едет Хрущ по автостраде в США. И тут за ним погнались гангстеры. Как быть?! Никитка быстренько настрочил записку и выбросил в окно. Гангстеры как её прочитали, так тут же умчались прочь. И что же он им написал? А написал он, что это дорога, по которой они едут, ведёт к коммунизму!

— Валяй ещё, малый! — забавлялась толпа, заряженная весёлым лёгким пивным градусом.

— За мной не заржавеет! — прищурился тот. — Ловите! Бабка спрашивает деда: дед, а дед, коммунизм учёные придумали или политики? Тот затылок поскрёб: конечно, политики, бабка. Учёные, они бы на собаках сперва проверили...

Тут и продавщица пива, накрахмаленно-белоснежная да румяная, не сдержалась — так и повалилась на бочку от хохота и объявила, что за такое удовольствие нальёт всей компании ещё по кружке «Жигулёвского» за свой счёт. Не разбавленного! Не успела водички добавить через эти самые анекдоты.

— А я всё равно верю в построение коммунизма, Павел Герасимович! И сейчас верю! — отчаянно вскрикнул Витя и заплакал.

Когда в 1964-м Никиту Сергеевича сняли со всех постов, вера в объявленное строительство коммунизма у Виктора действительно не поколебалась. Странное дело, даже окрепла. Он решил так: к власти пришли новые люди, со свежими силами. И чтобы доказать своё право быть в будущей коммунистической жизни нужным человеком, Виктор решил поступить в университет на физмат, стать большим учёным и создать для защиты коммунизма в СССР самую мощную в мире атомную бомбу.

Однако с характеристикой от Павла Герасимовича его не взяли ни в университет, ни в пединститут, ни в железнодорожный техникум. Бомбу пришлось делать другим...

А Виктор Степанов стал самым молодым коптильщиком рыбы в СССР. А потом и самым молодым ударником «Коммунистического труда». Его фото на фоне Красного знамени разместили в главной партийной газете Воронежа — «Коммуне». С тех пор день ото дня в Викторе прорастала самая настоящая крепкая пролетарская косточка. Через несколько лет он вступил в КПСС. И заветные двери универа, наконец, распахнулись перед членом партии, строящей коммунизм...

А с третьего курса его отчислили... По состоянию здоровья. Неврастения. Он вообще чуть было не оказался в «психушке», когда, наконец, допетрил, что коммунизм в СССР, не начавшись, накрылся медным тазом. А вместо него в заветном 1980-м народу для отвода глаз устроили Олимпийские игры. И когда «наш ласковый Миша», опоясанный олимпийскими кольцами, улетал над зачарованным стадионом в кущи волшебного леса под трогательную песню, Виктор, слыша слова «Олимпийская сказка, прощай», воспринимал их как прощание навсегда со своей мечтой о коммунизме.

Три месяца он пролежал в тёмной спальне, горстями поедая элениум и валериановые таблетки. Радио и телевизор не включали. Там по инерции по-прежнему пели про то, что «мы будем жить при коммунизме! Его рубеж не так далёк».

...Виктор Прокофьевич лихорадочно расчувствовался, мысленно оглянувшись на своё двадцатилетнее ожидание торжества всеобщего равенства и братства.

— Я в магазин... — вдруг глухо проговорил он.
— В домашних трико? — дёрнулась Алевтина.
— Тут два шага, Алечка... — судорожно кашлянул Виктор Прокофьевич. — И потом все там меня знают. Никто не охнет, никто не ахнет.

— Алечкой ты меня сто лет не называл... Не подлизывайся!

— А ты не нагнетай обстановку.

— Всё ясно... — откинув голову, усмехнулась Алевтина. — Ты собрался за бутылкой. Поминки по коммунизму продолжаютеся? Это прямо твоя религия, атеист ты хренов... Какая там сегодня дата у этой дурацкой затеи твоего Хруща? Сорокалетие? Ладно, иди... — вдруг на удивление смирно, почти ласково проговорила она: — Только поллитровку не бери, пожалуйста. В твои годы это много будет.

У Виктора Прокофьевича в левом глазу слеза объявилась. И почему в левом? Одинокая, сиротская. И уныло застряла во впадинке холодным комочком.

— Откуда в тебе такая сговорчивость объявилась?.. — осторожно усмехнулся Виктор Прокофьевич.

— Запоматывал, дедушка?! — засмеялась Алевтина. — А где я родилась, этого ещё не забыл?

— Ну, ты даёшь стране угля... — вскинулся Степанов и с бодрейшей повёл плечами. — В селе Калиновка! Курской области.

Алевтина нежно взяла мужа за руку.

— А чем оно знаменито?..

— Включаю память...

— И так?..

— Не спеши. Дай шестеренкам в голове как следует про-
вернуться.

— Особенно не напрягайся. А то, чего доброго, шарики за ролики заедут.

— Фу-ты, ну-ты, ножки гнуты! — почти молодечески хватил себя по колену ладонью Виктор Прокофьевич. — Это же родина Никиты Хрущёва... Ты столько раз говорила, как там у вас всё было тогда при его правлении ладно обустроено. Какие дороги! Какой клуб!

— И мои любимые конфеты «Чио-чио-сан» всегда лежали в магазине! Колбаса краковская не переводилась! Масло сливочное вологодское! Коммунизм у нас был самый настоящий, вами никем отродясь не виданный! — Алевтина плечом энергично повела, особенно так подмигнула: — А вот тебе секрет отчаянный! За него и сейчас срок получить можно! Я его всю жизнь в себе таила, милый Витенька! В общем, известный тебе товарищ Брежнев тоже наш, калиновский!.. И жил

с родителями в доме как раз напротив семьи Хрущёвых! Так они, Никитка и Лёнька, меж собой с самого детства враждовали, кому на улице верховодить!.. А насчёт Днепродзержинска Брежневу потом специально выправили в документах. А всем калиновцам повелели держать язык за зубами. Вот почему Леонид Ильич Никиткин коммунизм втихаря под сукно засунул!

— Приколы нашего городка?... — усмехнулся Виктор Прокофьевич, мысленно поворачивая сказанное женой и так, и эдак. — Нет, это кто-то зловредно насочинял. Чтобы бросить тень на великую идею коммунизма!

— Иди, иди, идея, за своим треклятым пойлом... А то — разберут! — хмыкнула Алевтина. — Кстати, в этом году Никите твоему сто двадцать пять лет исполнилось бы... И я с тобой своего исторического земляка возьму да помяну... Только смотри, Витенька, не запей. Помни про свои уважаемые лета.

— Не более двухсот граммов! — бодро, освобождённо засмеялся Виктор Прокофьевич и с силой огладил своё лицо ладонями сверху вниз, словно стараясь расправить на нём все морщины, так-таки набежавшие за его семьдесят с гаком лет.

Снял Виктор Прокофьевич с магазинной полки одну бутылку, потом другую, третью... Бдительно повертел, оценивая со знанием дела. Но ни одна что-то не впечатлила его. Не покидало ощущение, будто он тут в магазине как на минном поле: везде и всюду контрафактный товар и прочие наглые подделки. Травят народ, сволочи. А повод сегодняшний требует зелья высшего пилотажа. Как-никак Виктор Прокофьевич семерых вождей пережил! Нагляделся, наслушался от них такого, что на три жизни хватит отплёвываться.

Тут вдруг охранник магазинный откуда-то из закоулка азартно выскочил и на дороге перед ним, подбоченясь, стал. Неказистый, комар комаром, но с особым едким гонором во взгляде. Хотя возраста не намного моложе Виктора Прокофьевича. Так и кажется, что охранник этот глазами к нему уже за пазуху забрался. А может, и в душу сунется без спроса?..

— Чё тебе, дед? Что ты тут шастаешь, бутылки зазря лапашешь? — откашлялся сочно, густо. — Охрану нервируешь. Надо взять что-то — бери. Не маячь без толку.

— Да было бы что взять... — невозмутимо произнёс Виктор Прокофьевич и было пошёл прочь, чувствуя, как от бдительного, пронзительного взгляда этого резвого сторожа у него начинает болеть голова. Почти как в то время, когда ему «неврастению» приписали.

— Стой, дед! Уйдёшь, когда я твои карманы проверю! — вдруг до надрыва построжел, отчаянно просиял охранник. И влёт крикнул продавщицам: — Девки! Закрывайте магазин! Я вора, кажись, накрыл! А то сбегнет ненароком!

И тут между ним и Виктором Прокофьевичем вдруг тесно вписались трое парней: по всему видно, они пришли повторить. То есть по второму заходу сунулись в магазин. И, по всему, очевидно, что они ещё не раз за сегодняшний вечер сюда вернуться. Пусть не всей компанией, но у кого-то одного так-таки достанет сил. Одеты достаточно прилично, физиономии нормальные, но уже в режиме скорой выключки.

— Ты чего, опричник, пожилому человеку день портишь?! — проговорил один из них, положив охраннику руку на голову, словно припухшую вялой, тусклой лысинкой.

Игриво блеснули нетрезвые тёмно-синие глаза парня. Он внимательно и с подчёркнутым уважением оглядел Виктора Прокофьевича:

— Батя, разреши тебе предложить бутылочку хорошего, нет, очень хорошего коньяка в качестве сатисфакции за этого сторожевого дебила?

— Благодарю. Только я и сам себе способен взять, — встряхнул плечами Виктор Прокофьевич.

— Не напрягайся, батя! — кашляюще засмеялся другой парень, точно из последних сил. Ухмылка его разбегалась во все стороны, как круги на воде. — Нам это ничего не стоит. От нас не убудет. А тебе — маленький праздник.

— Вам как всегда?! — радостно спросила шумную троицу кассир, откуда-то из-под ног доставая одну за другой несколько бутылок отменного крымского коньяка «Бахчисарай»: искристое густое ласковое золото самой, что ни на есть, высшей двенадцатилетней пробы-выдержки.

На улице, заметно трезвее на глазах, синеглазый вежливо, но хватко взял Виктора Прокофьевича за рукав. Тихо проговорил, пригнувшись с высоты своего приличного роста почти лицом к лицу:

— Прости, батя, ты при Сталине родился? При Иосифе Виссарионовиче?

— Да, молодой человек, — строго сосредоточился Виктор Прокофьевич.

— В общем, навидался ты всяких генсеков и президентов...

— Лично — никого...

— Я к тебе со всем уважением, батя. Ты мне показался правильным мужиком, — подчёркнуто внятно проговорил синеглазый. — Я давно хотел такого встретить. Знаешь, хожу и выглядываю. Особенно когда на грудь хорошо приму. Тог-

да у меня душа распахивается! И азарт появляется... Так вот, у меня есть для такого, как ты, правильного мужика, повидавшего жизнь, один вопрос. Всех вопросов вопрос. Глубинный! Нутряной. Лично я глухо не знаю ответа на него. А вот твоё мнение мне важно! До задыха!

— Боюсь я, что ты насчёт меня ошибся адресом... — напряжённо вздохнул Виктор Прокофьевич, невольно опустил голову, и увидел, что стоит на улице возле магазина в своих старых домашних тапочках, подошвы которых, чтобы не разъявлялись при каждом шаге, приходилось время от времени подклеивать и небольшими саморезами впереди прихватывать. Он ещё потом их бархатным напильником аккуратнo подгачивал, чтобы дома доски пола остриём не цепляли, скрежеща, напрягая нервы.

— Как хочешь отговаривайся, но я от тебя не отстану без ответа, — решёно, сердечно проговорил синеглазый.

Виктор Прокофьевич с любопытством посмотрел на него и вдруг рассмеялся — ни с того ни с сего как-то приятно потеплело у него на душе. Так давно не было...

— Говори свой вопрос.

Парень опустил ему на плечи обе свои тяжёлые, явно не интеллигентные руки. Кажется, от них потянуло запашком едкого сварочного дымка.

— Как тебя зовут?

— Зовут? Виктор Прокофьевич меня зовут... Степанов я.

— Так вот скажи мне Виктор Прокофьевич Степанов, это верно, что в нашей стране когда-то собирались построить коммунизм? Для всех! Кажется, при Хрущёве?

Виктор Прокофьевич почувствовал, что у него от волнения нервно задрожали губы.

— Именно так... — горячечно-глухо выговорил. — Было на то особое решение двадцать второго съезда КПСС. В том году, когда Гагарин в Космос полетел.

— А почему я нигде вокруг себя не вижу в реальности этот коммунизм?! Жду ответ! С волнением.

Синеглазый чуть приотодвинул Виктора Прокофьевича от себя, наверное, чтобы лучше видеть его лицо, чтобы по нему, в дополнение к ожидаемым словам, глубже, пронзительней оценить суть предстоящего откровения.

— Руки убери... — дружелюбно вздохнул Виктор Прокофьевич.

Те немедленно оказались в карманах куртки, втиснувшись в соседство к бутылкам коньяка с поэтическим названием «Бахчисарай», по-нашему — «Дворец в саду».

— Да, коммунизм так и не построили... Горько, конечно. До невозможности... — тихо, невнятно проговорил Виктор

Прокофьевич — А причину я до сих пор толком не знаю... Сталин в своё время примерно так сказал о коммунизме: это такое общество, где не должно существовать государственной власти. Может быть, в этом заковыка? Кто такое, сидя наверху, допустит? Какие-такие «сильные мира сего»?

Синеглазый стремительно, хватко обнял Виктора Прокофьевича:

— В точку сказано, батя! Значит, Сталин с головой был мужик. Но откуда же тогда у него кровавый тридцать седьмой, репрессии?

— Это от Владимира Ильича и его соратников наследие, дорогие мои ребятки... От них — концлагеря, расстрелы без суда и следствия... А насчёт Сталина... Отец рассказывал мне одну историю... — напрягся Степанов. — Ты в ней Иосифа Виссарионовича вину найдёшь? В общем, на дворе тридцать седьмой год... Село Лукачёвка. Утро. И батя мой, ещё пацанчик малой, слышит, как отец заходит и своей жене шепчет: «Мань, конюха Ваську Краснова забрали этой ночью...» — «Как так?.. А за что?..» — «Приехала чёрная машина, воронок, его посадили и увезли»... Прошло время и всё наконец наружу выплыло. Васька этот, Кириллов, а по улице — Краснов, на конюшне с мужиками выпил бутылку доброго самогона. Захмелел и понёс: дескать, «я в нашей стране есть самая главная фигура, потому что человек трудовой, считай, почти пролетарий! А кто такой Сталин? Поп недоучившийся! Так что моя трудовая власть — первая по классовому чину. Захочу — жену Сталина могу завалить хоть на сеновале, хоть в поле!..» Понимаете, как он выразился? А в нашей деревне у тех самых органов был информатор... Про то каждая собака знала. Его звали Николай Сергеевич, Николай Сергеевич Белкин — избач, при библиотеке состоял. Так вот дошло до Белкина, как Васька по пьяни оскорбил мужскую честь и достоинство вождя народов! Не откладывая, Николай Сергеевич составил бумагу и подал её в НКВД. Ну и что? Да то! На раз-два Ваське припечатали десять лет. Сталина не спрашивая! И отправили куда-то в Магадан. Он не вернулся. И через десять лет. Был слух, что урки его порешили. Васька Краснов вроде и там себя выше всех пожелал поставить...

— Вона как, батя! — ахнул синеглазый. — Мне твои слова так дороги! Именно твои. Взгляд у тебя маститый! Ты точно духовный пастырь! В Бога веруешь?

Синеглазый хватко, яростно перекрестился. Да так размахисто, что люди, как раз тогда мимо них проходившие, испуганно откатнулись.

— Ну да, ну да... — аккуратно проговорил Виктор Прокофьевич и, чтобы не разочаровать парня, дрогнувшей рукой в свою очередь осенил себя. Достаточно, правда, неуклюже.

— Оно, дед, оно! — горячо вскричал синеглазый. — Я читал, будто Черчилль писал, что русские непобедимы, пока жива их вера православная! Сволочь он, но меня проняло. Даже вспотел я... Нет больше такого народа в мире, чтобы отличался нашим умилением перед Сыном Божиим и Пресвятой Пречистой Богородицей...

— Всё ребятки, всё, мне пора... Оставим для трезвой головы эту деликатную тему... — вздохнул Виктор Прокофьевич и вдруг озарено объявил каким-то даже не своим особенным голосом: — Правду мы всё равно разговорами не найдём! Правду умом не постичь. Только верою православной!..

— Век тебе благодарен буду за такое откровение! — радостно взревел синеглазый, лучисто засияв. — Батя, ты меня человеком утвердил!

Торопливо вернувшись, Виктор Прокофьевич в коридоре тихим сапом принялся аккуратно оттирать половой тряпкой подошвы своих домашних тапок, в которых по забывчивости только что шлёпал по улице и даже в магазин запёрся.

— Сейчас по телеку такое сказали... — тихо проговорила Алевтина.

— На Марсе найдена жизнь?

— В этом году пенсия будет увеличена на тысячу рублей!.. Брехня, может?

Виктор Прокофьевич солидно задумался:

— В нынешних новостях надо правду между строк искать...

— Тысяча... Да что такое она сегодня?.. — напряглась Алевтина, сощурясь так, будто лук чистила. — Один раз в магазин сходить!

Виктор Прокофьевич взволнованно обнял жену:

— Кстати, завтра мне уже можно идти на почту за пенсией. Десятое число будет, моё самое. Вот я там и погляжу на эту прибавку, есть она или нет? И порадуюсь ей вместе со всем нашим честным народом. Танцы-манцы с тобой устроим!

Вечером Виктор Прокофьевич как-то так допоздна засиделся у телевизора, будто впаялся в старое затёртое матерчатое кресло. Уже все «его» новостные передачи давным-давно прошли, однако он никак не спешил перебраться в постель. Всё ждал про ту тысячную прибавку что-нибудь ясное услышать. Не услышал.

— Ты как себя чувствуешь?.. — осторожно подошла Алевтина.

Виктор Прокофьевич промолчал.

— Приболел, что ли?

— Ещё чего...

Он трудно, продолжительно вздохнул... И вдруг застенчиво сказал:

— А иконы у нас, Алечка, дома есть?..

Алевтина побледнела и насторожилась.

— А они тебе нужны?.. — она робко перекрестилась.

— Я спросил, ты — ответь... Не задавай лишних вопросов. Ох, и народ же вы странный, женщины!

Алевтина зачем-то подошла к окну и замерла, увидев напротив в пустоте над холмом полную, налитую светом луну — небесный одуванчик: коснись — и рассыплется на мелкие парашютики.

— Вить, а почему у Земли нет второго спутника? А то небо какое-то одноглазое, одинокое... — усмехнулась она.

— Ты от главной темы не уходи... — опустил голову Виктор Прокофьевич.

— Иконы... — вдумчиво проговорила Алевтина. — Ты, может, надумал их выбросить? И заменить своим «Моральным кодексом строителя коммунизма»? Шчас, разбежусь я их тебе подать.

— Принеси, пожалуйста, если есть...

Алевтина порывисто вышла и также скоро вернулась, держа в руках выцветшие иконки из свечной лавки: Спаса Нерукотворного, Казанской Божией матери и Николая Угодника, которого Алевтина часто с аккуратной нежностью называла «Угодничком». Были те иконы самые что ни на есть небольшие — такие проще от своего домашнего «воинствующего» атеиста прятать.

— Если ты их сейчас выкинешь, я в окно выброшусь... — отчаянно проговорила Алевтина.

Виктор Прокофьевич по-детски виновато посмотрел на жену. Угнулся как-то набок.

— Я хочу креститься... — тихо, тревожно отозвался.

— Что такое случилось, Вить?.. Мир пополам треснул?! — чудаковато привскрикнула Алевтина.

Застенчиво усмехнувшись и скрестив руки на затылке, Виктор Прокофьевич неторопливо, обстоятельно рассказал, как он недавно с молодёжью в магазине говорил о коммунизме, а они его слова не только без дерзости или насмешки восприняли, а с настоящим благоговением, вдохновенно уверившись, что говорят с человеком, глубоко верующим. И такой стыд его тогда вдруг пронял. Такая пронзила ошеломляющая вина за свой окаянный доморощенный атеизм.

— Ты знаешь, я там с ними при разговоре вдруг машинально... перекрестился. И так хорошо это вышло. Такое не-

бывалое чувство тотчас объявилось во мне... Какая-то невиданная свобода. Никогда такой в себе не ощущал. Точно мой заветный коммунизм вдруг разом наступил! В душе! — Виктор Прокофьевич слёзно вздохнул. — И вот тебе моё резюме: хочу, мать, окреститься. На старости лет. А ещё меня как осенило — все беды нашей страны через тот самый атеизм! Варварский... Когда храмы рушили, рукоположенных священников в проруби топили или на воротах церковных распинали... Вот и маемся теперь через это!

— Я тебе, миленький, во всём помогу. Всё подскажу, что и как надо правильно делать. Радость какая! Витенька... — чуть ли не обморочно прошептала Алевтина. — Да ты мне этим своим решением годков жизни несчётно прибавил! А то я всегда молилась украдкой, с трепетом оглядывалась на каждый твой шаг... И так переживала за твоё тупое безбожество... Дорогой мой! Наконец! Прости, Господи, нас грешных...

— Решено, Алечка... — растроганно покивал Виктор Прокофьевич и, приотвернувшись, большим пальцем торопливо прикончил слезу, припухшую в костистом подглазье.

— Так давай с тобой прямо сейчас молитвы начнём учить? — опустила Валентина на корточки рядом с мужем.

— И начнём! — бодро сказал Виктор Прокофьевич.

...Вскоре он крестился. В любимом Алином храме, Никольском, который уже триста лет мощно стоял на одном из приречных воронежских холмов белоснежной стройной свечой: в последнюю войну, хотя и обустроили немцы на нём наблюдательный пункт, ни один осколок или пуля его не зацепили. Когда немцы бежали, — город зажгли, а храм пламя миновало.

Самого обряда крещения Виктор Прокофьевич толком не запомнил. Как слепящий свет всё вокруг застил. Крестилось сразу человек пять. Стояли в шеренгу. Чуть ли даже не по росту. Первым был какой-то высокий поджарый мужчина лет пятидесяти в белом ярком костюме и с густыми императорскими усами на сухом, длинном лице, лихо загнутыми вверх, — ни дать ни взять настоящий дворянин, далее — эдакий богатырь с тяжелой золотой цепью на шее, какая-то худенькая заплаканная девочка лет десяти в простеньком сарафанчике, похожая на его маму в детстве, потом же смущённо, робко теснились какие-то женщины с лихо орущими младенцами. И пред ними весь какой-то нежно-счастливый, будто приготовившийся вот-вот взлететь в божественные дали, маленький, сухонький батюшка Иван. Кажется, он был готов их всех восторженно перецеловать.

А после таинства Крещения совершалось миропомазание:

у Виктора Прокофьевича дух перехватило, когда душистый маслянистый холодок коснулся его рта, лба, глаз, ушей, ладоней, груди... Как издалека услышал он напевные, проникновенные слова батюшки: «Печать дара Духа Святого. Аминь», а следом, в унисон им невесть откуда вдруг строго и торжественно прозвучало — «В Царствии Небесном обретёшь равенство и братство»...

Из храма после крещения вышел Виктор Прокофьевич нетвёрдо, пошатываясь. Точно только народился и впервые увидел этот земной мир вокруг себя. Ещё шаг-другой, так оттолкнётся и, может быть, даже полетит. Аля, точно подозревая возможность такой оказии, как бы на всякий случай крепко держала мужа под руку. Обоим плакать хотелось. Виктор Прокофьевич нет-нет да и шмыгал носом. Густо так, ёмко. При всём при том Алевтина шла напряжённо и так, словно на цыпочках. Будто некая сила и её аккуратно, заботливо тянула вверх.

Алевтина сегодня, наконец, открыто выставила в зале на серванте свои ранее старательно припрятанные иконы, — и, правда, не без смущения, впервые помолилась пред ними, не таясь от мужа, с тихой радостью громко выговаривая милые слова: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бесмертный...»

Виктор Прокофьевич, став рядом с Алей, тоже перекрестился, часто, искоса поглядывая на неё, чтобы не ошибиться в своём движении рукой, и застенчиво, почти про себя, шепотком вторил ей Иисусову молитву.

...А когда наступил тот январский день, суливший ни мало ни много тысячную прибавку к пенсии, отправился Виктор Прокофьевич на почту. Ранней раннего лыжи наострил, но всё равно первым никак не оказался — многие пенсионеры в то утро сорвались с постелей досрочно, с эдаким коммерческим азартом. Само собой, в основном явные старики. Которым битых полчаса надо всякий пустяк растолковывать.

— Паспорт взял?! — ласково-бдительно крикнула ему вслед Алевтина, только что проговорив завершительное «аминь» перед живо, радостно сияющими на серванте иконами, освобождёнными из долгого тайного заточения.

Виктор Прокофьевич промолчал. Что-что, а паспорт он никогда не забывал. Такая привычка в нём осталась ещё с советской поры. Без паспорта — никуда. Мало ли что. А вдруг как? Ничего не докажешь про себя.

Кстати, бывать на почте ему по-своему нравилось. Здесь ощущалась какая-то особая атмосфера, может быть, потому что сюда приходили и отсюда уходили непрерывными пото-

ками письма, посылки, телеграммы во все уголки страны и далее того. На почте он чувствовал себя как бы стоящим на высоком холме, откуда волнующе видна бескрайняя даль дальняя всей земли нашей.

Получив пенсию, не отходя, деловито, строго пересчитал. Наверное, хотелось кончиками собственных пальцев вживе явственно ощутить весомость прибавки.

Тысячными ему выдали пенсию. Как всегда. И как всегда этих тысячных оказалось ровно девять штук. И к ним — некие рублей шестьсот «пристёгнуты».

Виктор Прокофьевич напряжённо вздохнул.

— Что вы ещё ждёте, дедуля?! — с неприязнью вскрикнула оператор: вся из себя красивенькая, молоденькая.

— Прибавку к пенсии жду, ту, тысячную... — глухо отозвался Виктор Прокофьевич.

— Откуда я вам её возьму?!

— Было же сказано... В связи с повышением пенсионного возраста. Мол, полагается...

— Что вы, дедуля, на меня тут своим китайским чесноком настырно дышите?! — посторожила оператор. — Замордовали! Каждому объясняй. Я так в психушке скоро окажусь. Слушай, старик, и запоминай: у тех, у кого типа тебя пенсия была меньше прожиточного минимума, получали социальную доплату. А как только пенсия увеличилась, то, соответственно, настолько же сократили и урезали эту самую социальную доплату. Получилось так, что одной рукой вам дали, а другой рукой взад и забрали! Вот такая икебана!

Виктор Прокофьевич в озадаченности деньги машинально выронил.

Стоявшая за ним тяжёлая, дородная старушенция на костылях испуганно отшатнулась, чтобы в своей внезапной заполошной суете Виктор Прокофьевич её не опрокинул, и строго-насмешливо объявила на весь зал:

— Нечего тут своими грошовыми деньгами мусорить!

— Вроде как тысячу обещали прибавить... — тупо проговорил Виктор Прокофьевич.

— Если каждый будет тут умничать... Покиньте очередь, Степанов! — вдохновенно-строго постановила оператор.

На почте народ словно этого только и ждал:

— Ступай, дед, подобру-поздорову! Бабка твоя уже все глаза проглядела, тебя высматривая! Гражданин, не нервируйте народ! Не мешайте победному шествию капитализма!

— Вы это... того — с усилием выдохнул он через онемевшие слипшиеся губы. — Я, как-никак, ударник коммунистического труда...

— Все мы тут — ударники! — радостно хихикнул кто-то в толпе. — Каждый день ударяем по карману, а денег там как не было, так и нет! Словно при коммунизме живём...

Виктор Прокофьевич при этих словах тотчас обернулся на голос: так резко, что чуть голова с плеч не сорвалась. Но увидеть никого не увидел: серебристое сияние застило всё.

В него он и повалился, теряя равновесие...

Пришёл в себя Виктор Прокофьевич в машине «скорой помощи». Кажется, ещё не ехали. Он лежал на слегка перекошенных носилках, туго прихваченный ремнями. Пахло какой-то лекарственной дрянью. И почему-то ливерной колбасой. Он тревожно вздрогнул, было решив, что находится на операционном столе.

— Что со мной?.. — прошепелявил, не узнав своего голоса. Словно кто-то другой это за него спросил. Чуть ли не голосом соседа Анатолия.

— Обморок... — глухо отозвалась медсестра, аппетитно, сосредоточенно догрызая бутерброд с каким-то тёмно-жёлтым паштетом.

— Так что, трогать?! — Это, кажется, водитель крикнул. И тоже голосом, похожим на голос Анатолия.

— Как вы себя чувствуете?.. — низко наклонилась к нему медсестра.

Запах ливерной колбасы усилился, стал физически ощутимым, словно она была у Виктора Прокофьевича во рту. Никудышная колбаса. Как почти всё в нынешних магазинах. Точно из пластика вонючего сварганенная. Плюс ароматизатор запаха, то бишь вони, явно самостийного подпольного производства.

— Ничего вроде... — тихо сказал Виктор Прокофьевич, как оглядев себя изнутри внутренним бдительным взором. — Только вы не подумайте, пожалуйста, что вся эта напасть со мной приключилась из-за того, что мне вместо обещанной тысячи к пенсии выдали только шестьсот с небольшим.

— Чего мне думать? Оно мне надо? — хмыкнула медсестра. — Наше поколение ни о чём таком уже не думает. К вашим годам у нас вообще никакой пенсии не будет. Всё миллиардеры себе приберут. Да Бог с ними, с оглоедами. Вы-то идти сможете своими ногами, дедушка?

У неё было достаточно заботливое и не совсем как бы современному расхристанное, заполошно-диковатое лицо.

«Неплохая девчужка...» — машинально подумал Виктор Прокофьевич и застенчиво наморщил нос.

— Да, идти я смогу.

— Или лучше подвезти вас?

— Не надо. Тут недалеко.

— Нет, всё равно подкинем. Зима.

— Я в порядке.

Через полчаса Виктор Прокофьевич, покряхтывая, парил ноги на кухне в тазике, добавив в кипяток по их домашнему рецепту полстакана яблочного уксуса, столько же питьевой соды и столовую ложку тёртого имбиря.

И тут пришёл Анатолий. То есть как бы вломился, точно штурмом взял их дверь, как некогда, по собственной легенде, ворота дворца Амина. Он ворвался в тот самый момент, когда Виктор Прокофьевич ритуально парил ноги, а напротив него, обессилено привалившись к дверной притолоке, стояла со свежим махровым полотенцем заплаканная Алевтина, сердечно огорчённая случившимся на почте происшествием с мужем.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день... Сочувствую по полной программе! — вежливо протиснулся Анатолий. — Как там наш великий генералиссимус Суворов говорил? После бани штык продай, а выпей!

— Только чур, сегодня ты мне про то как штурмовал дворец Амина рассказывать не станешь?.. — душевно засмеялся Виктор Прокофьевич.

— Зуб даю! — одним, а потом вторым глазом бегло подмигнул Анатолий. — Я лучше вам расскажу, через какую оказию мне теперь можно хоть и вовсе от моей нищей пенсии отказаться! Как вам известно, моя дочь замужем, в Москве давно живёт. Внучка мне родила. Эдуарда! Вырос умный пацан! В МГУ на математическом факультете он самый продвинутый. Победитель всемирных олимпиад. Так вот он проникся моим бедственным пенсионным положением и стал регулярно присылать денежку. Приличную. А откуда она у него? Так вот я эдак хитроумно выяснил у дочурки: оказывается, мой внучок, будущий Эпштейн, в стриптизном клубе после занятий по вечерам выступает... Денег платят ему там немерено!

— Всё-таки, наверное, Эйнштейн... — строго вздохнул Виктор Прокофьевич. — И вообще как-то это всё нехорошо...

Анатолий хмыкнул и вдруг махом выпил две рюмки подряд с видом человека, которому отныне всё в этой жизни позволено — заслужил, выстрадал. Третью налил! Даже казалось, что он сейчас под неё, невзирая ни на что, так-таки приступит к самому своему коронному рассказу — про взятие дворца Амина и как моджахед ему из пращи камнем по спине жахнул.

— Что смотрите на меня, как на врага народа?! — Анатолий вскрикнул глухо, с каким-то то ли присвистом, то ли

сиплым верещанием. — Тарзану певицы Королёвой, значит, стриптиз разрешён и даже как будто определён ему в заслугу, а нам, простым людям, — фиг?

— Молчу-молчу... — покорно опустил голову Виктор Прокофьевич. Прежде всего, чтобы слезу неожиданную спрятать. — Ая, милые мои, в светлое будущее всё равно верю... — покаянно вздохнул Виктор Прокофьевич и вдруг побледнел, точно окунулся лицом в тазик с мутно-серой краской.

— Я понимаю, что ничего не понимаю... — сокрушённо вздохнул Анатолий. — Ясно одно, Прокопыч: тебе надо было в своё время в философы подаваться, а не на физмат переться. В тебе наш российский Кант пропал!

— Тогда я предлагаю тост за несбывшуюся коммунистическую мечту пострадавшего советского народа... — тихо, сердечно проговорил Виктор Прокофьевич и хотел было покаянно перекреститься, но не успел даже замах рукой сделать, — вкось соскользнул на пол.

Почему-то в этот миг Алевтина машинально вспомнила, как однажды у неё на глазах упала в реку Воронеж статуя Сталина. До того она лет тридцать простояла на косогоре в здешнем Доме отдыха имени Горького. Отсюда скульптурный Иосиф Виссарионович во всякое время года вдохновенно глядел на замечательные лесистые заречные просторы, пока не грянул XXII съезд партии. На следующий год на глазах у Али и её подруг какие-то суетливые люди, подрубив топорами гипсовые ноги вождя, столкнули его с крутого обрыва. Девчонки, естественно, отчаянно ахнули. А придя в себя, с озорным визгом попрыгали в реку. Аля нырнула, и вот перед ней на дне чуть ли не лицом к лицу глядит на неё сквозь мерцающую быструю воду сам дедушка Сталин — с улыбкой, озорновато так, но притом и печально.

...«Без меня пропадёте...»

С визгом вылетела Аля на берег...

...Как ни странно, «медицина» приехала скоро. Фельдшер скучно осмотрел Виктора Прокофьевича, велел сестре сделать какой-то укол, и Алевтина поехала с мужем в областную больницу: судя по колдобинам, куда-то за город.

Всю дорогу молчали — медики от усталости, она от ужаса, а Виктор Прокофьевич просто-напросто был без сознания. На дорожных ямах его голова с синюшно-бледным, ничего не выражающим лицом тупо переваливалась из стороны в сторону, словно он отчего-то настойчиво отнекивался. Алевтина с отчаянием чувствовала, что в большом безвольном теле Виктора Прокофьевича его самого сейчас как бы и нет — душа словно бы отлетела: то ли временно, то ли уже навсегда...

Остаться с Виктором Прокофьевичем в больнице, «чтобы хоть пот отирать у него со лба», ей не позволили.

Только на третий день Алю так-таки допустили в реанимацию. Она по-хозяйски поправила каждую складочку его одеяла, устроила поудобней подушку и поставила в изголовье на тумбочку миску своих, как налитых, тёмно-румяных ядрёных котлет. Чтобы Витенька хотя бы вдохнул аромат родного дома.

Ей вдруг показалось, что веки Виктора Прокофьевича напрыглись, словно он силился открыть глаза...

Как бы там ни было, этой ночью часу в третьем Виктор Прокофьевич слабыми, мучительными рывками впервые оторвался от своего жёсткого реанимационного ложа. Уныло, тупо огляделся в палате, болезненно щурясь от здешнего зыбкого мертвенного света. И вдруг робко улыбнулся, вспомнив привидевшееся ему во время операции путешествие в некий явно неземной мир. Вначале, как он и читал об этом в Интернете, был какой-то огромный ребристый тоннель с тусклой подсветкой. Из него Виктор Прокофьевич с удивительным равнодушием оглянулся на своё бездыханное тело, далеко внизу окружённое взволнованными врачами, усмехнулся и смело тронулся дальше.

Виктор Прокофьевич медленно плыл сквозь тоннель, как восходил из глубины морской к густому золотистому свету сверху. И будто бы звук колокольный, мягко-ёмкий, неведь откуда исходящий, становился с каждой минутой всё отчётливей.

«Тебе ещё рано сюда... — вдруг тихо, бережно сказал ему нежно сияющий ангел с перламутровыми крылышками, приснувший навстречу, как голубок с карниза. — Ты сейчас вернёшься обратно... Только запомни, истина — в учении, которое называется Харисто гунаиз. Человеку достаточно будет произнести эти два слова, как он и все люди обретут заветное счастье! Это ключ к нему...»

И Виктор Прокофьевич действительно вернулся назад, на свою больничную кровать, ещё не остывшую. Он долго лежал в полной неподвижности, как бы заново привыкая к своему большому, пронизанному болью телу. Наконец медленно потянулся и начал отсоединять от себя всякие там трубки и провода, а потом, набравшись смелости, опустил ноги и неспешно зашаркал искать хоть кого-то. Он остро сознавал, что может в любую минуту умереть уже по-настоящему. Так что ему было крайне необходимо, не откладывая, сообщить хоть кому-то те заветные ключевые слова ангела.

Палаты все были закрыты. Дежурная медсестра лихорадочно спала, словно вгрызлась в свой загадочный сон: всё её

хрупкое тельце резко подёргивалось. Виктор Прокофьевич нащупал на служебном столе возле телефона лист чистой бумаги и ручку. Несмотря на растущую боль за грудиной, начал старательно писать.

Последнюю точку он поставил, когда за окном реанимационной взбурлилось солнце, ещё тускло-багровое, чёткое, не залохматившееся своими размашистыми лучами.

В палате Виктор Прокофьевич аккуратно прилёг, прижался к пропахшей лекарствами подушке и вдруг заплакал. Это были счастливые слёзы радости.

... Через две недели его выписали. Он уже мог достаточно сносно ходить с бадиком, сам ел, правда, только левой рукой, и почти всё понимал, что происходило вокруг. Только речь к нему ещё толком не вернулась. Говорить он моментами говорил, порой даже избыточно много, слишком лихорадочно. Эта его новая речь разве что походила на крик раздражённой сойки. Само собой, его никто не понимал. Ни Алевтина, ни Анатолий и даже жившая над Степановыми вузовский преподаватель французского языка Жозефина Легранд ничем не могла помочь. Одним словом, тарабарщину нёс Виктор Прокофьевич.

Правда, через несколько дней Жозефина привела к Степановым на консилиум двух своих коллег, маститых профессоров с кафедры мировых языков и культур того самого университета, в котором Виктор Прокофьевич полвека назад проучился три курса на легендарном физмате.

— Зацените сей филологический феномен! — чуть ли не со слезами на глазах вскрикнула Жозефина.

Около получаса Виктор Прокофьевич сдержанно, даже застенчиво беседовал с учёными на своём особом языке, а потом постепенно начал всё более раздражаться и, в конце концов, нервно перешёл на досадливый крик.

— Асдар годзи долук! Ор эхфун тилои сусор! Эглис оторон юрфес! Харисто гунаиз!!! — в таком вот духе яростно объяснялся он на своём неслыханном языке, скрипел зубами и лихорадочно писал учёным записки — одну за одной, вкривь и вкось. И хотя русскими буквами, но не менее заумно.

Чувствовалось, что во всём этом его загадочном словоизвержении именно два слова «харисто гунаиз» особенно важны для Виктора Прокофьевича. Словно в них какой-то важный смысл был заключён. Он произносил и писал это своё «харисто гунаиз» с особым волнением и едва сдерживал гнев, видя, что его никак не понимают. Кулаком грозил, бледным от перенапряжения.

— Такого языка, на котором сейчас говорит ваш муж, нет на планете ни у одного народа, народности или племени, —

наконец объявили учёные Алевтине свой профессорский вердикт. — И не было ни у кого в прошлом. Построение звуков, частей слов у Виктора Прокофьевича таково, словно перед нами язык, извините, какой-то неземной цивилизации! Не меньше и не больше...

Через несколько дней Виктор Прокофьевич, наконец, обречённо замолчал и только время от времени судорожно-дерзко усмехался и густо вздыхал. То, что у него ни с кем не установилось взаимопонимание, всё настойчивее начинало казаться ему тайным заговором против такого близкого, такого возможного всечеловеческого счастья.

Где-то через месяц те самые два профессора принесли выписанное ими из Израиля новейшее лекарство по части инсультов.

На третьи сутки Виктор Прокофьевич заговорил как все. Достаточно отчётливо. Это, само собой, стало общим праздником. Вновь собрались вместе Аля, преподаватель французского Жозефина Легранд и Анатолий с женой. Конечно, профессора пришли, ещё и с каким-то своим приятелем, просто-таки светилом сегодняшней медицины. Кажется, именно он и помог достать в Израиле спасительное лекарство. Или даже сам его создал.

За праздничным столом Жозефина в подробностях рассказала гостям о странном «инопланетном» языке, на котором ещё недавно так горячечно изъяснялся больной Степанов. Словно из кожи вон лез донести до человечества некое великое откровение. Жозефина с усмешкой показала всем и самому Виктору Прокофьевичу листки, на коих тот упорно, со стоном и вскриками писал странные загадочные слова, но чаще всего, настырней всего именно то самое «харисто гунаиз».

— Откройте нам, наконец, что за тайна скрывается в них! — требовательно вскрикнула Жозефина.

Виктор Прокофьевич пробежал глазами свои каракули, побледнел от напряжения и беспомощно оглянулся по сторонам.

— Эглис оторон юрфес... Харисто гунаиз... Убей, не помню, что это такое. Неужели я всю эту ахиною настрочил? Вы не путаете? Какой-то бред сивой кобылы... Извините... — смутился Виктор Прокофьевич и вдруг тихо заплакал, прижав ладони к лицу: — Я человек больной... Не мучайте меня!

На этот раз слёзы были по-детски горячие и быстрые. Словно что-то нагорело у него внутри, накалилось безмерно...

г. Воронеж

ТЕРРИКОНЩИК

РАССКАЗ

Трижды тренькнул дюралевый звонок на стене и тотчас же стал натужно ныть транспортер в галерее над крышей сторожки. Борис дочитал фразу: «Сам бери, что можешь, а в руки не давайся: самому себе принадлежать — в этом вся штука жизни». Эта мысль его зацепила, и он завернул уголок листа растерзанной книжки, сунул ее под тряпье на лежаке.

Нахлобучив бесформенную ватную ушанку, затянув ремень на широких брезентовых штанах, Борис вышел из сторожки.

С транспортной ленты в железную лейку бункера с грохотом падали камни шахтной породы. Борис поправил «пятки» под задними колесами вагонетки-«козы» и рычагом открыл заслонку бункера.

Когда порода доверху наполнила вагонетку, он закрыл заслонку и дал лебёдчице сигнал на подъем. Удав стального каната, подрагивая, стал медленно подниматься над черной жижей между рельсами, туго натянулся, и «коза», слегка покачиваясь, поползла вверх по склону террикона. Некоторое время Борис шел рядом, придерживаясь за борт вагонетки, потом вскочил на массивную подкову сцепки.

ПРОЗА

Из норы в каменном фундаменте сторожки тяжело выбралась большая собака в клочкастой серой шерсти с подпалинами. Тощие кожаные кулечки ее сосков болтались у земли. Собака уселась между рельсами и, задрав морду, стала злобно выть.

Внизу медленно разворачивалась панорама шахты, уже знакомая Борису до мельчайших подробностей. Над беспорядочными каменными постройками, над пересекающимися галереями и эстакадами возвышаются две ржавые этажерки копров. Одна выше другой. Штурвалы на верхушках то вращаются с ускорением в разные стороны, то замирают один за другим. Извилистые жилы железнодорожных путей тянутся под галереи погрузки и к развалам лесного склада. Озабоченно снуют гусеницы шахтных электровозов, суетятся люди в шахтерских робах, то там, то здесь вспыхивает бенгальскими огнями электросварка. Всё вокруг покрыто серой пылью и только на кирпичном фасаде шахтной конторы сочным мазком алеет длинный транспарант да посередине площади тускло серебрится оловянным солдатиком памятник.

За территорией шахтного двора раскинулись постройки поселка. Тоже серого и сирого, особенно в эту пору — между зимой и весной.

Ревут грузовики на крутых подъемах грунтовых дорог, вязнут в липкой глине на спусках. Длинные улицы каменных барачков и беленых хаток, пересекая пологие холмы, сбегаются к центру шахтерского рудника. Там в двухэтажном доме с белыми колоннами, с красно-синим флагом на крыше сидит поселковая власть. Через площадь — шумный базар. В скверике — школа, за нею — клуб с неумолкающим репродуктором в круглом окошке чердака.

За поселком до сизого горизонта простирается бурая холмистая степь. Лиловые, подернутые плесенью муравейники терриконов, по одному и парами, широко разбросались по холмам. Слежалый снег синее в глубоких шрамах глинистых оврагов. В низине меж серых метелок верб и фиолетовой кудели кустарников серебристой змейкой вьется быстрая речушка. С берега на берег брошен деревянный мост. Рядом с ним приземистый домик под островерхой черепичной крышей. Это дом бабушки Бориса, он называл ее «бабцей». Минувшей осенью она умерла и теперь Борис живет в домике один.

За мостом — на высоком берегу речки — железнодорожный полустанок. День и ночь мимо него со скрежетом и воем проносятся длинные составы вагонов с углем. А три раза в сутки, задерживаясь на несколько минут, мимо станции важно следуют пассажирские поезда. Может быть, в каком-то из них и теперь работает проводницей мать Бориса. Он не

видел ее со школьных лет. И даже на похороны своей матери она не приезжала. Бабушка называла дочь «шлендрой» и говорила Борису, что его «сделали в тамбуре».

Когда вагонетка приближается к раме шкива на самой макушке террикона, Борис спрыгивает со сцепки. Выпуклые бока «козы», подобно крыльям взлетающего жука, приподнимаются, и из-под них наружу вырывается эскадрилья серых глыб породы. Самые тяжелые сразу же валятся набок, некоторые несутся вниз, перепрыгивают через мелкий овражек у подножия террикона и врезаются в полуразрушенные стены хибарок брошенного хутора.

Порожня вагонетка откатывается вниз по раме, и Борис скрещивает поднятые над головой руки — сигнал «стоп» лебедчице Люсе.

Большая сильная лебедка, таскающая вагонетку на террикон, укрывается неподалеку от сторожки терриконщика в низком бетонном сооружении, похожем на военный блиндаж. Через смотровое окно Люся пристально наблюдает за знаками и действиями Бориса. И если он дал сигнал остановить «козу» на терриконе, Люся выключает лебедку и снова прикладывается к своему домашнему «тормозку».

Тем временем Борис присаживается на большой плоский камень и закуривает свою любимую сигаретку «Памир». Теплый камень, кажется, слегка шевелится под ним, как живое существо. И вся громадная пирамида террикона время от времени подрагивает, рокочет и через расщелины извергает из своих недр душливый запах вековой гнили.

До того, как стать терриконщиком, Борис успел поработать сторожем на овощной базе, грузчиком на лесном складе, кочегаром в котельной больницы. Он не переносил коллективного труда, кипучей суеты, армейского подчинения.

Полгода назад, после смерти бабушки, работать терриконщиком Бориса устроил Ильенко. Как-то бабушка обмолвилась, что в молодые годы у Ильенко была короткая любовь с матерью Бориса.

Работа терриконщика пришлась Борису по душе. Здесь он сам отвечал за свое дело и начальник у него был один — горный мастер породного комплекса Ильенко. Он никогда не рассказывал Борису о давнем романе с его матерью и не расспрашивал о ней.

Мать оставила Бориса на бабушку, когда он уже стал уверенно ходить по земле и называть себя Бодей. Лет до пяти он не говорил и в общении с бабушкой легко обходился мимикой и жестами.

По утрам в любую пору года и погоду, навьючившись узлами и корзинами, подхватив за руку Бориса, бабушка тащилась на базар. Там она продавала всё, что удавалось выра-

тить в саду и огороде. На базаре Борис смиренно сидел под прилавком, с любопытством наблюдая за торговой жизнью.

Пару раз в году на день-другой приезжала мать, привозила какие-то подарки — большей частью одеждою для Бориса, громко ругалась матом с бабцей — в основном из-за денег. Иногда привозила с собой разных мужчин: молодых и веселых, пожилых и угрюмых. Прощаясь, говорила Борису: «Вот устроюсь и заберу тебя с собой». Но, видимо, устроиться у нее не получалось, и приезжала она всё реже и реже.

Борис еще не научился определять время по часовым стрелкам, но никогда не опаздывал к прибытию на станцию пассажирских поездов. За три минуты стоянки он успевал пробежать весь состав от головы до хвоста и обратно. На секунды задерживался у каждого открытого вагона, но все проводницы были на одно лицо, в одинаковых беретах и форменных одеждах.

Когда Борис с горем пополам перешёл в шестой класс, железнодорожные милиционеры стали снимать его с пассажирских и товарных поездов на станциях Попасная, Купянск, Бахмач... Его закрывали в распределителях, направляли в специнтернаты, но он возвращался к бабце.

Бравурная музыка, весь день без умолку гремящая из репродуктора на шахтной конторе, внезапно оборвалась и после короткой морзянки диктор торжественным голосом сообщил точное московское время. Обычно в этот час Ильенко совершал обход хозяйства породного комплекса. Пора и Борису опускаться на землю, но Катя почему-то так и не вышла во двор. Ее хибарка, сооруженная покойным мужем из всякого шахтного хлама, обмазанного глиной, стояла среди развалин хутора близко к террикону, сразу за овражком.

Обитателей этого шахтерского «гарлема» еще прошлым летом переселили в безопасное жильё в поселке. И только Катя с маленькой дочкой отказалась уезжать. Дворик вокруг ее мазанки огорожен камнями, прилетевшими с террикона. На веревке, натянутой меж двумя кривыми стволами вишен, сушится пестрая детская одежда. На пригорке за огородом равнодушно блеют две тощие козы.

Наконец на подворье появляется Катя, прижимая к животу тазик с парующим бельем.

Борис приподнимается с камня и машет ей шапкой. Катя улыбается в ответ и часто кивает.

Года два назад, когда в шахте рванул газ метан, погиб Катин муж. Тогда сгорела вся бригада проходчиков. Про этот случай Ильенко так рассказывал Борису: «Я тогда работал десятником по вентиляции и безопасности. А они в ту смену

бурить собрались. Ну я, как положено, замерил прибором метан и даю им отбой. А тут конец месяца, им всего несколько метров проходки до плана не хватало. А план — это премия, бывает больше зарплаты. Их бугор — Катькин муж — стал меня уговаривать: у тебя прибор барахлит, такое уже было, и ничего... А я на своем стою: запрещаю проводить бурно-взрывные работы! Ну он мне угрожать стал, на штрек вытолкал...

Ну и рванули на авось... Заколоченные гробы в клубе поставили, над каждым фотокарточка. А что там — в гробах? После взрыва спасатели обгорелые ошметки в мешки собрали и по гробам их разбросали. Потом еще полгода находили там обугленные кости, вместе с породой вывозили на террикон.

Вот Катька и придумала себе, что останки ее мужа в породе на терриконе, и с хутора выезжать отказывается. А Люське-лебедчице рассказывает, что на террикон каждую ночь черный ангел прилетает и плачет там. Совсем с рельсов съехала баба»...

В первый день работы на терриконе Борис приметил хуленькую женщину с ведерком, выбиравшую в породе случайный уголек. «Коза» уже разгрузилась и самые быстрые камни, подпрыгивая, неслись вниз. Борис кричал, размахивал руками, женщина увидела его и через овражек спокойно пошла к своей хибарке.

А на следующий день она сама пришла к нему в сторожку. Назвалась Катей, рассказала, что Кирдан, работавший терриконщиком до Бориса, был грубым, безобразным человеком. Иногда, выехав на террикон, он садился справлять нужду, специально поворачиваясь голым задом к Катиной усадьбе.

С того дня Борис стал собирать в мешки самые крупные глыбы угля из того, что предназначался для «буржуйки» в его сторожке.

Когда набирался полный мешок, Борис, поднявшись на террикон, подавал Кате знак — махал шапкой, и она с сачками или со старой детской коляской приходила к нему в сторожку. Каждый раз приносила угощение: то олады, то вареники с картошкой и поллитровую банку козьего молока. Борис молча ел и слушал Катины рассказы о подрастающей дочке, о ее способностях, воспоминания о счастливой жизни с покойным мужем...

— Бо-о-дя! — донеслось снизу.

Возле блиндажа лебедки стояла Люся и постукивала пальцем по циферблату своих ручных часов. Борис махнул рукой и через минуту порожняя «коза» резво покатила вниз.

Дверь сторожки была приоткрыта. На лежаке расположился Ильенко. Рядом с ним на развернутой газете живописно

раскинулся натюрморт «тормозка»: пара куриных яиц, толстая баранка кровяной колбасы, дольками нарезанная луковица, четвертинка черного хлеба и в спичечном коробке соль. Ильенко сосредоточено сковыривал желудевым ногтем скорлупу с вареного яйца. Не поднимая головы, произнес:

— Сколько раз тебе говорил: верхом на «козе» выезжать на террикон запрещено правилами безопасности.

Борис молча присел на сучковатую чурку у буржуйки и устремил взгляд на облупившиеся носки своих сапог.

— Ну как там — наверху? — спросил Ильенко и целиком затолкал в рот яйцо.

— Нормально, — Борис пожал плечами.

— Да-а, Бодя, наверное, придётся тебе опять искать работу, — сказал Ильенко и откусил от баранки колбасы добрый ломоть, стал медленно жевать, выдерживая долгую паузу. Не дождавшись реакции Бориса, продолжил:

— Вчера на селекторе директор комбината сообщил, что наш террикон закрывать будут. Теперь породу будем в балки вывозить, самосвалами. А террикону макушку бульдозером снесут, разровняют и посадят на нем фруктовый сад. И будут, как на Марсе, яблони цвести.

Ильенко завалился боком на лежак. Из-под тряпья вывалилась на пол растрепанная книжка без обложки. Ильенко поднял ее:

— Еще половина листов осталась. Твой предшественник — Кирдан — использовал ее как подтирочный материал.

Полистав книжку, Ильенко заметил завернутый уголок страницы:

— Ага, Тургенев, «Первая любовь»! Ну ты даешь, Бодя! В твои годы пора уже не теорию по книжкам изучать, а практику осваивать. Вон Люська-лебёдчица — профессионалка шестого разряда в этом деле. Безотказная. Я тебе говорю! Ее мужик то в шахте, то дома пьяный спит. А бабе надо, чтобы ее постоянно хотели.

Борис выдернул книжку из рук Ильенко, запихнул ее под лежак.

— А я, например, кроме учебников в школе и на курсах десятников, никаких книжек не читал. А зачем? Надо своим умом жить. Зато баб у меня было — в двух томах не опишешь! — закончил свой монолог Ильенко и поднялся с лежака.

Борис вышел из сторожки, сел на лавку под стеной и закурил. Из-за угла, понурив большую голову с висячими ушами, широко расставляя лапы, враскорячку вышла собака, ткнулась мордой в колени Бориса.

— Опять оценилась, что ли? — на пороге возник Ильенко. — И где она здесь кобелей находит? Надо щенков, пока они еще слепые, в «козу» покидать, породу загрузить и — на террикон. Кирдан всегда так делал.

Собака, будто понимая, о чем речь, вернулась в свою нору.

— Здорово, мужики, — из-за вагонетки выглядывала Катя: узкое детское личико, искристые углинки глаз, виноватая улыбка, засаленная болоньевая куртка цвета террикона, резиновые шахтерские чуни. За Катей виднелась ржавая детская коляска без капюшона.

— Щас, — Борис, метнулся за угол сторожки, появился с мешком на плече, ловко пристроил его на коляску.

— Здравствуй, Катя-Катерина, — пропел Ильенко. — Ты уже курортный терренкур вокруг террикона натоптала. А я закрываю глаза на то, как ты казенный уголек к себе домой таскаешь. И Бодя в этом соучаствует. Наверняка не задаром. Но по факту получается расхищение госсобственности, на статью тянет.

— А ты мне задаром предлагал угля привезти? Или напомнить, за что? Как это по факту называется? И к Люське приставал, кобель лысый, — насмешливо произнесла Катя. — А госсобственность твоя не обеднеет!

— Ясное дело, не обеднеет, — согласился Ильенко. — Но закон — есть закон. Вот тебе, например, как шахтерской вдове, уголь для печки по закону положен. Но, опять же по закону, ты должна переселиться из опасной зоны в поселок. Получишь нормальное жилье и углем на зиму будешь обеспечена. А ты прилипла к этому террикону, как вошь к тулупу. А если террикона не станет, где будешь уголь добывать?

— Да куда же он денется? — ухмыльнулась Катя. — Шахты без террикона не бывает.

— Бывает, — возразил Ильенко. — Если хочешь знать, на Западе породу из шахт вообще на-гора не выдают, оставляют ее в выработках. И дешевле, и воздух чистый.

— Так то у капиталистов. Нам за ними не угнаться, — махнула рукой Катя.

— Уже догоняем, — убежденно заявил Ильенко. — Я вот здесь Бодю рассказывал... В комбинате уже подписали приказ о закрытии нашего террикона. Теперь Бодя останется без работы, а ты без краденного уголька.

Борис нервно суетился вокруг «козы»: то поправлял канат, то сгребал широкой лопатой мелкую породу между рельсов, то заглядывал внутрь вагонетки.

Катя присела на корточки возле своей коляски, извлекла из кармана куртки мятую сигарету, закурила.

Ильенко сидел на лавке, широко раскинув ноги, снял с головы красную шахтерскую каску, всю в глубоких черных царапинах, вытащил из нее вязанную спортивную шапочку, местами сопревшую до дыр, понюхал ее и вытер розовую морщинистую лысину.

— Жалко, конечно, террикон, — задумчиво произнес Ильенко. — Я первый вступительный бутылек под ним распи-вал, когда после армии пришел на шахту работать. Да-а, не-мало шахтерской кровушки пролилось на его камни.

— Из-за таких мудаков, как ты! — срезала Катя носталь-гию Ильенко.

— Опять заводишь свою старую шарманку, — спокойно сказал Ильенко и нахлобучил на лысину каску. — За тот слу-чай я по закону ответил. Меня из шахты на поверхность вы-вели, подземный стаж теряю... А моей вины нет, не давал я им разрешения. Мужики на авось пальнули...

— Конечно, не давал. Свидетелей-то нет, все там остались. Известно, как ты свои разрешения давал. До тех пор не да-вал, пока мужики не пообещают тебе по червонцу с премии. Твоей-то кровушки на терриконе нет — один ты раньше взры-ва у ствола оказался!

— Ну всё! — Ильенко решительно поднялся с лавки. — Забирай свою карету и катись отсюда, не мешай людям ра-ботать. А за краденый уголек ты еще по закону ответишь!

— Да подавись ты своей госсобственностью! — Катя уда-ром ноги опрокинула коляску с углем и стремительным ша-гом направилась к тропинке. Борис бросился к коляске, по-ставил ее на колеса, приладил мешок и, подхватив за ручку, поспешил за Катей.

Когда он вернулся, Ильенко озабоченно расхаживал вок-руг «козы». Даже забравшись на подкову сцепки, он едва доставал подбородком до верхнего края вагонетки.

— Боковины подварить надо бы, — обернувшись к Бори-су, деловито заметил Ильенко. — Да теперь уже ни к чему. Отбегала свое, козочка.

Борис присел на лавку и подрагивающими руками прику-рил сигарету.

— Да не бзди ты, Бодя! — примирительным тоном произ-нес Ильенко. — Без работы не останешься. Пойдешь элект-ровозные батареи заряжать или на вулканизацию... Ты па-рень непьющий, работающий... Только дикий какой-то, как этот террикон. В шахту тебе, конечно, нельзя. Не признаешь ты понятий шахтерской жизни.

Борис, соглашаясь, кивнул, стал катать под сапогом ок-руглый камень.

— Наверное, думаешь: с чего бы это Ильенко так заботится обо мне? — продолжил Ильенко. — Правильно думаешь, и я тебе прямо отвечу. В молодые годы была у меня постельная любовь с твоей мамашей. Тогда она уже работала кондукторшей в поездах, а я уже женатый был. Приехала в отпуск, познакомились в одной веселой компании — обычное дело. Неделю у ее подружки встречались. Отпуск пролетел, она уехала, а я стал дальше с женой жить. Прошло лет пять, нечаянно встретились на базаре, зашли в чебуречную, выпили: как делишки, как детишки, то да сё... И она мне выдает на-гора, что, может быть, ты от меня рожденный. Ни хрена себе, думаю, вкладыши! Как в индийском кино. Что ж ты, говорю, столько лет молчала? А она хохочет: испугался? Да я тебя на понт взяла! Хорошенькие понты, пришлось еще поллитруху брать. Больше я ее не видел. Но после той встречи стал точить меня червь сомнений. С одной стороны: по срокам как бы всё совпадает, а с другой: она ж проводница, у нее до меня и после командированных кобелей было больше, чем она километров намотала. Да ты на себя посмотри и на меня. Я малый и толстый, а ты длинный и тощий. У меня лысина, считай, с двадцати лет, а ты кудрявый брюнет. У меня нос картошкой, а ты горбоносый и смуглолицый. Я так думаю, что зачала тебя мамаша от какого-нибудь кавказского спекулянта мандаринами. А бабка твоя уже перед смертью попросила меня: помоги Бобе, не устоит он в этой жизни. А тут как раз Кирдан на пенсию пошел, вот я и пристроил тебя на террикон. И сейчас не брошу. Ты мне, конечно, не сын, но как бы дальний родственник. А Катьку я припугнул для порядка. Чем она платила тебе за уголь, — догадываюсь. В этом ты на меня точно похож!

От внутреннего смеха у Ильенко тряслось брюхо и гузно подбородка.

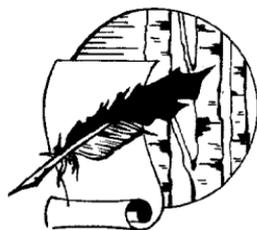
Вдруг сухо тренькнул звонок в сторожке, в галерее завыл транспортер и камнепад рухнул в железную пасть бункера.

— Качают! — восторженно воскликнул Ильенко и соскочил со сцепки.

Борис кивнул, близко подошел к Ильенко, подхватил его за ноги под коленями и опрокинул в вагонетку. Потянулся рукой к рычагу, открыл заслонку бункера. Сквозь грохот падающих камней не больше минуты прорывался наружу звериный рев. Когда вагонетка наполнилась доверху, Борис закрыл заслонку и дал сигнал на подъем лебедчице Люсе. Дрогнула и натянулся канат, и «коза», покачиваясь, поползла вверх.

Собака проворно выбралась из своей норы и, хрипло лая, стала карабкаться вверх по камням...

г. Луганск

Сергей КОРОТКОВ
(1948 — 2018)

Родился в станице Ардон Северо-Осетинской АССР. Член Союза писателей России с 1995 года. Окончил Высшие литературные курсы. Работал литконсультантом в Правлении Союза писателей России.

Автор книг «Сумасшедшие птицы» (1992), «Акафист грозы» (1996), «Дорогие мои земляки» (2001), «Экспресс спасения» (2011), «Свиток» (2016), «Сердце причастника» (2017).

Лауреат Всероссийской литературной премии имени Бальмонта (2013 г.). Был руководителем московской литературной студии «Свежий взгляд».

ВСТРЕТИМСЯ НА СОЛНЦЕ

* * *

Встретимся на Солнце, у гряды могучей.
Вся она из света и грядущих слов.
Встретимся на Солнце, мы пройдем сквозь тучи.
Мы развеем тучи, не щадя голов.

Сколько нас? Немного... Мы — как та водица,
Тайная водица с вековой кутьи.
В песнях ищем Бога, чтоб не заблудиться.
А погибшим — память, ночь и соловьи.

Горечи немало в наших песнопеньях.
Но родное небо не упало ниц.
Мы — тот самый воздух русских поселений.
Воздух, иссеченный вспышками зарниц.

Хорошо нам нынче — времена приспели
Косарям искусным косами сверкать.
Встретимся на Солнце, как в одной купели,
Встретимся на Солнце — нам не привыкать.

* * *

Тараса Бульбу — в президенты!
Уж он порядок бы навел,
И желто-голубые ленты
Держал в когтях бы наш орел!
А Николай Василич Гоголь
В крылатке легонькой своей
Парил бы в небесах, как голубь,
И к братству призывал людей.
Глядишь, и Батько Лукашенко
Простил бы всё баловникам,
И вся славянская шеренга
Пошла б чеканить по векам.
Напрасно в Киеве талдычат,
Что нынче русский им не брат,
Когда Тарас полки покличет,
Когда ударит он в набат,
Стеной подыметя «людына»,
Славянский воскресит союз.
И Беларусь и Украина
Сестру свою обнимут — Русь!
Молись, Тарас, за Украину,
Молись, Тарас, за нас в раю.
Молись, казак. На крестовину
Вздымают родину твою.

* * *

Смотрит Россия больными глазами
В душу глядит неспроста.
Ветрено, ветрено под небесами,
Очень глухие места.

Где-то опять человека раздели
И пригвоздили к кресту.
Мы-то своих схоронили, отпели —
Что нам кричать в темноту?

Лучше затайнем мы песню ватажью
Гряднем дружнее, братья!
Ох, и попили мы кровушку вражью
Вместо студенной воды.

В страшном бою том — известное дело —
Много и нас полегло.

Зря, что ли, Матушка-Русь побелела,
Словно её замело.

А как растаяли злые сугробы,
Глянули мы — вот те крест —
Братья лежали единой утробы
Жители этих вот мест.

Смотрит Россия больными глазами,
В душу глядит неспроста.
Ветрено, ветрено под небесами
Возле большого креста.

* * *

Мне никто — никто,
Я и сам — никто.
Но свобода моя со мной.
Мне б воды глоток,
Мне б земли в платок,
Да полнеба ещё за спиной.
За большим бугром,
Где растут кусты,
Вижу снова большой бугор.
А на том бугре всё кресты, кресты.
Да продутый ветрами собор.
На Руси-Руси, Господи спаси,
Много всяких путей кривых.
Ну а я иду на Твою звезду.
На звезду бесконечно живых.

* * *

Я ненавижу вас, стихи!
Вы гибели моей хотите,
Несчастья мои плодите
И, кажется, мои грехи.

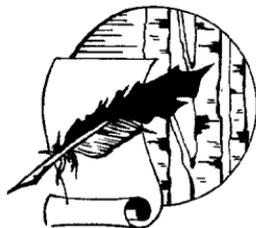
Я с головы до ног увию
Вьюнами слов, цветущих густо.
Я стал рабом. А от искусства
Свободен тот, кто им убит.

Как хорошо со стороны
Смотреть и улыбаться вяло
И думать: «Боже, как же мало,
В словах поэта новизны».

* * *

Я знал художников когда-то,
Вот это были мужики!
Всегда немножечко поддаты,
Все поголовно бородачи,
Московские аристократы,
Вельветовые пиджаки.
Они начальству не кадили,
Зато искусством били в глаз.
Они пленэр с утра столбили
И лужицы боготворили,
Они, как лампочки светили,
Тем самым просвещая нас.
У них на кухне «ню» водилось,
И беломраморная грудь
Мне по ночам бесстыдно снилась,
В моих руках, как рыба, билась,
И снисходила, словно милость,
И озаряла, словно суть.
Их музы, девы прямодушны,
Грудасты все, как на подбор.
Вангоговский творили ужин
И кисти чистили, как ружья,
И если нужно, если нужно...
Но не об этом разговор.
Как я любил телодвиженья
Из пены созданных, живых,
Когда шуршащее скольженье,
Тряпицы сброшенной шипенье
Вдруг обнажало постиженье
Художником всей сути их.
О, Ева, Ева, ты в Эдеме,
Вот так же листик совлекла,
И получив Адама семья,
Ты понесла мучений бремя
И мужеское наше племя
В глубины страсти увлекла.
Кипели споры вокруг стола.
— Доре могуч в библейской теме,
Как души светят сквозь тела...
— Еще смотри: Дега воздушен,
Но предпочтительней Матисс.
— Вот Мунка «Крик» — сплошной карниз...
В искусстве так: то вверх, то вниз...
— Да брось, Ван Гог первый приз!

Создать нельзя, чтоб не разрушить...
В портрете главное, брат, уши,
И посему, поэт, ты слушай,
И воздух пей, и солнце кушай,
И в небеса входи без виз!
Как те, что приучались сходу
И к колориту, и к штриху
Не малевавшие в угоду,
А возлюбившие свободу
Гораздо больше, чем погоду
На политическом суку.
Одни удрали за границу,
Других замучила «среда»,
Но кто-то всё ж поймал синицу,
Весьма богатенькую птицу,
Если успел, конечно, вшиться,
Как говорится, навсегда.
Теперь картины их в музеях,
А впрочем, как кому легло.
Им неуютно в корифеях...
Но всё же, пишут котофеев,
Чиновников — больших злодеев.
Кому здесь больше повезло?
Увы, увы, мы все затёрты
Их позолотой расписной.
Не нас преследуют эскорты,
И деньги наши кем-то спёрты
А мы всё слушаем аккорды
Судьбы, как будто неземной.

Анна ТОКАРЕВА

ПО СКОЛЬЗКОМУ ЛЬДУ

ЗВОН

В годину жутких потрясений,
Когда безумствовала гнусь,
Писал восторженно Есенин:
«Звени, звени золотая Русь».

И Русь звенела — то цепями,
То пеньем вольных Божьих птиц,
То золотыми куполами,
Нешадно скинутыми ниц.

За лихолетьем — лихолетье,
А Русь по-прежнему звенит:
Звенят монеты, пули, плети
И меч, ударенный о щит.

Звенит ручей, сугроб бодая,
Звенит пчела над царством сот,
Лишь колокольчик «Дар Валдая»
Не зазвенит, не запоёт.

Звенит в ушах от гнева, боли:
«Нет денег, смерд. Держись, не трусь»...
Держись, звени, моя неволя —
Моя несломленная Русь!

ПО НАСТУ

Я шла разнотравьем цветастым
В далёком счастливом году.
А ныне всё чаще — по насту,
По голому скользкому льду.

Не каждый упавший — калека.
Но если остуда в груди,
То время — медлительный лекарь,
И чудо-лекарства не жди.

Шагаю, порой босонога,
Но всё же — упорно вперёд.
Сама себе — врач и подмога,
Соломинка, парус и плот.

СНЫТЬ

Корни твои беспощадно рублю,
Злюсь, негодую, но всё же — люблю!
Ты меня учишь бороться, не ныть,
Злостный сорняк — жизнестойкая сныть.

Эх, достаётся тебе поделом.
Ты же на зло отвечаешь теплом:
Новую зеленью вкусных листов,
Кружевом белых ажурных цветов.

Сколько в тебе и смиренья, и сил!
Сколько беззлбия к тем, кто губил!
Знаю, что буду тобой прощена,
Я и сама всепрощенья полна.

ТУМАН

Времена настали странные.
Каждый век нам свыше дан.
То гонялись за туманами,
То накликали туман.

Задымляют бесы прошлое,
Но вещают старики:
Было много в нём хорошего
Всем туманам вопреки.

Наяву, в белёсом мареве,
В беспросветной пелене,
Все мы — слуги государевы
В отуманенной стране.

Онемевшие, ослепшие,
Заплутавшие во мгле...
Крылья связаны — и пешими
Мы блуждаем по земле.

И дрожим подобно листикам,
Растрепав былую статью.
Но поможет нам не мистика,
А Господня благодать.

ПАУК

Куда торопишься, паук,
Куда бежишь?
Холодный снежный плен вокруг,
А ты — малыш.

О, как легко прервать твой бег,
Прихлопнуть жизнь.
Но я — незлобный человек.
Паук, держись!

На поле белого белей
Царит январь.
Хватай соломинку смелей,
Господня тварь.

Согреешь лапки у ствола,
В коре ольхи.
А я пойду, светлым светла,
Писать стихи.

НАПРЯМИК

То вкривь я иду, то кругами,
То вдруг упираюсь в тупик.
В житейском унылом бедламе
Непросто идти напрямик.

Делиться своим караваном
Трудней, чем шипами обид.
И хата, которая с краю,
Бездушной незнайкой стоит.

Её обогну без досады
И снова пойду напрямиком
Туда, где в объятиях сада
Пригрелся родительский дом.

Где добрый хозяин приветлив,
Не держит собак на цепях,
Где в яблоках — гибкие ветви,
А крыши карниз — в голубях.

Где нет устрашающих пугал,
Где тлеет в костре уголёк,
Где каждый тупик или угол —
Уютный родной уголок.

МОЛИТВА

Шарахалась темень за шторой,
Где ветер, неистово зол,
Затеяв привычную ссору,
Трепал тишину за подол.

Дрожали оконные рамы,
Лампадки дрожал огонёк...
Молилась за царствие мамы
На скорбный девятый денёк.

Молилась, упав на колени,
Акафист кропила слезой.
И чудилось: страшные тени
Зловеще крались за спиной.

О Господи, что мне страшиться?
Надёжна защита креста.
За маму я буду молиться
И вымолю милость Христа!

ВЕРУЙ

Крепкие цепи куёт суета,
Сладок напев колыбельной у лени.
Звон колокольный, открыты врата ...
«Ну же, шагни!» — призывают ступени.

Тихо пройду мимо белой стены,
Не зажигая свечи у иконы.
Вновь округлится подкова луны,
Жизнь подчинится нелепым законам...

Хлебные крошки клюют сизари
Возле скамейки церковного сквера.
Звон колокольный меня не корит,
Лишь призывает с надеждою — веруй!

ПРАВО ВЫБОРА

Стараюсь забытьяся, работать до пота,
Но думы угрюмы, постыла работа.
Свирепствуют осы — мятежные мысли,
И знаки вопросов в сознание повисли.

А в красном углу запылились икона
Да мудрая книга, где Божьи законы,
Закладка — на самой заветной странице...
Со страхом, стыдом поднимаю ресницы.

С надеждой гляжу Богородице в очи —
На смену вопросам спешат многоточья.
Есть выбора горечь и мёд искушенья,
И самое трудное в жизни решенье.

ЯСНАЯ ЗВЕЗДА

Шелестит под сапогами
Ломкая трава.
Поле в рыжей скучной гамме.
Праздник Рождества.
Эх, снежком бы хоть немного
Всё припорошить!
С белой праздничной дорогой
Веселее жить.
Не сыскать на буром поле
Светлого следа...
Но горит над русской долей
Ясная звезда.

г. Егорьевск Московской обл.

Михаил ЧЕЛНОКОВ,
народный депутат России 1990—1993 гг.

ВРЕМЯ МЕНЕДЖЕРОВ

О безответственности власти

В конце XX века наша страна зашла в тупик, который завершился развалом Советского Союза и очередной революцией (или контрреволюцией — терминология зависит от того, с каких позиций смотреть). Затем, как это бывает после каждой революции, последовали годы гражданской войны, разрухи и хаоса.

Но вот, наконец, в начале XXI века страна начала входить в относительно спокойный период, который длится уже около двадцати лет. За это время в России сделано немало положительного. Скажу здесь о самом основном.

1. Прежде всего, страна поднялась с колен после хаоса, в который её погрузил первый президент России Ельцин. Закончена гражданская война на Кавказе, восстановлены, в определенной мере, промышленность, оборонка, сельское хозяйство.

2. В стране практически с нуля создана нормальная торговая сеть и сфера услуг.

3. Сегодня в России бурными темпами развивается инфраструктура страны,

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

идет интенсивное жилищное строительство, города благоустраиваются и хорошеют, строятся современные дороги и вся транспортная система. В Москве, например, высокими темпами строится метро, идет благоустройство всей территории.

4. Одним из важнейших событий последнего времени является возвращение Крыма в состав России. И сделано это было в соответствии с волеизъявлением народа Крыма юридически безукоризненно, мирным путем, без всякого кровопролития. Затем был построен стратегически важный объект — Крымский мост.

Но, к сожалению, несмотря на сказанное, развитие России в целом за это время нельзя признать удовлетворительным, как и сегодняшнюю ситуацию. И сейчас уже нельзя наши нынешние беды и неполадки сваливать на разруху времен правления Ельцина. За эти двадцать лет вполне можно было начать развивать экономику высокими темпами и обеспечить достойный уровень жизни населения при любых стартовых условиях. Тем более, что все предпосылки для этого в стране есть — и огромные природные ресурсы, и всё еще высокий интеллектуальный уровень населения.

Между тем, по уровню жизни населения Россия находится сегодня на позорном 62-м месте в мире, по размеру ВВП на душу населения — на 67-м, а темпы развития нашей экономики ниже среднемировых (я говорю здесь о времени перед началом пандемии коронавируса, ибо оценивать экономику и России, и всего мира во время пандемии практически невозможно).

Почему же так получается? Я не буду в этой статье рассматривать все причины, проанализирую здесь только две из самых главных. Это, во-первых, плохая работа и безответственность российской государственной власти, российских государственных чиновников практически всех уровней. Во-вторых, это принципиально порочная кадровая политика на верхних этажах российской власти, когда на высокие, ключевые должности назначаются люди, не имеющие даже соответствующего образования и абсолютно некомпетентные в том, чем они руководят. Впрочем, эти две причины неразрывно связаны друг с другом.

В этих условиях в России процветает коррупция в таких гигантских масштабах, что это не только подрывает экономику, но и может, в конечном счете, привести к развалу страны.

Хорошо известно, что коррупция есть практически во всех странах (но в разных масштабах) и что это — огромное зло. Коррупция ведет к развалу экономики, а иногда и самого

государства, к ограблению населения страны относительно небольшим количеством преступников. Но не меньшим злом является та атмосфера, которая создается в стране, в обществе. Народ видит, что преступники обогащаются, купаются в роскоши. Народ видит, что бесчестные люди могут жить очень хорошо, а вот обеспечить себе достойную жизнь в стране честным путем очень тяжело, а порою просто невозможно.

Сегодня ситуацию в России в этом плане никак нельзя признать благополучной. Существует рейтинговая таблица стран мира по коррупции, систематически публикуемая международной организацией Transparency International. Так вот, в этой таблице среди 180 стран Россия занимает сегодня 136 место! Наиболее благополучная страна в этом плане — Дания, которая стоит на первом месте. За Данией следуют: Новая Зеландия, Финляндия, Швеция, Швейцария, Сингапур. Германия стоит на 11 месте, Великобритания — на 12, Франция — на 21, США — на 22.

В 90-е годы прошлого века, во время правления первого президента России Б.Н. Ельцина, ситуация была еще хуже, с того времени положение несколько улучшилось. Но отмечу, к сожалению, что с 2012 года ситуация в стране в этом плане остается на стабильно плохом уровне, улучшения нет.

Для того чтобы победить коррупцию, нужна огромная политическая воля и решительные действия высшей власти. К сожалению, реальность показывает, что ни политической воли, ни решительных действий власти в России нет!

Итак, низкий уровень жизни населения в богатой стране, низкие темпы развития экономики, фантастических масштабов коррупция и назначение на высокие государственные должности некомпетентных людей — я перечислил здесь только часть из основных пороков сегодняшнего российского государства, которые вполне могут привести страну к краху. И это положение со временем не улучшается, а, скорее, ухудшается.

Реальную ответственность за это понесли только те отдельные чиновники, которые попали в герои крупных коррупционных скандалов. А подавляющая часть тех государственных деятелей, которые и являются виновниками нынешнего плачевного положения в стране, никакой реальной ответственности не понесли, и продолжают занимать высокие государственные должности.

Порой из властных структур слышатся заявления, что критика должна быть конструктивной. Я с этим не совсем согласен, я считаю, что критика может быть любой. Тем не менее, считаю, что доля истины в таких заявлениях есть.

Поэтому настоящую статью я построю далее следующим образом. Сначала предложу конкретную идею проекта закона «Об ответственности власти», а затем приведу конкретные примеры безответственности и принципиально порочной кадровой политики.

Итак, в законе об ответственности власти должны быть, на мой взгляд, следующие основные положения. Результаты работы каждого чиновника и государственного деятеля, начиная с президента, должны оцениваться. И эта оценка должна проводиться не вышестоящим начальством, а избирателями на каждых очередных выборах соответствующего уровня. В избирательном бюллетене избиратель выбирает один из двух вариантов оценки: «положительная» или «отрицательная».

Если более половины от числа проголосовавших избирателей проставляют отрицательную оценку, то должностное лицо, результаты работы которого так оценены, пожизненно лишается права занимать должности в любых органах власти и, разумеется, избираться во властные структуры.

Далее, это должностное лицо должно компенсировать государству материальный ущерб от своей работы, у него может быть конфисковано имущество, приобретенное за время этой работы, и изъяты соответствующие денежные средства. В некоторых же случаях, когда ущерб от его работы весьма велик, против него возбуждается уголовное дело.

Если этот закон будет принят, то кандидаты во властные структуры (избираемые или назначаемые), прежде чем идти во власть, задумаются о последствиях своего пребывания во власти и о том, способны ли они плодотворно работать на данной должности, принести пользу стране и её гражданам.

Те люди, которые за время своего пребывания во властных структурах не принесли реальной пользы, а, быть может, даже нанесли ущерб стране и её гражданам, понесут реальную ответственность, а другие задумаются, стоит ли идти во власть.

Прецеденты привлечения к ответственности высших должностных лиц государства в мировой истории уже были, в том числе и в последнее время. Так, например, 16 апреля 2018 года экс-президент Южной Кореи Пак Кэнь Хе приговорена к 24 годам лишения свободы за коррупцию. До нее еще несколько бывших президентов этой страны были осуждены. В августе 1996 года экс-президент Южной Кореи генерал Чон Ду Хван был приговорен к смертной казни, замененной потом на пожизненное заключение.

Хорошо известно, что во всех странах мира во все времена и на всех уровнях были люди, которые стремились попасть

во властные структуры (и часто попадали) отнюдь не для того, чтобы принести пользу своей стране и её гражданам, а ради собственной выгоды — для того, чтобы сделать карьеру и получить материальные блага.

Можно не сомневаться, что такая ситуация будет иметь место и в будущем. Предлагаемый Закон призван если не ликвидировать это явление, то хотя бы ослабить его.

Теперь вернусь к рассмотрению конкретных примеров безответственности власти и принципиально порочной кадровой политики в России. Начну с рассмотрения серьезнейшей, очень актуальной и очень болезненной проблемы — проблемы пенсионного обеспечения.

По уровню пенсионного обеспечения Россия находится на одном из последних мест в мире. На пенсию, которая составляет сегодня в России в среднем порядка 16400 рублей, прожить практически невозможно. Недавно была проведена пенсионная реформа, вызвавшая широкие протесты по всей стране. Если отбросить всю словесную шелуху, сопровождавшую эту реформу, то можно увидеть, что реформа свелась только к повышению пенсионного возраста. Обещанное ежегодное повышение пенсий на одну тысячу рублей не есть реальное повышение, оно всего лишь едва компенсирует (и то не всегда) потери от инфляции.

Как же руководство страны объясняло необходимость этой пенсионной реформы? Ряд высших руководителей страны и, прежде всего, экс-премьер Д.А. Медведев говорили следующее. С увеличением продолжительности жизни в стране растет процент людей пенсионного возраста, а пенсионеры якобы живут за счет следующих поколений, они получают пенсии из бюджета страны как некую милость государства. И, в конце концов, бюджет и экономика государства не выдержит такой нагрузки.

Нарисованная только что картина — чудовищная ложь. Ни следующие поколения, ни бюджет страны не финансируют пенсии, это делают сами будущие пенсионеры, ибо в течение всех лет их работы производятся отчисления в Пенсионный фонд. Более того, будущие пенсионеры не только финансируют свои пенсии, но и вносят, по существу, безвозмездно очень большие деньги в государственный бюджет.

Рассмотрим только что сказанное более подробно. Сегодня средняя заработная плата в России составляет 48300 рублей, ежемесячные пенсионные отчисления равны 22 процентам. Будем считать, что люди начинают работать в среднем в возрасте 20 лет. Таким образом, мужчины, выходя на пенсию в 65 лет, работают 45 лет, а женщины, выходя на пенсию в 60 лет, работают 40 лет.

Нетрудно подсчитать, что пенсионные отчисления за все время работы у мужчин равны их зарплате за 10 лет, а у женщин — за 9 лет. Средняя продолжительность жизни мужчин сегодня в России равна 68,5 лет, а женщин — 78,5 лет. Таким образом, мужчины живут после выхода на пенсию в среднем 3,5 года, а женщины — 18,5 лет.

Итак, если государство будет возвращать гражданам все вложенные ими деньги, то пенсия мужчин должна быть в 3 раза больше их зарплаты, а пенсия женщин — составлять половину их зарплаты. Таким образом, пенсия мужчин должна быть 145 тысяч рублей в месяц, а женщин — 24 тысячи рублей.

Но это, конечно, несправедливо, поэтому будем считать, что средняя пенсия и мужчин, и женщин должна быть 85 тысяч рублей. Но это еще не всё. Деньги, как говорят, должны работать, поэтому на пенсионные отчисления, которые лежат в банках, должны начисляться проценты. По самым скромным оценкам с учетом этих процентов за все время работы гражданина пенсионный вклад должен увеличиваться как минимум примерно в полтора раза.

Таким образом, средний размер пенсий в стране должен составлять примерно 128 тысяч рублей в месяц. Добавлю, что размер пенсий, наверно, должен зависеть от зарплаты и стажа работы, поэтому можно установить, скажем, такую вилку: минимальный размер — 80 тысяч рублей, максимальный — 160 тысяч рублей.

Разумеется, пенсии должны ежегодно индексироваться в соответствии с уровнем инфляции. Еще раз подчеркну: такой размер пенсий должен быть отнюдь не за счет финансирования из государственного бюджета, такие пенсии должны быть в том случае, если государство возвращает гражданам деньги, вложенные ими в Пенсионный фонд.

Скажу прямо: при меньшем размере пенсий государство просто обворовывает население. Чуть конкретнее: сегодня государство берет у граждан деньги в долг на 40—45 лет и затем возвращает, и то по частям, всего лишь примерно 15 процентов этого долга. Итак, проведенная пенсионная реформа не улучшила, а, наоборот, ухудшила и без того очень плохое положение с пенсионным обеспечением в России. Кстати, главное действующее лицо здесь — экс-премьер правительства России Д.А. Медведев. Кто же реально понёс ответственность за это? Ответ абсолютно однозначен — никто!

Кадровая политика сегодня в России просто фантастична. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что подобных прецедентов и в российской, и в мировой истории вообще не было.

В самом деле, в России в массовом порядке на очень высокие государственные должности назначаются люди, абсолютно некомпетентные в тех областях, которыми они руководят, люди, не имеющие порой даже соответствующего образования. Разумеется, их работа на этих должностях приносит огромный вред государству, ущерб от их деятельности колоссален. А предприятия и отрасли, руководимые ими, существуют не благодаря их руководству, а вопреки ему.

Эти люди — так называемые профессиональные менеджеры, управленцы. Им абсолютно безразлично, чем руководить, лишь бы за это капали деньги, — сельскохозяйственной фермой, Союзом композиторов, запуском спутников в космос, постановкой художественного фильма или чем-то еще.

Можно ли представить себе, что командиром экипажа самолета назначается человек, не умеющий пилотировать самолет, или что операцию на сердце в больнице проводит не хирург, а финансист? Казалось бы, это абсолютный бред! Но, однако, это сегодня — российская реальность. Я приведу далее всего лишь несколько примеров из огромного числа подобных случаев. И речь здесь пойдет о людях, которые находятся (или находились) в ближайшем окружении президента России В.В. Путина.

1. Начну с фигуры Д.А. Медведева, который отправлен в отставку с поста председателя правительства в январе 2020 года. Он много лет был человеком номер два в России, а четыре года — даже человеком номер один. Каковы же результаты его работы? Отмечу три самых «значительных» результата.

Во-первых, как уже говорилось, он провел грабительскую пенсионную реформу.

Во-вторых, он несколько лет целенаправленно сокращал в стране количество больничных мест, лицемерно называя это сокращение «оптимизацией» здравоохранения. Этот результат выглядел особенно весомо в свете пандемии коронавируса.

В-третьих, скажу об одном уникальном, фантастическом явлении в финансовой системе, которое появилось в России во времена правления экс-премьера Д.А. Медведева. Помоему, такого не было и нет больше нигде в мире. Д.А. Медведев останется в истории, в частности, благодаря одной из своих знаменитых фраз: «Денег нет, но вы держитесь». Но при этом правительство Медведева создало финансовую систему со следующим фантастическим свойством: деньги в этой системе есть, и зачастую очень большие, но они не работают, они не доходят до регионов, до предприятий!!!

На последней пресс-конференции Д.А. Медведева, которая состоялась в конце 2019 года, ему был задан следующий вопрос. На некий серьезный проект в какой-то регион были выделены большие деньги, но они не сработали. Почему так произошло? Ответ Медведева гласил следующее. Деньги были настолько большие, что вначале федеральные структуры боялись выпустить их из рук. А потом, когда деньги пришли в регион, оказалось, что нет нормативных актов, которые определяли бы, как использовать эти деньги. У меня нет слов, по крайней мере, приличных слов, для того, чтобы прокомментировать сказанное!

20 февраля 2020 года на заседании правительства под руководством нового премьера М.В. Мишустина прозвучала информация о том, что за 2019 год федеральный бюджет не освоил более одного триллиона рублей! Как сказал М.В. Мишустин, в 2019 году было не израсходовано недопустимо много бюджетных средств.

Таким образом, деньги в стране есть, но их не могут использовать. И при этом еще звучит знаменитая фраза: «Денег нет, но вы держитесь». Это — катастрофический развал всей экономики страны!

Доведение денег до адресата — простейшая задача, трудно придумать задачу более простую. Но финансовая система России не может решить даже эту задачу! И до сих пор никто за это не ответил — ни уволенный экс-премьер Медведев, ни сохранивший свою должность министр финансов Силуанов, который, кстати, занимает эту должность с 2011 года, ни кто-либо другой!

Как же были оценены результаты работы Д.А. Медведева, какова его реальная ответственность за эти результаты? А вот как. Сразу после отставки Медведева с поста председателя правительства президент России В.В. Путин своим указом назначил его заместителем председателя Совета Безопасности с окладом 619 тысяч рублей в месяц, хотя такой должности по закону вообще не существовало, закон об этом был принят позднее.

Во-первых, назначать человека на должность, которой не существует по закону, — противозаконно. Во-вторых, нужна ли вообще эта должность и Д.А. Медведев в этой должности? Как известно, Совет Безопасности много лет функционировал без этой должности. Стал ли Совет Безопасности теперь работать лучше? Я оставляю этот вопрос без ответа.

Итак, человек, нанесший своей работой колоссальный, гигантский ущерб стране, не понес за это никакой реальной ответственности. Более того, он назначен на высокую госу-

дарственную должность, созданную специально для него. На этой должности ему ничего не надо делать, и при этом он получает зарплату, превышающую среднюю по стране в 13 раз!

Второе. Вот уже около 30 лет абсолютно непотопляемой фигурой в высшем руководстве России являлся А.Б. Чубайс. Рассмотрим эту фигуру поподробнее. Когда Б.Н. Ельцин стал президентом России, он немедленно назначил А.Б. Чубайса вице-премьером правительства и председателем Госкомимущества. И Чубайс начал осуществлять известную всей России и всему миру грабительскую приватизацию.

В телевизионной передаче «Бесогон» народный артист России Никита Михалков приводит следующие цифры. Государственное имущество России стоимостью более 1 триллиона долларов было продано за 7,2 миллиарда долларов (0,7% от реальной стоимости)! При этом сам Чубайс отвечает, что это имущество можно было бы отдать и бесплатно, главное, как он считает, было в другом — похоронить коммунизм. (Кстати, сам А.Б. Чубайс при этом был членом КПСС и отнюдь не рядовым — он состоял в одной из высоких комиссий при ЦК КПСС.)

В Госкомимуществе А.Б. Чубайса работало несколько десятков штатных сотрудников ЦРУ США. Во время ельцинско-чубайсовской приватизации в начале 90-х годов иностранцам (в основном американцам) за бесценку были отданы многие важнейшие стратегические предприятия военно-промышленного комплекса, выпускавшие совсекретную продукцию. Что это, как не прямое фантастическое предательство России?

Таким образом, Чубайс совершил ограбление государственного имущества в беспрецедентных, невиданных в мировой истории масштабах. Затем Чубайс построил рынок ценных бумаг (ГКО — государственные краткосрочные облигации) — финансовую пирамиду на государственном уровне, который выкачивал деньги из реального сектора экономики. Этот рынок, как и любая финансовая пирамида, с треском рухнул и привел к грандиозному дефолту 1998 года. И это были два его «вклада» в экономику страны.

Вся страна ненавидит Чубайса и считает, что он должен сидеть в тюрьме. Президенту России В.В. Путину неоднократно задавали вопросы по этому поводу. Путин отвечал примерно следующее. Да, у Чубайса были ошибки, но в целом он достойно делал свою работу и внес большой вклад в реформирование экономики страны. Неужели в оценке Чубайса все 147 миллионов жителей России ошибаются, а прав только В.В. Путин?!

А.Б. Чубайс с 2008 по 2020 год возглавлял государственную корпорацию «Роснано», руководил одним из важнейших стратегических направлений в стране — разработками в области нанотехнологии. Этот человек имеет чисто экономическое образование, он ничего не понимает в элементарной физике, а уж о нанотехнологиях и говорить нечего. Так что о результатах его работы в качестве главы «Роснано» я лучше умолчу.

Третье. В 2007 году президент России В.В. Путин назначил министром обороны А.Э. Сердюкова. Он был уволен в 2012 году после известного громкого скандала со своей любовницей Васильевой, но в 2019 году назначен председателем Совета директоров Объединенной авиастроительной корпорации России и одновременно вице-президентом Союза машиностроителей России. Что это за человек? Он окончил Ленинградский институт советской торговли, затем — заочное отделение юридического факультета Санкт-Петербургского Университета. С 1985 по 1991 год работал заведующим секцией мебельного магазина в Ленинграде. Человек, не имеющий ни военного, ни технического образования, продавец мебельного магазина командовал всеми вооруженными силами страны, а сегодня руководит научно-техническими разработками в области авиации! Кстати, в народе его называли «генерал Табуреткин».

Четвертое. Одна из самых значимых фигур в команде В.В. Путина — Г.О. Греф. С 2000 по 2007 год он был министром экономического развития России, а с 2007 года по настоящее время — президент и председатель правления Сбербанка России.

Что это за человек? Полагаю, что для его характеристики вполне достаточно сказать о двух моментах. Во-первых, уже 6 лет, с 2014 года по настоящее время, Греф отказывается открывать отделения Сбербанка России в Крыму и в Севастополе. Таким образом, он, пусть и в неявной форме, выступает против того, что эти два региона в соответствии с волеизъявлением их граждан вошли в состав России. Кстати, отмечу, что в этом серьезнейшем вопросе Греф выступает, по существу, против президента России В.В. Путина и против России вообще. Во-вторых, он сам практически полностью раскрыл себя, выступая публично 22.06.2012 на сессии Сбербанка России, состоявшейся в рамках Петербургского международного экономического форума. В этом выступлении он затронул две взаимосвязанные темы: власть и образование. Суть его выступления заключается в следующем.

Власть всегда в той или иной мере обязательно манипулирует народом, иначе эта власть не сможет удержаться. Но образованные люди, которые осознают собственное «я», не хотят, чтобы ими манипулировали. Поэтому основной массе населения не нужно давать образование, или это образование должно быть таким, которое дает не знания, а навыки. Греф публично признал, что СМИ только как бы независимы, а на самом деле — это пропагандистская, идеологическая машина власти. Разумеется, себя Греф относит к избранным, к высшей касте, которой предначертано свыше управлять остальным населением, которое нужно превратить в быдло.

Сказанное настолько чудовищно, что трудно поверить, что человек в здравом уме мог такое говорить. Поэтому, чтобы избежать упреков в искажении или преувеличении, процитирую несколько отрывков из выступления Грефа:

«Как только все люди поймут основу своего «я», самоидентифицируются, управлять, то есть манипулировать ими будет чрезвычайно тяжело».

«Люди не хотят быть манипулируемы, когда они имеют знания».

«Как управлять ими? Любое массовое управление подразумевает элемент манипуляции».

«Как жить, как управлять таким обществом, где все имеют равный доступ к информации, все имеют возможность судить напрямую, получать не препарированную информацию не через обученных правительством аналитиков, политологов и огромные машины спущенных на головы СМИ, которые как бы независимы, а на самом деле, мы понимаем, что все СМИ все равно заняты сохранением страт?»

Таким образом, Г.О. Греф публично оскорбил всё население страны. он, по существу, в этой речи пропагандировал идеологию нацизма, идеологию, которая была господствующей в Германии во времена Гитлера. И при этом против него не было возбуждено уголовное дело, более того, после этого выступления он уже 9 лет продолжает оставаться на верхних этажах власти в России!!!

Пятое. Автор этой статьи — инженер по ракетным двигателям, выпускник Московского авиационного института. Поэтому я обращаю особое внимание на то, что происходит в России в аэрокосмической области.

Авиационными разработками в России (тогда еще в Советском Союзе) руководили всемирно известные авиаконструкторы А.Н. Туполев, А.С. Яковлев, С.В. Ильюшин, П.О. Сухой и др. Космос начинал осваиваться под руководством

блестящих инженеров, академиков С.П. Королева и В.П. Глушко. К стати, С.П. Королев, например, был выпускником МГТУ им. Баумана (тогда МВТУ).

А что сегодня? Сегодня государственной корпорацией «Роскосмос» руководит Д.О. Рогозин, журналист по образованию. Научно-техническими разработками в области авиации занимается ПАО «Объединенная авиастроительная корпорация». Председатель Совета Директоров этой компании — А.Э. Сердюков, выпускник Ленинградского института советской торговли, а генеральный директор — Ю.Б. Слюсарь, по образованию юрист, кандидат экономического наук.

ПАО «Аэрофлот» с 2009 года по ноябрь 2020 года возглавлял генеральный директор В.Г. Савельев, выпускник Ленинградского политехнического института, т.е. один из немногих реальных специалистов. Но вот в ноябре 2020 года он стал министром транспорта РФ, а на его место — место генерального директора ПАО «Аэрофлот», назначен М.И. Полубринов, выпускник Московского финансового института, кандидат экономических наук.

Итак, сегодня время специалистов в России прошло, наступило **время менеджеров**, страна превратилась в театр фантастического абсурда. И сегодня России совершенно необходимо выбираться на дорогу Разума.

Нелегитимная Конституция

Сегодня в России часто слышится утверждение: нашей стране нужна сильная президентская власть. Быть может, кто-то из российских граждан, читающих эти строки, задумается над следующим вопросом. А что предпочтительнее: иметь в стране сильную президентскую власть или высокий уровень жизни?

Давайте разберемся, чем же определяется уровень жизни и, вообще, состояние страны? На мой взгляд, тремя важнейшими факторами:

1. Моральным, культурным, образовательным, интеллектуальным уровнем населения.

2. Природными богатствами страны: её территорией, полезными ископаемыми, энергоресурсами, лесными богатствами и т.д.

3. Эффективностью государственной машины, её устройством, людьми, которые стоят во главе страны.

Я считаю, что с первыми двумя факторами дело в России обстоит благополучно. В самом деле, хорошо известен тот огромный вклад, который интеллектуальная элита да и вся

Россия в целом внесла в мировую цивилизацию — и в области науки, и в области искусства и т.д. Россия занимает первое место в мире по величине территории, является одной из богатейших стран по запасам полезных ископаемых, энергоресурсов и т.д. Но бедные люди в богатой стране — как же такое возможно? Так вот: низкий уровень жизни населения, неблагополучие России обусловлены низкой эффективностью государственной машины. Наверно, можно даже сказать, что Россия живет и развивается не благодаря, а вопреки государственной машине, вопреки власти.

Государственное устройство страны основано, в первую очередь, на действующей Конституции. Так вот, я сразу выскажу парадоксальное, на первый взгляд, утверждение: сегодняшняя Конституция России — это мощнейший инструмент разрушения Российского государства. Весьма вероятно, что кому-то это утверждение покажется странным, несправедливым и даже крамольным. Поэтому я обосную его подробнее.

Нынешняя Конституция РФ обладает множеством принципиальных пороков. Я скажу здесь только о некоторых основных. Начну с того, что сегодня, по существу, является в России основой государства, — с президентской власти.

Опыт мировой истории (да и российской тоже) уже давно показал, что любая монополия — в бизнесе, в экономике, в СМИ, во власти — всегда, в конечном счете, приводит к отрицательному результату, а порой и к катастрофе. Но в нашей стране этот опыт категорически отвергается, и мы вновь и вновь с невероятным упорством встаем на те же грабли.

По действующей сегодня Конституции президентская власть характеризуется, прежде всего, тремя чертами. Во-первых, эта власть монополярная, абсолютная, безграничная. Во-вторых, она несменяемая. И, в-третьих, эта власть осуществляется в атмосфере полного отсутствия критики, во всяком случае, в центральных СМИ.

Так, президентской власти посвящена глава 4 действующей Конституции РФ. Если обнажить смысл и коротко сформулировать данную главу Конституции РФ, состоящую из 14 статей, то это можно сделать двумя фразами: «Президент имеет право на всё. Никто в России не имеет права критиковать президента или ставить под сомнение его решения».

Сравним эту ситуацию с той, которая имеет место, скажем, в США. Вряд ли кто-либо станет отрицать, что президент США — весьма влиятельная фигура, причем не только в самих США, но и во всём мире. Так вот, в США президент представляет кандидатуры на большее количество высших

должностей в стране. Но затем эти кандидатуры должен утвердить Сенат. В настоящее время процедуру утверждения на высшие государственные должности в стране в каждой администрации проходят в Сенате США 1200—1400 человек. При этом из числа представляемых президентами кандидатур Сенат отклоняет до 15% претендентов.

Надо признать, что после внесения поправок в нашу Конституцию в 2020 году заметно расширился список должностей, кандидаты на которые президент должен согласовывать с Государственной думой или Советом Федерации. Это расширение относится даже к должностям, на которые президент не производит назначение сам, а представляет для назначения кандидатуры в нижнюю или верхнюю палату парламента.

Однако, к сожалению, всё это расширение — фикция, пустая формальность, слова на бумаге — не более того. В самом деле, члены Совета Федерации России не избираются населением, а назначаются президентом (напомню, что сенаторы США избираются). С Государственной думой у президента тоже нет проблем. Действительно, если вдруг случится невероятное, и Государственная дума решится возражать президенту, то, например, при назначении председателя правительства президент может распустить Госдуму и назначить своего кандидата.

В самом деле, пункт 4 статьи 111 Конституции РФ гласит: *«После трехкратного отклонения представленных кандидатур Председателя Правительства Российской Федерации Государственной Думой Президент Российской Федерации назначает Председателя Правительства Российской Федерации. В этом случае Президент Российской Федерации вправе распустить Государственную Думу и назначить новые выборы»*.

Итак, согласно Государственная дума или нет — президент, в соответствии с Конституцией, в любом случае назначает своего кандидата в премьеры. Ну, какая Государственная дума будет отклонять кандидатуру председателя правительства, т.е., по существу, принимать решение о собственном роспуске?! Обнажая подлинный смысл статьи 111, я переписал бы её следующим образом: «Государственная Дума имеет право утверждать предложенную Президентом кандидатуру Председателя Правительства Российской Федерации, но не имеет права отклонять эту кандидатуру».

Я иногда задаю себе вопрос: а был ли в России хоть один случай, когда В.В. Путин (за всё время своего правления) решил кого-то назначить на высокую государственную должность, но, после критики в парламенте или в СМИ этот че-

ловека не был назначен? Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что такого случая не было ни разу.

Чем же объясняется подобный феномен? Я полагаю, что существуют два и только два варианта объяснения. Объяснение первое: в России сегодня идеальный президент, который никогда не ошибается и всегда принимает идеально правильные решения. Объяснение второе: в России сегодня что-то не в порядке с государственным устройством, а президент России полностью выведен из зоны критики.

Так вот, я всё же склоняюсь ко второму варианту. И это очень печально. Выведение людей высшей власти из зоны критики было одной из важнейших причин краха Советского Союза, и нечто подобное может повториться.

О диктаторских полномочиях президента говорит и статья 93 Конституции РФ, в которой рассматривается процедура импичмента. На самом деле, в соответствии с этой статьей, импичмент вообще практически невозможен. Действительно, решение об импичменте принимается Советом Федерации после выдвижения обвинения Государственной думой. Но, во-первых, сами члены Совета Федерации не избираются населением, а назначаются президентом РФ. Во-вторых, Совету Федерации ничего и не надо делать, ибо, в соответствии с этой статьей Конституции РФ, если Совет Федерации в течение трех месяцев после выдвижения обвинения не примет решение, то обвинение против президента РФ считается отклоненным.

О несменяемости президентской власти говорит, после внесения поправок в 2020 году, п.3.1 статьи 81 Конституции. По этой статье действующий ныне президент может избираться вновь без учета тех сроков, в течение которых он правил до внесения поправок. Но как только закончатся следующие два срока, можно опять, по этой логике, внести новые поправки, обнулить предыдущие сроки и так до бесконечности.

Каждый раз, когда российский трон занимал очередной вожьд, все официальные СМИ истерично-восторженно кричали, что альтернативы ему нет, что никто не сможет править страной лучше него. В конце прошлого века, когда Ельцин, растоптав Конституцию и расстреляв парламент России, «блестяще» разваливал страну, все официальные СМИ писали и говорили о нём то же.

Великолепно ответил на это известный российский кинорежиссер Станислав Говорухин. В одном из интервью он сказал: «Посмотрите в окно. Видите, по улице идет случайный прохожий. Вот если его поставить президентом России, он будет лучше Ельцина».

Итак, в действующей Конституции России краеугольным камнем государственного устройства страны является неограниченная, диктаторская власть президента.

Существовала ли в истории такая форма власти? Да, и притом неоднократно и не только в нашей стране. И история неоднократно показывала, что такая власть всегда, в конечном счете, приводит к краху. Да, правда, можно заметить, что при сильном и умном лидере (какие в истории России и всего мира были чрезвычайно редко) такая власть может дать положительный эффект, но даже при таком лидере в лучшем случае этот эффект может быть лишь кратковременным. В долговременной же перспективе, в конечном счете, такая власть всегда приводит к разрушению и краху и самой власти, а порой и всего государства. Один из ярких примеров такого краха — Наполеон, который правил Францией 15 лет — с 1799 по 1814 год.

В Конституции СССР была статья 6, которая гласила, что руководящая роль в стране априори принадлежит Коммунистической партии. При этом страной правили генеральные секретари ЦК КПСС, сокращенно — генсеки. Генсеки были даже не просто властителями, но и полновластными хозяевами страны.

Все СМИ страны истошно кричали, что народ и партия едины, что в стране существует самый передовой в мире строй. И что же? Итог всем известен: в 1991 году страна с треском развалилась.

И вот сегодня в России создана и даже закреплена в Конституции монополярная власть с неограниченными полномочиями. И совершенно неважно, что теперь лидер страны называется не генсеком, а президентом, что структуры власти изменили свою форму, — сущность осталась прежней. Итак, мы с фантастическим упорством вновь и вновь встаём на те же грабли. И можно не сомневаться, что даже при идеальном лидере результат будет прежний.

Обращу внимание на одну серьезнейшую, тяжелейшую проблему, которая существует сегодня в России. Проблему эту пытаются замалчивать, но прятать голову в песок бессмысленно, решать проблему рано или поздно неизбежно придется. И лучше раньше, чем позже. Проблема эта заключается в следующем. В России существует действующая Конституция, но эта Конституция не только обладает принципиальными пороками, она еще и нелегитимна, она на самом деле не принята законным путем! Поясню это подробнее. Главное действующее лицо здесь — первый президент России Б.Н. Ельцин. Результаты его правления катастрофич-

ны — он развалил Советский Союз, разорил Россию, её экономику, погрузил страну в полный хаос, ограбил почти всё население России. При этом он неоднократно нарушал действовавшую в то время Конституцию. Съезд народных депутатов России, который в то время был высшим органом законодательной власти в стране, сопротивлялся преступной политике Ельцина, критиковал его, предлагал иные варианты реформирования экономики и страны в целом.

Но первый президент России, искажая действительность, перекладывал ответственность за катастрофические результаты своего правления именно на Съезд народных депутатов. И вот Ельцин, растоптав законную Конституцию (что, кстати, было признано Конституционным Судом России), издал 21 сентября 1993 года преступный Указ № 1400 о роспуске Съезда народных депутатов, а затем расстрелял парламент. Кстати, он в это время уже не был законным президентом, ибо ему, в соответствии с решением Конституционного Суда, был объявлен импичмент.

Далее, ельцинская команда подготовила проект новой Конституции. В этой Конституции содержатся десятки статей так называемого непрямого действия, когда правовые нормы определяются не статьей Конституции, а федеральным законом, на который ссылается эта статья. Кстати, после принятия поправок в Конституцию в 2020 году, количество статей непрямого действия в ней увеличилось.

Статьи непрямого действия появляются в Конституции в двух случаях: когда авторы текста не знают, как прописать данную правовую норму или когда авторы намеренно хотят оставить огромную возможность для произвольного толкования Конституции, ибо федеральный закон может быстро приниматься или меняться парламентом без всяких проблем.

Кстати, авторами текста Конституции 1993 года были доктор юрических наук (так и хочется сказать: квазидоктора) С.С. Алексеев, А.А. Собчак и С.М. Шахрай. А первый автор был еще и членом-корреспондентом Академии наук СССР, председателем Комитета конституционного надзора СССР, народным депутатом СССР.

Таким образом, если иметь в виду наличие статей непрямого действия, можно сказать, что в России, в определенном смысле, вообще отсутствует Конституция, а есть только перечень федеральных законов (некоторые из которых еще даже не приняты), которые должны определять конституционные нормы.

Часто приходится слышать, что эта Конституция была якобы принята народом России на референдуме. Это не так!

Если открыть Конституцию, то на первой странице можно прочитать: «...принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.». Неискушенному в юриспруденции человеку может показаться, что референдум и всенародное голосование — это одно и то же. Отнюдь!

По статье 35 Закона о референдуме 1990 года, действовавшего в то время в России, Конституция (или её изменения и дополнения) считается принятой на референдуме, если за нее проголосовало более половины граждан страны, внесенных в списки для участия в референдуме (т.е. имеющих право голоса). И, кстати, эта норма полностью соответствует общепринятым международным стандартам. Однако, понимая, что такого результата он никогда не получит, Ельцин сделал филологическое изобретение — ввел так называемое «всенародное голосование» (такого не было по закону), по которому Конституция принимается большинством голосов от числа пришедших голосовать.

Кстати, именно эта абсурдная норма включена в статью 135 новой Конституции. И, ко всему прочему, в новой Конституции статья 135 противоречит статьям 3 и 32. В самом деле, в статье 3 говорится, что «высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы». Говорится о референдуме и в статье 32. А в статье 135 никакого референдума нет, Конституция принимается так называемым «всенародным голосованием», о нормах которого уже говорилось выше, или даже без всякого народного голосования двумя третями голосов от общего числа членов Конституционного Собрания.

Большинство от принявших участие в голосовании в декабре 1993 года якобы проголосовало «за». На самом же деле, даже это не так! По многим сведениям, результаты голосования сфальсифицированы, и, чтобы скрыть эту фальсификацию, председатель Центральной избирательной комиссии Н.Т. Рябов засекретил или уничтожил протоколы результатов голосования по регионам. Подведем итоги:

1. Протаскивая эту Конституцию, Ельцин уже не был законным президентом.

2. Но даже если бы он был законным президентом, он не обладал правом назначать референдум, такое право по действовавшей в то время Конституции имел только Съезд народных депутатов РФ.

3. Вместо референдума было назначено так называемое «всенародное голосование», и Конституция была якобы принята всего одной четвертью населения России, имеющего право голоса.

4. Но даже и эти результаты были сфальсифицированы.

5. Одновременно с «всенародным голосованием» по Конституции были проведены выборы в Государственную думу, которой вообще не существовало по действующей в то время Конституции!

Остановлюсь теперь на поправках, которые были внесены в Конституцию в 2020 году, вокруг которых в российских СМИ была развернута шумная рекламная кампания, о которых говорили и писали с восторгом и пиететом. Эти поправки можно разбить на три основные категории.

1. Поправки вполне разумные и деловые. Сюда относятся, прежде всего, поправка, говорящая о том, что международные договора теперь не стоят выше российских законов (статья 15), и поправка о запрете государственным деятелям иметь двойное гражданство или вид на жительство, а также о запрете открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации. Конечно же, такие поправки совершенно необходимо было принять, и некоторые общественные деятели с восторгом говорят о том, что это наконец сделано. Я же считаю необходимым поставить вопрос иначе. Как такие бредовые правовые нормы, разрушающие российское государство, вообще могли существовать в правовой системе нашей страны?!

Да, эти нормы были введены в декабре 1993 года (повторюсь — не приняты законно, а именно введены) при Ельцине, который предал и разрушил нашу страну. Но с 2000 года, вот уже двадцать лет, Россией правит не Ельцин. И что же, за всё это время никто из высшей власти страны — ни президент, ни депутаты Государственной думы, ни члены Совета Федерации, ни члены правительства, ни судьи Конституционного или Верховного суда — никто не обратил внимания на существование этих бредовых правовых норм, разрушающих страну?!

А ведь поистине, как говорил Мольер, «Мы ответственны не только за то, что делаем, но и за то, что не делаем». Так что пора поставить вопрос об ответственности высших руководителей России за существование таких правовых норм в течение целых двадцати лет!

2. Поправки вполне разумные, но совершенно не соответствующие статусу Конституции — Основного Закона страны. Каждая из этих поправок достойна просто отдельного закона, но не Конституции. Эта категория поправок наиболее многочисленна, поправки эти психологически привлекательны и рассчитаны на то, чтобы избиратели более заин-

тересованно отнеслись к голосованию, пришли на избирательные участки и проголосовали за все поправки в целом. Сюда можно отнести, например, поправки об индексации пенсий, о защите животных, о защите русского языка и т.д.

Если все эти правовые нормы (в целом вполне разумные) определять по всем сферам жизни не отдельными законами, а Конституцией, то Конституция (Основной Закон страны) будет иметь объем многие тысячи страниц. Как ни серьезна рассматриваемая здесь тема, скажу, что по поводу этих поправок в стране уже даже появились анекдоты. Ну, например, такой: требую записать в Конституцию, чтобы в каждом магазине торговой сети «Пятерочка» постоянно работали все три кассы.

3. Поправки абсолютно неприемлемые как с точки зрения права, так и с точки зрения здравого смысла.

Сюда относятся, прежде всего, поправка о том, что неприкосновенностью (т.е. неподсудностью) обладает не только действующий президент, но и президент, прекративший исполнение своих полномочий, и знаменитейшая поправка придворного общественного деятеля, космонавта, депутата Государственной думы Валентины Терешковой о возможности для действующего президента, который уже правил страной четыре срока, избираться еще на два срока.

Итак, как же принимать новую легитимную Конституцию? По статье 135 нынешней действующей нелегитимной Конституции для разработки и принятия новой Конституции созывается, в соответствии с федеральным конституционным законом, Конституционное Собрание. (Кстати, эта статья непрямого действия.) Однако в России нет не только Конституционного Собрания, но и даже закона об этом Собрании. Уже много лет стоит вопрос об этом Законе. Законопроект о Конституционном Собрании неоднократно вносился на рассмотрение Государственной думы, но так и не был принят.

Но, кстати, я считаю, что сама идея Конституционного Собрания принципиально нежизнеспособна, и совершенно не нужно ни разрабатывать, ни принимать закон об этом Собрании, ни созывать это Собрание.

В самом деле, новая Конституция будет полностью зависеть от состава этого Собрания. Так по какому же принципу должно формироваться Конституционное Собрание? Это совершенно не ясно, и достичь согласия по этому поводу в обществе и в политических сферах практически невозможно. Если Собрание будет создано, то все места в нем займут придворные общественные деятели типа Валентины Тереш-

ковой. И это Собрание ничего не будет разрабатывать, оно восторженно одобрит всё, что будет разработано и представлено чиновниками администрации президента. Именно так всё и произошло совсем недавно в Рабочей группе по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию. В этой Рабочей группе всё было одобрено и принято без всякого критического анализа, иначе прозвучала бы хоть часть из того, что я сказал о Конституции выше.

Что же делать? Я полагаю, что нам надо принять следующий вариант выхода из тупика. Избегая революционных переворотов и потрясений, давайте жить пока по действующей нелегитимной Конституции и не будем её нарушать. Но надо предложить каждой парламентской партии подготовить свой проект Конституции. И затем, после всенародного обсуждения в течение как минимум 3-4 месяцев и внесения поправок, эти несколько вариантов проекта Конституции выносятся на референдум. Если на референдум будет вынесен не один, а несколько вариантов проекта Конституции, то люди с гораздо большей вероятностью будут внимательно читать эти варианты, прежде чем голосовать.

Тот или иной вариант будем считать принятым, если за него проголосовало более половины избирателей, имеющих право голоса. Если же ни один из вариантов не получит в первом туре достаточного числа голосов, то проводится второй тур, на который выносятся два варианта (а, быть может, один), которые получили наибольшее число голосов.

Россия должна, наконец, получить возможность жить по нормальной легитимной Конституции, принятой не кулуарным путем, а всем народом страны на настоящем референдуме, проведенном по нормальным правовым нормам!

ВЕНЧАНИЕ В ПЕСКАРЯХ

(История одной любви)

РАССКАЗ

1

Моя мать Анна Трофимовна Стрешнева, вышла замуж, когда мне был уже год и меня звали Ваня Стрешнев. Мать не вышла, а как ехидно говорили на хуторе, выскочила за весёлого хлопца, хуторского тракториста Егорку Пудова, который, вроде бы шутя, посватался к матери. Она посмеялась и тоже, вроде бы в шутку, согласилась. И свадьбу гуляли, как бы шутя, пьяно, озорно, с песнями, с матерными частушками, с криками «горько!» и, конечно, с ряжеными и катаньем тёщи на тачке. И купаньем пьяных гостей в речке....

Через месяц после свадьбы Егорка усыновил меня, и я стал зваться Иваном Егоровичем Пудовым.

Второй раз меня усыновил мой настоящий отец, генерал Игорь Тихонович Каданцев, когда мне было уже за пятьдесят, а отцу под семьдесят. И меня записали Иваном Игоревичем Каданцевым. Но я большую часть жизни, еще со студенческих лет, жил и работал, как скульптор, под псевдонимом Иван Пескарев, по имени нашего хутора Пескари. Это имя

ПРОЗА

позднее я закрепил официально в паспорте и больше не собирался менять даже при усыновлении.

Фотография настоящего отца стояла в нашем доме на трюмо в деревянной рамочке. Мать принципиально не убрала ее после замужества, и сказала Егорке вызывающе ласково:

— Он тут никому не мешает!

Маленький и глупый, я спрашивал:

— Это кто?

Мать отвечала строго:

— Это твой отец.

Я опять бестолково спрашивал:

— А папа Егор кто?

Мать еще строже повторяла:

— И папа Егор твой папа!

Так с раннего детства в моем сознании жили два отца. Рядом папа Егор и, который в рамке на трюмо, папа Игорь.

Когда я научился читать, разобрал по слогам надпись на обороте фотографии: «Моей невесте, дорогой и ненаглядной Анечке. Жду, считаю дни и часы нашей свадьбы. Не потеряй обручальные кольца! Целую тебя в ушко. Твой рыцарь Игорь Каданцев».

Я внимательно всматривался в фотографию. На меня прямо в упор с улыбкой, как-то не по-отцовски, смотрел красавец в военной форме курсанта, в круглой фуражке со звездой, схваченный в талии широким ремнем с золотой бляхой.

В голове роились вопросы, я всё настойчивее приставал к матери: кто наш отец, где он живет, и почему не едет домой? Но матери всегда было некогда, и она отмахивалась:

— Отлепись! Вырастешь, узнаешь!

Я не мог ждать, пока вырасту. Шёл к бабушке Матрёне, которая жила в летней кухне. Бабушка любила меня, крепко обнимала большими руками, долго целовала мои щеки, уши, затылок, вытирала подолом глаза и, всхлипывая, говорила:

— Драгоценный, золотой! Разнесчастный и разлюбезный, никому ты не нужен, кроме бабушки. Садись рядом, кушай леденцы прямо из банки. Расскажи, как тебя гнобит этот вертихвост Егорка...

— Он не гнобит...

— Ага, жалеет! Портки вон обтрепались, сандалики худые. Мороженова дитё не дождется, хорош отец!

— Он, бабушка, не совсем плохой. Просто у него денег нету, но он меня и без денег любит...

Бабушка безнадежно вздыхала и говорила без всякой злости.

— Он, Иванка, всех любит. Есть порода такая, липучая. Прилип кобель к твоей мамке, холера не берет. Любит всех,

кто наливает да слушает его побрехоньки. Речист анекдоты рассказывать. Артист из погорелого театра. Нюрке, доченьке, не такой нужен... Был жених, наш хуторской, офицер из Красной армии. Там в городах быстро нашлась вертихвостка стриженная, окрутила его и силком женила на себе. А парень-то был красивый, разумный, с Нюрой вместе в школу ходили. Он любил ее страсть как. Придет, бывало, к нам во двор, сядет на скамеечку и ждет, когда Нюра выйдет. Чистый, подстриженный, белая рубашечка застегнута на все пуговицы и глаза очень выразительные, терпеливые. Увидит меня и говорит отчетливо:

— Бабушка, я хожу к вашей Ане за ее прекрасный характер...

И краснеет прямо на глазах, уши малиновые, а руки по швам, как у офицера. Умирал за ней. А видишь, что вышло? Выпал Егорка Пудов! Это она из-за своей разнесчастной любви, отчаявшись, сигнула замуж. Отчего так, Иванка? Любят красивых, а женятся на стриженных и кривоногих? И у царей так бывает. Ещё в Писании говорилось, что и пророки женились на блудницах. И ученые люди попадают на мякине, и нынешние богачи женятся в недоразумении. Ты, Иванка, слухай меня, делай, как я тебе скажу. И Господь поможет.

Бабушка целовала меня, давала с собой кулечек с леденцами и шептала в ухо:

— Мамке не говори, об чём мы тут печаловались, знаю, взбрыкнёт, кровинушка моя...

Не помню многие бабушкины разумные наставления, но помню этот неотразимый совет в любом семейном разговоре, особенно в споре:

— Ты делай, как я тебе скажу, и Господь поможет!

Бабушка Матрёна так и умерла, не смирившись с несчастным замужеством своей Нюрки. Вскоре после смерти бабушки Егорка сам развязал семейный узелок. Зимой на дальней рыбалке Егорка провалился на неокрепшем льду. Его друг и напарник, развёл в пустой овчарне костерок, всю ночь сушил задубевшую амуницию и усиленно согревал товарища водкой. Домой Егорка вернулся на другой день, весь в огне, с крупозным воспалением лёгких. Через неделю похоронили весёлого Егорку на хуторском погосте.

2

Две смерти, одна за другой, сильно изменили поведение матери, повлияли на ее характер и на отношение ко мне. В её густых тёмных с оттенком каштана волосах появилась седи-

на, в уголках губ обозначились скорбные скобочки. Она стала строже, молчаливее. Работа дояркой на ферме в те времена была очень тяжелой, выносили только бабы. Всё на горбу, всё вручную. В грязи, в навозе, на сквознях. Доярки, молодые бабы, почти все болели бруцеллезом и ревматизмом. Заработки от надоев, а какие надои от беспородных красно-степных коровёнок? Слезы одни, молока чуть больше козы давали. Казалось, из этой ямы уже не выбраться, и мать, красавица, кровь с молоком, к тридцати годам стала увядать, как многие годы беспросветно увядали хуторские красавицы. В нужде, в безысходности. Но я еще не знал своей матери...

Когда заведующую фермой проводили на пенсию, председатель колхоза наметил на её место мою мать. Вечером приехал к нам домой сообщить об этом. Я хорошо запомнил эту встречу.

3

Председатель Аким Борисович Кукса был крёстным отцом моей матери, всячески покровительствовал крестнице. По праздникам приезжал с подарками, долго сидел за столом, с аппетитом выпивал вишнёвую наливку и шумно рассказывал районные новости.

Коротко скажу об этом человеке, сыгравшем большую роль в нашей судьбе. Он был единственным из руководителей хозяйств в районе, не имевшим не только высшего образования, но даже школьного среднего. После войны закончил четыре класса начальной школы. И пошёл в бригаду, в прицепщики, чтобы прокормить двух меньших братьев и двух маленьких сестёр, сироток. Отец Акима погиб под Сталинградом, мать рано умерла от какой-то врожденной болезни. Аким стал кормильцем в двенадцать лет. Он был весёлым и понятливым хлопцем. Очень разумно управлялся по дому. И борщи варил, и стирал, двух поросят и десяток кур кормил. Обувал-одевал ребят. Да ещё в огороде всё успевал. И ребят приучил по силе-возможности помогать ему.

В армию Акима не взяли, понятно, иждивенцы на нём. Председатель колхоза обрадовался, и сразу назначил его бригадиром комплексной бригады. Это тот же колхоз, только чуть поменьше. Громоотвод для председателя. Власти никакой, а каждой бочке затычка. Свадьбы, похороны, драки в семьях, проводы в армию — идут к нему, к бригадиру. Помогли, разреши, посоветуй что-нибудь!

И начал, было, Аким помогать и встречать. Прибежала среди бела дня жена молодого тракториста в разорванной кофте, с синяком под глазом. Кричит-голосит:

— Аким, заступись! За топор взялся, окаянный! Зови скорей милицию!

Вызвал бригадир милицию. Посадили дурачка на пятнадцать суток. А на другой день жёнка пришла к начальнику милиции и написала на Акима заявление, что муж и пальцем её не тронул, Аким оговорил его. «Отпустите хозяина, он не виноват!»

И еще не один, и не два раза обжёгся молодой бригадир, спеша на помощь. С годами поостыл, поуменел и обкатал для себя спасительную линию поведения. Он слушал каждого, участливо кивая головой и умно моргая зелёными глазками. Вроде бы поддерживал, вроде бы сочувствовал, вроде бы обещал что-то. И ничего не делал. В правильности такого метода укрепил его и старый колхозный бухгалтер. В порядке обмена опытом.

— Я тридцать лет работаю в этом кубле. Открою тебе, как молодому, секрет. Он заключается в выдержке. Без знания этого механизма сгоришь на работе, как мотылек. Каждый день в бухгалтерию спускают директивы. Из области, из района. Большие и маленькие начальники шлют письма с печатями и приписками: подготовить отчёт или справку срочно до такого-то числа. Штук по пять-шесть писем каждый день. Успею я составить справки и отчёты срочно и каждому? Нет, не успею, даже если посажу на это весь штат бухгалтерии, шесть единиц. Как я справляюсь? В столе пять ящиков. Открываю первый ящик и кладу полученные за день письма, не читая. На второй день перекладываю письма во второй ящик. А в первый кладу новую почту. И так до пятого ящика. Из тридцати полученных за неделю писем напоминание приходит только на два-три. Значит, это нужно, значит, горит. Я сразу же делаю отчёт и отправляю точно в срок. Про остальные письма никто не напоминает. Значит, не нужно. Значит, не горит. В конце года сдаю в макулатуру, центнера полтора-два ненужных бумаг с печатями. Кроме того, сильно облегчаю себе жизнь. Большое это дело, выдержка, парень!

С годами жизненные университеты так обкатали бригадира, что он стал авторитетом в районе, даже для специалистов с высшим образованием. Авторитеты всегда в цене. На отчётно-выборном партийном собрании Акима рекомендовали избрать секретарем парткома. Проголосовали единогласно. Он стал большим начальником с «газиком» и личным водителем.

Аким помнил завет старого бухгалтера. И сильно удивлялся, как оно выходит. Стараешься изо всех сил — появляется множество маленьких и больших неподвижных пре-

пятствий, дело затягивается, а зачастую срывается, и тебя костыляют со всех сторон. Проявляешь выдержку и облегчаешь себе жизнь.

Секретарь парткома Аким Борисович Кукса помнил о выдержке и всегда поддакивал начальству, внимательно выслушивал недовольных колхозников, и как бы сопереживал, участливо и умно моргая. Ничего не обещал. Но странное дело! Множество проблем, «вопросов», «задач» и недоразумений вокруг него разрешались как-то сами собой, рассасывались, испарялись. Чудес не бывает. Он, конечно, влиял. Незаметно, непонятно. Тихой сапой, молча. Не зря к нему прилепилось, приросло прозвище Понтифик.

Но и Понтифик попал впросак! Да так попал, что, казалось, ставь жирный крест на всей трудовой биографии. На бюро райкома вынесли вопрос о недостатках парткома колхоза в проведении зимовки на свиноферме. Из-за крупного падежа. Дело в общем обычное. Свиньи и поросята на ферме дохли раньше, дохнут сейчас и будут дохнуть завтра. Там, где много свиней и мало кормов, они обязательно должны дохнуть. Конечно, члены бюро райкома задали бы Понтифику наводящие вопросы, покричали бы, пожурили по-отечески. И в итоге поставили бы на вид. И всего-то делов!

Но Понтифика чёрт за язык дёрнул! Он вдруг сказал горячую речь, которая была бы уместна на пьянке в лесу, но не в райкоме перед членами бюро.

— Товарищи, зачем вы ковыряетесь в скотомогильниках? Скотомогильник в Парахиной балке существует со времен моего прадедушки, то есть, на протяжении всей советской власти. И падежи от естественной смерти в колхозе случаются каждый год. Разве дело парткома следить за каждым хрюком или свиноматкой? Скотина живёт и умирает от естественных причин, как и человек. Обеднело государство от падежа на нашей ферме? Нет, не обеднело! Согласно диалектическому материализму, оно, наоборот, богатеет. Поглядите, какое государство придумал Владимир Ильич! Кругом на заводах и нивах несут и воруют днем и ночью. Даже в детских садиках и яслях. Даже в вооруженных силах. И пропивают уже сколько лет! И грабят, и ломают... А оно, родное наше, растёт, пухнет, как на дрожжах! Несмотря на падежи и скотомогильники...

Председательствующий замахал руками, как от залетевшей осы и, заикаясь то ли от смеха, то ли от удивления, произнёс вопросительно:

— Может, его прямо сразу.. Исключить, пока не поздно?

— Исключить! — Коллективно и как-то с облегчением выдохнули товарищи. — И снять с работы!

И пропал было казак! Пропал для районного партхозактива! Руки голосующих дружно поднялись над головами. И уже нет спасения...

Но судьба крепко хранила Понтифика.

— Вы не можете меня исключить из партии и снять с работы!

Приговорённый выкрикнул это в лицо своим товарищам весело и озорно.

— Партбилет на стол! — строго сказал Первый.

— У меня нет партбилета.

— Дома забыл?

— У меня сроду не было никакого партбилета. Я беспартийный!

Такой тишины никогда ещё не было в райкоме.

Первый заметно нервничал и удивленно глядел на членов бюро, на заведующего орготделом.

— А как же.... Как же тебя избрали? Как работал два года?

Понтифик застенчиво пожал плечами.

— Избрали единогласно, я подчинился партии. Вреда никакого. Я, честно сказать, и не работал, только взносы собирал...

— Взносы собирал, — как бы в своё оправдание вставил заворготделом.

За большим столом осторожно захихикали, заулыбались. Гроза миновала, Понтифик стал героем. Теперь о нём говорили повсеместно, случай на бюро райкома пересказывали, как анекдот. Байка о беспартийном секретаре дошла до обкома, до Москвы. Там в высоких кабинетах ехидно спрашивали местных руководителей:

— Это у вас там беспартийные руководят партией?

А через время в райкоме вспомнили о безработном Понтифике. Теперь тот же Первый сказал на планерке:

— В Пескарях давно стоит вопрос о новом председателе колхоза. Как вы знаете, предложений много, а реально рекомендовать некого. Я предлагаю Аким Борисовича Куксу.

Все дружно засмеялись. Первый стукнул кулаком по столу.

— А мне, любезные, не до смеха! В обкоме откровенно говорят: ты не ищи в председатели среди шибко грамотных, спецов с дипломами да званиями нынче хоть пруд пруди. Ты выдвигай вожаков из народа, чтоб свой был. Чтоб на языке народа разговаривал. Самородков выдвигай, даже без образования. Вот Аким и есть самородок! Если он секретарём парт-

кома стал без партбилета под носом у нас у всех, то это говорит о его творческой природе. Предлагаю принять Понтифика, тьфу! Акима Борисовича в партию и рекомендовать его председателем пескарёвского колхоза.

4

Я случайно нашел эту тетрадку в нижнем ящике трюмо под старыми открытками, письмами и фотографиями. В тетрадке были переписанные от руки популярные в свое время песни. И высказывания известных писателей и ученых о любви и дружбе. Обычные девчоночьи увлечения и мечты. Но в середине тетрадки были записки матери! Записки об Игоре Каданцеве. Меня даже в жар бросило от неожиданного свидетельства о моих родителях. Привожу эти замечательные записки полностью.

«Прощай, школа! Хочется сказать «Ура!» Но на душе как-то пусто и тревожно. Завтра разбежимся кто куда, и останутся только воспоминания о самых счастливых годах в нашей старенькой деревянной школе. О нашей классной руководительнице, милой и любящей нас Валентине Григорьевне. Будет ли еще в жизни что-то дороже и значительнее, не знаю. Но меня не покидает чувство большой потери... Прощай, школа!

Вчера Игорь наконец объяснился в любви. Он готовился к этому так долго и трудно, что я уже боялась, хватит ли у него смелости. И хватит ли у меня тогда решимости объясниться первой. Как он мучился, пока не нашел подходящий способ!

В тот вечер мы как обычно сидели на нашей лавочке в глубине сада, подальше от чужих глаз. Игорь был загадочно тих и задумчив.

— Я хотел тебя попросить, только не смейся... Забыл тебе сказать... Ты несколько раз отгадывала мои мысли. Точь в точь! Вот сейчас можешь сказать, о чем я думаю?

Я как-то уж очень откровенно обрадовалась и залилась счастливым смехом.

— Могу! Ты думаешь обо мне! Ты всегда думаешь обо мне! Потому что любишь меня, дурачок! Говори, говори сейчас! Сам говори!

И расплакалась, разревелась. Он испугался, и я увидела влюбленного! Он схватил меня в охапку и рычал, как самец, как зверь.

— Моя, моя! Люблю, люблю!

Ей-Богу, терзал, как добычу! Но как драгоценную добычу!

О женьтибе говорили потом, как о деле решённом и будничном.

Игорь поступил в Рязанское военное училище, и уже курсантом приехал в Пескари на летние каникулы. Военная форма как-то отчуждала его. Он сразу стал официальным, государственным. И голос стал тверже, внушительнее. От прежнего хуторянина остались только оттопыренные уши и две сосредоточенные вертикальные бороздки на переносице. Уже и бритва тронула юношеские щеки.

— А жениться курсантам разрешают? — спросила я простодушно.

Игорь улыбнулся понимающе и спокойно объяснил.

— Женитьба курсантов не одобряется командованием, особенно на первых курсах. Но в каждом отдельном случае пишется рапорт с объяснением причин. И начальник училища всегда дает добро. Я тоже через год напишу рапорт.

Я сказала тогда, что не хочу быть помехой в учебе.

— Не думай об этом, Игорёк. Мы с тобой фактически муж и жена. Дождемся твоего выпуска, распределения, тогда и пойдём в ЗАГС.

— Разумно, — сказал Игорёк.

На прощанье жених купил обручальные кольца и бережно поцеловал меня.

Это был последний поцелуй.

Финал был банален и безобразно прост. В течение полугода я еще получала от него письма, трогательные и любящие. Ведь чувства невозможно имитировать. Игорь был трогателен, чист, искренен. Замолчал он внезапно, без всяких причин. Я продолжала писать, приходили пугающие ответы: «Адресат выбыл». Отправила несколько телеграмм. Отчаявшись, поехала в Рязань. Добивалась встречи с начальником училища, но генерал уклонялся от встречи. На проходной меня отозвал в сторону сержант, однокурсник Игоря. Вот что он мне рассказал.

— Игоря перевели в другое училище, в Подмоскowie. Я видел ваши фото у Игоря и узнал вас... А Игорь попал... Вляпался в историю с генеральской дочкой. В общем, насильно женили его.

— Как же можно насильно женить?

— Ну, как у нас говорят, добровольно-принудительно... Я был вместе с Игорем на той новогодней вечеринке в доме начальника училища по приглашению дочки генерала Евы. Родители разрешили ей пригласить друзей. А сами были на вечере в Доме офицеров. Нас было пятеро курсантов и пять подружек Евы. На богатом столе икра, шампанское, водка. Было очень весело. Мы не делали ничего недозволенного. Не помню, как расхотелись, но Игоря с нами не оказалось. А

наутро узнали подробности. Родители Евы вернулись под утро и застали дочку в постели с курсантом. Генерал не стал поднимать скандал. Похлопотал, где надо, и перевел Игоря в такое же училище в Подмосковье. Перед отъездом быстренько зарегистрировали брак с Евой и отправили молодых на новое местожительства...

Сержант сильно смущался передо мной и чувствовал себя виноватым за пострадавшего товарища.

Я вернулась домой и проспала двое суток. Не страдала, не отчаивалась, сердце стучало ровно, в голове прояснилось. Я начинала новую жизнь, без Игоря. На ферму пошла с веселой и решительной безысходностью. Не могу забыть и по-прежнему люблю его, слабого, хорошего, ненадежного моего рыцаря...»

После этой исповеди у меня надолго сложилась стойкая неприязнь к далекому и незнакомому мне отцу.

5

С тех пор, как мать назначили заведующей фермой, а Понтифика избрали председателем колхоза, прошло много лет.

У матери на ферме произошли большие, даже невысказанные перемены. Однажды мать пришла к Понтифику в кабинет и бросила на стол заявление.

— Не хочу работать в этом гадюшнике! Стыдно перед людьми, перед доярками. Утопаем в навозе, в грязи. Никому нет дела. Яловых коров почти полстада, а списать, выбраковать не можем без разрешения из области. А план по надоям дается на всех. Зарплата — слезы одни! И руки связаны! То нельзя, это нельзя, всё нельзя! И виноват в этом ты, Аким Борисович!

— Подожди, погоди!

Понтифик испугался и стал заикаться. Он знал про «гадюшник» не меньше заведующей. Но и он, председатель, не мог своей властью выбраковать даже одну несчастную коровёнку.

— Где я тебе возьму холмогорских, высокоудойных! — огрызнулся Понтифик. — Дай подумать, кипяток-баба! Дай мне время подумать!

Долго думать не пришлось. Как говорил потом счастливый Аким, его озарило! Он пошел к доярке Клаве Каданцевой и попросил адрес брата.

— Понимаешь, Клаша, Негоже нам забывать земляков. Вот собираюсь в Москву и хочу провести Игоря Тихоновича.

Клава обрадовалась и попросила передать брату сала домашнего с чесноком, которое он любит. Нашла адреса, теле-

фон и наказала передать ему приветы от земляков, и от соседки Анны Трофимовны.

Понтифик нашел генерала Каданцева в военном министерстве, и долго сидел в его кабинете, рассказывал новости. Генерал слушал так внимательно, что не отвечал на телефонные звонки, и адъютант несколько раз вежливо напоминал, кто звонит.

Игорь Тихонович извинился, крепко обнял земляка и сказал:
— Вечером поедем ко мне на дачу, тут не дадут поговорить...

Так, чудесным образом, Понтифик оказался желанным гостем на генеральской даче. За столом с хорошей выпивкой и закуской.

— Рассказывай, дорогой земляк! Всё рассказывай! Мне каждое твое слово, как волшебная музыка.

Он, как хозяин, наливал, Понтифик, как гость, выпивал и рассказывал. Выпивал и рассказывал. Генерал слушал и наливал, Понтифик выпивал и рассказывал. Перетусовал, кажется, все хуторские и районные новости.

— Расскажи мне о сыне, — попросил генерал. — Как он выглядит? Что делает? Как живет?

— О! — сказал Аким уважительно. — Весь в тебя, очень самостоятельный. Всё сам, всё своим умом, своими руками. Скульптуры научился лепить, талант! Его памятники ставят и у нас, и в других городах. А живет богато. Поставил дом двухэтажный, рядом с родительским подворьем. Без потолков, чтобы скульптуры большие лепить. Мастерскую. Там и живет летом.

— А что обо мне говорит?

Аким замялся, но сказал правду.

— Недолюбливает тебя... Видно, за мамку, за старое...

— Это понятно, — вздохнул генерал. — Не за что меня любить. А Аня?

— Аня строгая. Я начальник, а её боюсь. Знаешь, как ее бабы кличут? НАША. «НАША на планерку зовет». «НАША приехала». У неё вокруг фермы цветы растут, и дорожки красным песком посыпаны. Не дай бог, если НАША окурочка на дорожке увидит! Порядок, как у вас в армии... Только ферма наша, турлучная, еще Сталина помнит. Меня НАША трясет, как грушу, а что я могу? Какие у меня ресурсы?

Захмелевший земляк почувствовал вдохновение, его понесло.

— Твоя сестра Клаша работает в говне и навозе! И твоя любовь Нюрка Стрешнева работает по колено в грязи. Весь хутор после дождей топнет в непролазных колеях и лужах. Зимой и летом в резиновых сапогах...

Понтифик вытер платком слезу. Он очень ярко живописал последний разговор с Анной Стрешневой и заключил патетически.

— Только она может спасти хутор! Это героическая баба! Ей только подсобить чуть-чуть. Тихонович, земляк дорогой, подсоби. Нюрка так и сказала: езжай прямо к Каданцеву и Расскажи ему всю правду.

— Так и сказала?

— Так и сказала!

— Ну что ж, — сказал генерал с улыбкой. — Я еще не забыл свой хутор.

Каданцев был депутатом Верховного Совета и хорошо знал земляка, председателя облисполкома, тоже депутата. Он рассказал ему суть дела и попросил помочь.

— Поможем, — коротко сказал земляк-депутат. — Скоро будем верстать титульный список новых объектов, включим и Пескарёвскую ферму.

Боже мой, как просто решаются проблемы в нашем отечестве!

Приехала в хутор комиссия из области, составила смету реконструкции фермы, нарисовала план с перечнем новых цехов и дополнительных помещений. Документы внесли в бюджетный план и... года не прошло, как в хуторе Пескарёве появилась молочно-товарная фабрика «Бурёнка». С сепараторным цехом, с лабораторией, складами готовой продукции. И полной механизацией корпусов. Но больше всего радовались доярки комнате отдыха с душем, туалетом и парикмахерской.

Фабрике отвели землю для кормопроизводства и завезли из Подмосковья двести черно-пестрых породистых коров с перспективой увеличения дойного стада, до тысячи голов. Учредили свою бухгалтерию и перевели фабрику на полный хозрасчет.

Это были уже новые времена и новая экономика. Еще через год фабрику приватизировали и зарегистрировали, как ЗАО «Бурёнка». Генеральным директором избрали Анну Трофимовну Стрешневу.

6

С годами Игорь Тихонович Каданцев стал всё чаще думать о бывшей невесте. Может ли она простить его? Даже через столько лет ему было стыдно вспоминать, как его поймали, как вора с чужим добром, и женили так, что не успел опомниться. Он бы на месте Анны, наверное, не простил.

С Евой они были чужие люди и редко бывали вместе. Каданцев не был паркетным генералом. Он понюхал пороху в

Сербии и в Боснии. Получил тяжелое ранение в грудь. И сейчас у него первым делом самолеты, на сон времени не хватает. А жена не из тех, кто каждый день скучает, поджидая мужа у окна. Ева просто наслаждалась, купалась в вольной жизни. В ее графике не было и пяти свободных минут. Юбилеи, презентации, дни рождения. Она прихватывала даже приглашения мужа, и даже говорила тосты от его имени. Появлялась и на протокольных мероприятиях с участием VIP-персон. И никто не удивлялся, у нее имелись разрешения и пропуски в самые высокие учреждения. Это великое искусство — ничего не делать, никого не представлять, нигде не числиться и занимать высокое положение в обществе.

Семейная проблема давно перезрела.

У Каданцева не было никакого желания разговаривать или объясняться с женой. И на развод с Евой не было времени, да это, кроме всего, могло повредить по службе.

Ева сама и с большим удовольствием решила эту проблему. Одним днём оформила развод и тут же переехала на правах жены на дачу в Архангельское к «большому» генералувдовцу. Игорь Тихонович испытал чувство огромного облегчения и благодарности находчивой и вольнолюбивой Еве.

Генералу страстно захотелось увидеться с Понтификом, еще и еще всласть поговорить с близким земляком. О хуторе, об Анне, о сыне, то бишь обо мне. Мы до сих пор не были знакомы, хотя генерал не однажды делал попытки встретиться. Я уклонялся, чем сильно огорчал мать. Она много раз заводила об этом разговоры. Но я был категоричен, мы ссорились, я уезжал в город. И не общались, бывало, месяцами. Я был жесток к матери, и сейчас горько жалею об этом. Я проявлял непримиримость ещё подростком, когда к ней, молодой и красивой женщине, не один раз сватались серьезные и состоятельные люди из района.

— Или он, или я! — кричал я в лицо матери, которая робко говорила мне о возможном замужестве, и уходил из дома.

Она опять завела разговор об отце совсем недавно, когда Понтифик в очередной раз вернулся из Москвы и рассказал, сильно преувеличивая, как генерал тоскует по мне и по матери.

Аким клялся, что передаёт истинные слова Каданцева. «Застрелюсь из именного пистолета, подаренного мне моим другом Фиделем Кастро. Без Ньюры и без сына родного не хочу жить»!

— Так и сказал? — улыбнулась мать.

— Слово в слово! — ещё раз поклялся Понтифик и перекрестился.

Мать смутилась от того, что не верит.

— Он никогда не называл меня Ньюрой...

Понтифик разозлился не на шутку.

— Вы оба тронутые! Ты его любишь, он без тебя жить не хочет! А двух слов по-русски сказать друг другу не можете! Хоть Ньюрка, хоть Анька, какая разница?!

Обиделся Понтифик и ушел, не прощаясь.

Мать вернулась к давнему разговору.

— Он твой отец, — спокойно и не без упрёка сказала мать. — И твоим детям нужно знать своего деда. И внукам. Когда-нибудь они спросят. Жизнь коротка. Поезжай, сынок, с Акимом Борисовичем, я благословляю и прошу тебя.

В ее голосе, в интонациях я почувствовал многолетнее неизбыточное желание, перешедшее в тоску. Я остро почувствовал в этот момент, как она любит его...

Я не мог больше уклоняться, и мы с Понтификом вскоре поехали в Москву.

Высокий седой генерал открыл дверь, молча и порывисто обнял меня...

Мы говорили целый день и всю ночь, и не могли наговориться. Точно запотевшее стекло протерли перед глазами. Я увидел, почувствовал родство, отец незримо стал рядом с моей матерью. Впервые, как на семейных фотографиях, я был вместе с родителями. Уставший и захмелевший Понтифик крепко спал, похрапывая, в кресле. Отец сказал мне о своём желании.

— Я жестоко поплатился за свое малодушие в молодости. По сути, жизнь прошла мимо. Генеральские погонны не принесли мне ничего, кроме работы на износ. Хочу остаток дней провести на родине. Полагаю закончить срочные дела и написать рапорт об отставке уже в этом году. Теперь никто и ничто не повлияют на моё решение.

7

На новоселье Клавы Каданцевой собрались немногие ее подруги, с кем она пришла на ферму сразу после школы, лет сорок назад. Были и молодые, вчерашние школьницы. И Понтифик с ними. Анна Стрешнева сказала по этому случаю и про Клаву, и про всех своих подруг.

— Вот и Клава наша в новом доме. На новой улице Генеральской. Ведь сопротивлялась до последнего! Теперь вся улица Генеральская наша! Двадцать домов, и еще будем строить. Сами заработали. От колхоза и от района не дождались за сорок лет. Так, Аким Борисович?

Понтифик охотно встал, поддакнул и еще добавил от себя:
— И не дождались бы! Колхоз кончается прямо на глазах, а я не плачу и не рыдаю. Двести колхозников трудоустроились в «Бурёнке», и я скоро попрошусь у Анны Трофимовны в сторожа.

— Будет тебе приbedняться! — решительно возразила Анна. — Ты родитель нашей «Бурёнки»!

— Нет! — возопил Понтифик. — Мало корпуса построить, надо их обжить по-человечески, да чтоб денежку давали. Людям на радость. Это сотворили твоя воля, твое огнеупорное поведение! Любой мужик на твоём месте, и я в том числе, сгорели бы, испарились, как бездымный порох. Это прямо с тебя списал сочинитель Некрасов: «Воля и труд человека дивные дива творят».

Все за столом дружно заплодировали, выпили за Клаву, за Анну, за Понтифика, за «Бурёнку», за хорошую жизнь. Потом пели песни своей молодости и, конечно, песню «Винновата ли я...» В которой каждая из присутствующих почему-то видела свою судьбу. В общем, хорошо посидели на новоселье Клавы.

Перед уходом хозяйка попросила Анну задержаться. И хотя рядом никого не было, спросила шепотом:

— Правда, что Игорь приезжает насовсем?

— Правда.

— Примешь его?

Анна длинно и устало вздохнула:

— Примешь... Я его всю жизнь ждала.

8

Что может делать отставной генерал в маленьком захолустном хуторе? Ну, мало ли, скажете вы. Засядет за воспоминания и размышления. Все генералы на пенсии пишут воспоминания и размышления. Он может стать свадебным генералом. Руководители и профсоюзные активисты будут рады угостить именитого земляка где-нибудь в «шалашах» или «на дубках». Угостить и послушать рассказы бывалого вояки. Он всегда будет желанным гостем на свадьбах и именинах, на государственных праздниках и узких корпоративах. Всем хочется вживе поглядеть на именитого генерала.

Он может, наконец, дать согласие и стать депутатом местного сельсовета. Чтобы, как говорится, быть в гуще народной и способствовать приближению зажиточной и счастливой жизни.

Не знаю, как в других государствах, а в нашем отечестве с давних пор в больших городах и самых малых хуторах любят вооруженные силы и почитают отставных генералов.

Но не о том думал Каданцев, возвращаясь на родину. Весь свой архив сдал в министерство. На вопрос, как же без этого писать мемуары, ответил просто: «Писать не о чем, да и стыдно...» Из Москвы взял только личные вещи и армейский «УАЗ», подаренный министром. Машину в хутор пригнали два командированных для этого солдата. Армейские товарищи и сослуживцы не одобряли решение Каданцева. «Твое место пожизненно здесь, в группе советников министерства». Они бы всё равно не согласились, если и узнали бы истинную причину отставки.

Главным для генерала, возвратившегося в родной хутор, было одно: как его встретит бывшая невеста. С большим волнением он переступил порог ее дома.

— Примешь? — дрогнувшим голосом спросил он.

Анна вышла по-домашнему, в халате и шлёпанцах. Она не скрывала радости и ответила просто, с чувством старого родства:

— Заходи, хозяин.

Даже не в словах, а в интонациях он услышал то, о чем мечтал услышать многие годы.

Всё встало на свои места, он пришел домой. Его ждала она, как тогда, после выпускного вечера.

До последнего времени я не верил отцу, не верил в его чувства к матери. Да и как поверить в любовь почти семидесятилетнего человека, пережившего, кажется, уже всё, что выпадает на одну человеческую жизнь...

Как-то вечером, мучаясь бессонницей, я вышел из мастерской в сад. Полная луна низко зависла над хутором, над цветущими вишнями и тёрнами. Соловьи совсем рядом отчетливо и чисто высвистывали чарующие октавы. Сад был переполнен шёлканьем, свистом, гремячей дробью и теньканьем. Я хотел было пройти вглубь сада, поближе к речке, но услышал голоса родителей и стал невольным свидетелем разговора.

— ...Говорю тебе, как в первый раз. Даже во рту сохнет... — негромко и неуверенно произносил он.

— Говори, говори! — в ее голосе была мольба. — Скажи всё, как в первый раз!

— Мне было очень одиноко. Я уже смирился и почти похоронил себя. О тебе даже думать боялся, а не то что в глаза посмотреть... Только во сне давал себе волю. Целовал по ночам одну тебя всю жизнь! Хотя были женщины, но я любил только тебя! Можешь смеяться, но это правда!

— Смеяться? Видишь, дурачок, я плачу... От счастья! Говори ещё, говори!

— Помнишь, ещё в школе, я говорил тебе, что хочу стать агрономом?

— Помню. А я, глупая, сказала, что агрономов много, и они обыкновенные колхозники. А вот генералы — все исключительные, строгие, с орденами и лампасами, и все красавцы! Генералов в хуторе еще никогда не было. И сказала, чтобы ты непременно выучился на генерала. Боже, какая я была дура!

— Не знаю, но я послушал тебя. И мне крепко втемяшилась эта мысль. Я учился и служил с этой мыслью и желанием стать генералом. Сейчас, уже в отставке, могу сказать, что был честолюбивым и неплохим солдатом. Это я к тому, что ты всегда жила, всегда присутствовала в моей жизни...

— Значит, я на старости лет стала генеральшей? — Мать засмеялась так молодо и безудержно, что смолкли в тернах соловьи.

Тишина повисла под низкой луной. Мать продолжала уже другим тоном.

— Я хочу обвенчаться с тобой, Игорь Тихонович. Не знаю, какой нам срок отведён, но я хочу быть там неразлучно с тобой...

— И я этого хочу, Аня.

До меня явственно донёсся слабый, но отчетливый звук поцелуя, и я поспешно ретировался в мастерскую.

Той бессонной ночью я, кажется, кожей ощутил, как любили друг друга эти два человека, волею судьбы, разлученные в молодости. И тогда же мелькнул первый замысел вылепить влюблённых на скамеечке.

9

Отец часто заходил ко мне в мастерскую и подолгу молча разглядывал мои работы. Не высказывал суждений или замечаний. Не задавал вопросов. Смотрел, осторожно шупал пальцами, покачивал головой и задумчиво переходил к следующему объекту. Спрашивал, можно ли прийти завтра. Крепко пожав мне руку, уходил, загадочно напевая себе под нос: «Утро туманное, утро седое...»

Осмотр продолжался несколько дней. В углу, сваленные в кучу, лежали ранние, студенческие работы и фрагменты из гипса. Отец внимательно осмотрел и эту кучу. И всё задумчиво, и всё молча. Наутро, уязвлённый его равнодушием, я сам пошел к нему и за чаем спросил:

— Что скажешь о моей глине? Только не хвали, вижу, что не понравилось...

— Что ты! Понравилось! Но я о другом думаю. Не успел ещё, как следует сформулировать... Ты угадал многие мои

мысли и сомнения, на которые у меня не было ответа. И вот сейчас твоя глина, твой гипс ясно и просто дали ответ. Конечно, подспудно я чувствовал, где искать правду. Когда я ушел в отставку два московских издательства предложили мне написать мемуары. Я попросил время подумать. И, поразмыслив, понял, что никогда не напишу мемуаров. Я был на Кубе, в ГДР, в Югославии, в Афганистане... На Ближнем Востоке участвовал даже в боях, был ранен... Если об этом напишу правду, я как солдат нарушу присягу и стану диссидентом. Если напишу с точки зрения официальной — меня перестанут уважать в армии. Да мне и самому стыдно братья за такие воспоминания... Как я напишу о нашем предательстве в ГДР или в Югославии? В Сербии?

Я увидел в твоей глине народную правду. У тебя десятки удивительных портретов. Трактористы, агрономы, чабаны и доярки. Шахтёры, доктора и учителя, дети и подростки... Трудно даже перечислить всех. Простые люди в своей среде, в трудной повседневной работе. Люди умные, сильные, красивые. Старики и нынешнее поколение. Я увидел движение времени, связь поколений. Я увидел очарование человека, любование человеком. Это жизнь, это поэзия и это правда! Я горжусь тобой, сын! Правда — здесь, в хуторе, у простых людей. Ты очень выразительно сказал это своей глиной!

Портрет твоей мамы, Анны Трофимовны, это образ русской женщины. Может быть, я пристрастен и преувеличиваю, это понятно. Но какая материнская красота и сила в её спокойном взгляде! Какая породистая стать гордой упрямой головы! Она великая труженица и реально повлияла на жизнь своего хутора, своей среды.

Вот что я собирался сказать тебе, сын!

Я обнял отца. Он, военный человек, увидел в моих работах то, чего не увидели многие мои почитатели и критики. Но речь не обо мне...

Заболела мать, и заболела серьёзно. Её отвезли в больницу для обследования. Недели через две нам сказали: нужна срочная операция. В областной больнице оперировал старый хирург, академик. Он дал надежду:

— Ресурс есть, нужен хороший уход. Пригласите сиделку, лучше медсестру.

Дома отец попросил меня:

— Я буду сам ухаживать.

Он не отходил от матери, ночью спал на раскладушке рядом. Иногда днём урывал время подремать час-полтора на стуле. Выполнял все деликатные процедуры, по графику давал таблетки и сам, вполне профессионально, делал внутри-

мышечные уколы. Когда мать стала сидеть и разговаривать, она и минуты не могла оставаться без своего генерала. Её тянуло на воспоминания детства, девичества. Постоянно спрашивала: ты помнишь такого-то или такую-то? У генерала была хорошая память. Он не только знал всех сверстников, но мог бесконечно рассказывать забавные истории и курьезы из их хуторской жизни.

У матери блестели глаза, она живо просила:

— Расскажи! Рассказывай!

И отец рассказывал живописно и подробно, с юмором. Мать смеялась, что-нибудь добавляла к рассказу и опять просила:

— А учителя химии Стражинского помнишь?

— Кто же его не помнит? Он мне по четыре оценки за урок выставлял....

— Расскажи!

— Спрашивает формулу какого-нибудь элемента. Поднимает меня. Отвечаю невпопад. Стражинский говорит насмешливо:

— Ноль. У вас ноль знаний. Неорганизованная материя...

Это было в его устах самое уничижительное прозвище. Проходит несколько минут, учитель забывает про ноль и опять спрашивает у меня ту же формулу. Отвечаю правильно.

— Пять! — строго говорит Стражинский. — А кому я поставил ноль? — Он поверх очков оглядывает класс и говорит наставительно:

— Берите пример с молодого человека, неорганизованная материя!

Мне кажется, что мать выздоравливала от историй отца заметно быстрее, чем от пилюль и уколов. Она стала выходить в сад и сидеть с отцом на скамеечке. Без отца она не смогла бы так быстро справиться с болезнью.

Она не забыла о своем желании обвенчаться с отцом и попросила меня съездить к знакомому священнику:

— Я очень хочу, чтобы нас обвенчал отец Пётр.

10

Настоятель старой церквушки села Репьёвка отец Пётр был моим давним добрым знакомцем. Мы подружились, когда я делал дипломную работу, лепил портрет сельского священника. Я долго приглядывался к коренастому краснощекую батюшке с васильковыми глазами и очень участливой, отзывчивой улыбкой. Молчал в одиночку, или разговаривал с кем-нибудь, улыбка не сходила с его лица. Говорил он быс-

тро, порывисто, слова опережали мысль. Он внезапно остановился, как бы спотыкаясь, смущенно почесывая редкую бородку. Я схватил этот момент в рисунке и долго обкапывал, обобщал его. Скульптурный портрет под названием «Смущение» публиковался во многих изданиях, в Интернете и стал, наверное, самой известной из моих работ.

Я не видел батюшку много лет. Теперь он был худ, сед, но по-прежнему улыбчив, только улыбкой грустной, старческой и усталой. Он благословил меня, я поцеловал его руку.

— Добро. — сказал отец Пётр, выслушав новости о моих родителях и их просьбу обвенчаться. — Почту за великую честь и с радостью выполню обряд и молитву. Я всегда молюсь за неё, голубку, труженицу и радетельницу, Анну Трофимовну..

Отец Пётр приехал в назначенный день. Родители с волнением встречали его на пороге дома. После благословения и объятий пили чай. Говорили о радостном и грустном, о скоротечности лет, о теплой зиме и холодном лете. О детях и внуках.

Отец Пётр велел позвать близких родственников, свидетелей, меня попросил быть служкой. Коротко объяснил, кому что делать. Облачился в белый праздничный стихарь с серебряными узорами, надел фиолетовую камилавку..

Обряд проходил в просторной светлой зале. Впереди стояли жених и невеста с зажжёнными свечами, обернутыми снизу белыми платочками. Над их головами парень и девушка держали серебряные венцы. За ними сестра жениха Клава, крёстный отец невесты Аким Борисович и гости. Отец Пётр раскачал кадило, подымил сладким ладаном и негромким баритоном начал читать стихи молитвы, нараспев повторяя после каждого стиха:

— Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе!

Гости подхватывали хором:

— Слава Тебе!

— Боже святой, из земли создавший человека, и от ребра его образовавший жену, и сочетавший ее ему в качестве помощницы, потому что было угодно Твоему величию, чтобы человек не был одиноким на земле. Ты и ныне, Владыка, пошли Свою руку от святого жилища Твоего и сочетай раба Твоего сего Игоря и рабу Твою сию Анну, ибо Тобою сочетается жена с мужем. Соедини их в единомыслии, венчай их в плоть едину..

Отец Пётр взял из моих рук ковшик с вином и дал выпить по три глотка сначала невесте, потом жениху. Я подал поднос с обручальными кольцами. Жених надел золотое колечко на

безмяннный палец невесты, а невеста надела серебряное кольцо на палец жениха.

Аким Борисович благословил Анну Трофимовну иконой Божьей Матери, а Клавдия Тихоновна благословила Игоря Тихоновича иконой Спасителя. Отец Пётр по очереди обнял обоих, и все стали поздравлять венченных. Хозяйева пригласили всех на праздничный обед.

Это была самая счастливая осень для родителей, и самая плодотворная для моей работы в мастерской.

11

Несколько лет я вынашивал эту композицию, боясь раньше времени приступить к работе. Всячески отодвигал, оттягивал сроки. Что-то уточнял, добавлял. Вглядывался под разными углами. Сотни зарисовок валялись на столе и стульях, а на полках лежало множество вылепленных вариантов головы и рук. Я пользовался тем, что родители часто сидели на скамейке в саду, и я имел возможность лепить с натуры.

Композиция созрела во всех деталях и подробностях. Я внутренне дрожал от желания работать. Лепил, кажется, днём и ночью. Недели через две я мог показать родителям черновик. Я непременно хотел показать композицию родителям, я хотел видеть и слышать их мнение.

Прибрался в мастерской. Выбрал место посредине комнаты и с трудом подвинул скульптуру. Она была в натуральную величину, вместе со скамейкой представляла довольно крупный объект. Я уже который раз придирчиво вглядывался в композицию.

... На скамейке сидят, тесно прижавшись, друг к другу, одетые по-осеннему, но с открытыми головами, он и она. Она в длинном пальто с широким воротником и крупными пуговицами. С подвязанным под горло шарфом. С букетом хризантем на коленях. Он в спортивной куртке с молниями. Пальцы рук сплетены, как в объятиях. Он, наклонившись, шепчет ей что-то на ухо, сдерживая улыбку. Она, откинув голову назад, смеется, открыв рот. Смеются закрытые глаза с морщинками, смеются полные щеки с ямочками. Смеются в выразительном изломе брови и тонкие подвижные ноздри. Все лицо в помолодевшем счастливом порыве любящей женщины. На пальцах отчетливо видны новые обручальные кольца. Понятно без слов, на скамейке сидят влюбленные. Я так и назвал композицию: «Влюблённые».

Позвал родителей, подвел их к скульптуре, а сам сел напротив.

Я видел их немое удивление. Потом они шепотом что-то говорили друг другу. Мать трогала пальцами запрокинутую назад смеющуюся голову. Обошли скульптуру вокруг, посмотрели на нее со спины. Я осмотрительно поставил стулья, предложил сесть. Мать стала быстро уставать. Отец помалкивал, хотел, чтобы она сказала свое слово первой. Мать долго собиралась с мыслями.

— Мы с Игорем Тихоновичем играем сцену, которую ты нам придумал. Красивую сцену. Обычно мы сидим в саду по-стариковски сутулые, жалкие.... Ты окропил нас с отцом живой водой, сынок. Краса ненаглядная...

Генерал сказал коротко:

— Я могу только добавить: это песня без слов.

12

Мать умерла через год после венчания. Она заранее позвала нас с отцом, попрощалась, лежа в кровати. Поцеловала отца руку и сказала, что будет ждать его там. Скончалась на следующий день утром, шепотом выговорив последние слова:

— Счастье... Как хорошо...

Я вздрогнул от этих слов. А, в сущности, любовь и смерть всегда рядом. Отец прожил еще год, но это трудно было назвать жизнью. Он угасал на глазах. Когда я окликал его, он молча смотрел мимо меня, никак не реагируя.

Почти каждое утро я возил его на «УАЗе» к матери на бугор, на свежую могилу. Он садился на скамеечку возле креста, становился маленьким, сгорбленным, надолго застывал в одной позе. Привозил его домой почти без чувств, он не мог говорить. Если я не ехал по каким-то причинам на бугор, отец молча стоял возле машины и плакал.

Умер он на скамеечке, у могилы матери. Неловко сполз на землю, уронив голову..

ЭПИЛОГ

В тот год я почти безвылазно прожил в хуторе. Один, без помощников подготавливал формовку композиции к отливке из бронзы. На это ушли долгие зимние месяцы. Остальные работы по отливке, сварке и шлифовке выполнялись в городе, в художественном комбинате. Выполнялись трудно, с большой задержкой. Но, слава Богу, металл залили без брака.

Готовую скульптуру доставили в хутор, установили в мастерской. Как говорил мой учитель, пусть постоит, обмаслится. У меня не было никаких планов насчет «Влюбленных». Хотя изначально интерес проявили городские власти с пода-

чи знакомого депутата. Пока что я заказал несколько уменьшенных копий для выставок.

Нежданно появился Понтифик. Старый, сморщенный, но живой и разговорчивый. И прямо с порога упрекнул:

— Привез памятник и молчишь. Покажи надгробие родительское, мне тоже скоро понадобится.

Я как-то не к месту засмеялся и удивленно развел руками:

— А я еще не заказывал надгробия.

— Вот тебе раз! — в свою очередь удивился Понтифик. — А по хутору слух, скульптор наш своими руками надгробие родителям зробил!

— Нет, Аким Борисович, это я зробил скульптуру про влюбленных.

— А-а! — разочарованно протянул Понтифик. — Ну, дай гляну, раз пришел.

Старый семейный друг оценил работу и сразу вынес вердикт:

— Это и есть самое лучшее надгробие! А как папка с мамкой на себя похожи! Ставь, не сумлевайся....

Понтифик еще раз внимательно посмотрел скульптуру, постукал пальцем по бронзе, восхищенно хмыкнул:

— Такое надгробие и у Кремлевской стены не стыдно поставить!

Понтифика Бог послал! Меня озарило! Ведь я при жизни родителей лепил этот памятник. Не думая, где он будет стоять. А где же ему еще быть, как не на могиле родителей!

Давно, лет двести назад, облюбовали первые поселенцы хутора место для погоста. Самое высокое в округе. Высота птичьего полета. Отсюда ближе к небу. Тучи ходят низко. Коршун кружит прямо над крестами. Внизу красными крышами веселит глаз хутор Пескари. Трактора, как божьи коровки, ползут по стерне, отваливая зябь. Ветер издалека несет и спутывает длинные блестящие на солнце нитки паутины, тенёта. Бронзовый памятник, как гриб, вылез из бугра, его благородный окрас видно издалека. На рассвете, когда встает солнце, две фигуры на скамейке начинают качаться в мареве и — отрываются от зыбкой линии горизонта, на минуту повисают под розовыми облаками... Это, говорят, оптические явления. Я же с недавних пор верую, что души наши и после смерти ищут и находят друг друга.

Станица Старочеркасская Ростовской обл.

КОРТИК

РАССКАЗ

Маленькому Коле недавно исполнилось четыре года.

— Какой ты у меня стал большой, — сказала ему мама.

— Правда большой? — спросил он.

— Конечно, правда.

— Совсем-совсем большой?

— Совсем ты станешь, когда подрастёшь, а пока что... — и мама задумалась. — А пока ты просто большой.

В глазах Коли появилась искорка:

— Но если я просто большой, могу я пойти гулять без бабушки?

Мама ответила не сразу, ведь сын всегда гулял с кем-нибудь из взрослых.

— А говоришь, большой, — с грустным видом вздохнул он. — Значит, ты меня обманула?

— Ну что ты такое говоришь... Да разве я могу тебя обмануть?... — и мама ласково потрепала Колины волосы.

— Тогда я могу пойти погулять?

— Но я сейчас занята. И папы нет. И бабушки...

ПРОЗА

— Ты же сама сказала, что я большой, — Коле уже хотелось немного покапризничать, но его останавливала мысль, что он всё-таки большой.

— Так можно? — начал упрасивать он.

Мама долго не соглашалась, но Коля упорствовал. И надо было снова кого-то просить. Когда она собралась это сделать и уже вышла на лестничную площадку, из соседней квартиры выскочил Серёжка с клюшкой в руках — вероятно, он собирался играть в хоккей. Его-то она и попросила присмотреть за сыном.

— Только около дома, — собирая Колю на улицу, напутствовала она. — И чтоб Серёжу слушался. И чтоб я тебя из окна видела...

Колиной радости не было предела.

...Во дворе не то что было безлюдно, а не было тех, с кем Коля мог бы поиграть. Но мартовский с лёгким морозцем день выдался ясным, безветренным, а искристый снег поднимал настроение.

Недалеко от дома, на тротуаре, мальчишки играли в хоккей. На детской площадке две совсем молоденькие мамы, не выпуская из рук колясок, гуляя с чадами своими, о чём-то негромко разговаривали.

Удобно устроившись на качелях, слегка раскачиваясь и щуря глаза, мальчик стал смотреть на солнце. Проникая сквозь густые ресницы, преломляясь световыми переливами и бликами, скользящие золотистые лучи начинали играть всеми цветами радуги. Иногда их свечение становилось настолько ярким, что Коля сильно сжимал веки, так сильно, что как будто бы чёрный экран на мгновение возникал перед глазами. Но даже сквозь этот экран проникал свет.

Прошло минут десять, прежде чем Коля слез с качелей. Поёживаясь, зябко передёрнув плечами, подошёл к песочнице и, взяв кем-то забытую детскую лопатку, попробовал копать, но мёрзлый вперемешку со снегом песок оказался твёрдым. На карусели кружиться не хотелось, да и не очень удобно одному. Даже не хотелось подниматься на пластиковую горку, с которой так весело скатываться. Коле просто хотелось гулять — без мамы и бабушки. Потому что он взрослый, ему уже четыре года. И сосед Серёжка, который давно уже ходит в школу и который со своими ровесниками сейчас играет в хоккей, Колю вовсе не интересуется. Ну вот нисколько...

Слоняясь по площадке и поглядывая, как Серёжа с мальчишками играет в хоккей, Коля, засмотревшись, случайно задел одну из детских колясок. Испугавшись, подбежал к макету деревянного корабля и забрался в «трюм». Но вспом-

нив, что мама должна видеть его из окна, вылез. Присел возле небольшого сугроба и стал ковырять игрушечной лопаткой снег, стараясь сделать что-то вроде норки.

После вчерашней оттепели и наступивших вновь морозов мартовский слежалый снег подтаяв, покрылся твёрдой коркой, и Коле, чтобы сделать норку, пришлось сбивать наледь подошвой ботинка. Мальчик так увлёкся, что не сразу услышал маму: выглядывая в приоткрытое окно, она звала его обедать. Но ему так хотелось погулять, что он не откликнулся. И когда она вышла за ним — с непокрытой головой, в накинутой на плечи каракулевой шубке, домашних тапочках — и стала звать его снова, даже тогда он сделал вид, что не замечает её. За свою маленькую жизнь он, наверное, впервые не слушался маму.

— Покушаешь и снова пойдёшь, — обещала она.

— Не хочу, — капризничал он.

Неизвестно, как долго пришлось бы уговаривать Колю, если б не Серёжка. Оставив на время игру в хоккей, он подбежал к Коле:

— Если кортик сделаю, пойдёшь домой?

Коля поднялся с корточек и недоверчиво посмотрел на своего взрослого соседа.

— Правда, сделаешь?

— А то!

— Если кортик, то ладно, — согласился Коля.

Серёжка куда-то сбежал и уже вернулся с куском отломанного от ножовки по металлу полотна. Выбрав ровную поверхность на белом покрове, смахнув с него снежную пыль, он вонзил в корку хрустящего наста, покрытого колючей стекловидной крупой, острый конец металлического полотна и уверенно, видно, делая это не первый раз, в несколько приёмов выпилил обещанный «кортик». Из плотного слежалого снега, искрясь на солнце ледяным бисером, кортик казался волшебным.

Коля, пошевелив пальцами внутри варежек, вытянул руки и, приняв драгоценный подарок, помчался к маме.

Поднимаясь по лестнице, он мечтал, как внесёт в свою детскую комнату снежный кортик, положит его на подоконник и станет им любоваться. Но у порога квартиры мама сказала, чтобы он оставил кортик у дверного коврика, в подъезде. И если б снова не Серёжка, который зачем-то нёсся по ступенькам вверх, неизвестно, как долго пришлось бы упрашивать Колю. Оценив ситуацию, Серёжка осторожно взял кортик из рук Коли и положил его на бетонный пол, в угол стены, возле дверного коврика.

— Украдут... — Коля готов был заплакать.

— Не украдут, — заверил Серёжка и, скрывая улыбку, кому-то погрозил кулаком.

Этот довод показался очень даже убедительным.

Оставив кортик на лестничной площадке, Коля всё время торопил маму и торопился сам. Ему вдруг казалось, что она нарочно долго снимает с него куртку, ботинки, рейтузы, слишком долго ощупывает его ладони и пальцы ног, которые не такие уж и холодные. И когда, усадив его в тёплую ванну, она что-то делала на кухне, иногда погромыхивая посудой, Коля часто звал её.

— Ну что ещё? — спрашивала она, заглядывая к нему.

— Кортик... там?

— Где ж ему быть...

— Правда? Ты смотрела?

— У меня молоко убежит, — вдруг спохватывалась она. И всякий раз, когда он спрашивал о кортике, у неё неожиданно находилось что-то срочное.

Во время обеда Коля был само послушание, давно он уже не ел с таким аппетитом молочный рисовый суп и пюре с котлетой. Даже чашку кефира осилил.

— Теперь я пойду на улицу? — вылезая из-за стола, спросил он.

— Теперь мы можем пойти вместе, — ответила мама.

Коля был на пике счастья: очень уж хотелось снова увидеть свой кортик, взять его в руки и разглядывать его долго-долго. А когда уже одетым он выбежал на лестничную площадку, то не поверил своим глазам... Ему не хотелось верить в увиденное... На том самом месте, где должен был находиться кортик, остался лишь мокрый след.

— Его нет...

Коля присел на корточки, снял варежку и пальцами коснулся мокрого пятна, оставшегося на бетонном полу.

— Серёжа тебе ещё сделает, — ответила мама, — ещё лучше.

— Мне не надо лучше, — тихо произнёс Коля.

Он поднялся с корточек: его глаза были полны слёз.

— Пойдём гулять, — сказала мама, взяв сына за руку. Но он вырвал руку. Вырвал так резко, что рука ударилась о металлическую стойку перила, но Коля даже не вскрикнул. И это напугало маму.

Она присела и заглянула ему в глаза: влажные, они смотрели на неё в упор, но... смотрели куда-то в пространство, в пустоту.

— Скажи что-нибудь, — просила мама.

Но он молчал. Это не был каприз, это было что-то другое, с чем она никогда ещё не сталкивалась.

Гулять Коля отказался. Не пошёл и на следующий день. Вернее, когда мама стала собирать его на улицу, он сослался на боль в руке. И правда, запястье у него припухло. При-

шлось идти в поликлинику. Однако ничего серьёзного не обнаружилось, но на всякий случай врач направил сделать рентгеновский снимок.

Всю дорогу до дома Коля молчал. На детскую площадку, где играли малыши, смотрел равнодушно. Казалось, он потерял ко всему интерес.

— Ничего страшного, — сказал папа, вернувшийся вечером с работы, — всё это капризы, пройдёт.

— Но раньше такого не было, — говорила озабоченно мама.

— Было, ты только этого не замечала.

Лишь Колина бабушка заподозрила неладное, обратив внимание на необычную вялость внука. И не ошиблась: на следующий день Коля слёг. Некогда здоровый румянец на его щеках сменился бледностью, на висках проступили синеватые прожилки.

— Покажи язык, — просила мама, щупая ему лоб.

Он покорно открывал рот и высовывал язык.

— Не скарлатина ли?..

Колю раздевали донага, осматривали подмышки, вглядывались в каждое подозрительное пятнышко, но признаков скарлатины не находили. Да и температура у Коли была пониженная.

Решили показать Колю врачу. Но ещё через день он заболел ангиной. Температура у него резко подскочила за сорок, его всё время знобило, и он почти не мог говорить, слова ему давались с трудом, и произносил он их осипшим голосом, шёпотом.

Врач, осмотрев Колю, рекомендовал госпитализацию, но мама отказалась.

Лёжа в своей кровати под ватным одеялом, Коля часами смотрел в окно. А за окном уже вторые сутки бушевала метель, да с таким густым снегопадом, что уже в нескольких метрах всякая видимость терялась. Зима, словно опомнившись, решила не сдаваться, окутывая город снежной круговертью.

В такие минуты Коля был задумчив, ему очень хотелось побыть одному, но его всё время тревожили: то каким-то противным раствором смазывали миндалины, то заставляли пить не менее противные лекарства. Самыми же страшными, конечно, были уколы, но Коля и к ним притерпелся, к тому же мама делала их не очень больно.

Как-то после очередной процедуры, когда за окном всё ещё бушевала метель, он тихо, так как всё ещё не мог говорить, спросил:

— Мама, я умру?

— Ну что ты... — глядя его по головке, ответила она, — ты будешь долго жить. Только надо поправиться.

— А я поправлюсь?

— Непременно поправишься, — улыбалась она через силу, чувствуя, что ещё мгновение — и расплачется.

А однажды днём, когда метель стихла, и при полном затишье вдруг пошёл снег, Коля попросился к маме на руки.

— Холодно, — чуть слышно произнёс он.

Укутав в одеяло, она взяла его и подошла к окну.

За окном шёл снег.

Наверное, это был последний предапрельский снег. Он падал крупными хлопьями, ложась на ещё мёрзлую землю пушистым покровом, прикрывая белизной всю неприглядность загрязнённых улиц, что неизбежна в это время года. Лишь изредка, неизвестно откуда, вероятно, из сквозных дворов, налетал ветер и взвихривал на тротуарах снег. И позёмка заносила следы прохожих, словно с белого листа бумаги кто-то ластиком стирал ненужные штрихи карандаша.

— Когда снег растает, я умру, — совсем тихо сказал он. И это был не вопрос, а утверждение.

В первое мгновение мать ощутила в ногах слабость и головокружение.

— Даже думать об этом не смей!

— Но кортик... растаял.

— Никогда так больше не говори! — Стараясь не причинить неудобство, она сильнее прижала его укутанное в одеяло тельце к себе: — Слышишь, никогда!..

Он послушно кивнул.

— Вот и хорошо. Сейчас примешь лекарство и постарайся уснуть. А когда проснёшься...

Широко раскрытыми глазами он смотрел на маму, стараясь не пропустить ни слова.

— А когда проснёшься, — повторила она, — всё будет уже по-другому, всё будет хорошо...

— А кортик?

— Будет и кортик, — твёрдо сказала мать, глядя сыну в глаза.

— Такой, как Серёжка сделал?

— Лучше.

— А он не растает?

— Конечно, нет.

— Тогда я не умру.

В этот раз Колю не пришлось уговаривать принять лекарство. И очередной укол он перенёс мужественно. И хоть эта была не первая бессонная ночь, для всех она стала как бы и первой, ибо этой ночью наступил ожидаемый кризис.

Но ещё раньше, днём, когда чувство тревоги достигло наивысшей точки, предчувствие чего-то неотвратимо-трагичес-

кого уже не давало покоя, Колина бабушка сходила в церковь. И вечером на спинку детской кровати прикрепили две иконки, так, чтобы малыш видел лики святых.

...Коля то лежал пластом, неподвижно, выпростав руки вдоль тела, то беспокойно ворочался.

Иногда казалось, что он просыпался, но тут же впадал в забытё. Повторялось это снова и снова.

Порой Коля сбрасывал с себя одеяло. Опасаясь разбудить, мама вновь его накрывала, поправляла подушку, чувствуя его горячий лоб и затылок, и беззвучно молилась.

Присутствие мужа придавало ей сил, позволяло не впадать в панику и отчаяние. Угнетала неопределённость. Может, поэтому минуты ожидания становились долгими, казалось, что они будут длиться бесконечно.

Ближе к утру, сморённая дремотой, мать уснула, склонившись над детской кроватью. Проснулась она от ощущения, что кто-то смотрит на неё.

Коля лежал с открытыми глазами. Лицо его было спокойным. Мать коснулась ладонью его лба: жар прошёл. Было ясно, что болезнь отступила.

— Мама, меня дедушка этот согрел, — показал он вдруг на одну из иконок, что висели на спинке кровати. Голос у Коли словно прорезался, но был ещё слабым; осиплость исчезла, и говорил он легко, без напряжения.

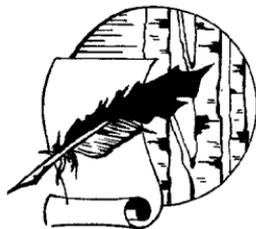
Она взглянула туда, куда показывал сын. Это была небольшая икона святителя Николая.

— Кортик! — вновь негромко воскликнул Коля. — Там кортик! — замахал он ручонкой в сторону окна, откуда падал солнечный свет. — Дедушка мне кортик обещал, — просился он на руки.

С необычайной лёгкостью мать подхватила его из кровати, словно боясь, что с ним может что-нибудь произойти, что он вдруг снова впадёт в забытё и весь ночной кошмар повторится.

...На подоконнике лежал кортик. Он был даже лучше первого, который так предательски растаял. Белый ромбовый клинок, осыпанный клейкими крупичами прозрачного стекла, сверкал на солнце всеми цветами радуги. Рукоять была оплетена тонкой золотистой проволокой и тоже блистала. Но главное было в том, что Коля знал наверняка: кортик этот никогда уже не растает. Не знал только, что, по просьбе мамы, кортик из твёрдого пенопласта сделал Серёжка и утром, когда мама с Колей ещё спали, передал его папе.

г. Подольск Московской обл.

Лариса ЖЕЛЕНИС

КЛЕВЕРНЫЙ КРАЙ

* * *

Не родившись, жила я в раю
робких образов, мнимых движений.
Узнавала я душу свою
в миллионах других отражений.
Я была для себя двойником,
запредельного звука частицей,
но подземным лесным родником
торопилась наружу пробиться.
Рай исчез — прорвалось, растеклось,
расплескалось пространство эфира.
Криком первым моим началось
для меня сотворение мира.

* * *

Над прялкою дремлет Бессмертье...
Столетия пронзая насквозь,
под пряжей земной круговерти
пульсирует, крутится ось,
вплетая ветра и травинки,
и судьбы, и лунную пыль.
Здесь в самой безликой былинке
нетленная теплится быть.
И кто-то во мне — так неяствен,
несмел, неуклюж и непрост,
глядит с вековым постоянством
в долину потерянных звёзд.

КЛЕВЕРНЫЙ КРАЙ

Где же ты, мой забрызганный росами
детства краешек — клеверный край,
где воюют дожди с сенокосами,
а в июле — малиновый рай,
где босыми ногами изведена
колких тропок весёлая боль,
где явилась, откуда — неведомо,
к тишине и раздолью любовь...
Разверни мне свой ситцевый, розовый
медоносных лугов лоскуток,
поздоровайся веткой берёзовой,
подари весь в иголках грибок,
раскачай мне качели, и снова я
полечу над землёй без труда,
засверкают, как шишки сосновые,
оттолкнувшись от пяток, года!

МАМЕ

Мой поезд тронул с места,
стремясь в густую мглу.
Луна кусочком теста
приклеилась к стеклу.
Мне вновь рисуют грёзы
тропинку у двора,
где мамину берёзу
баюкают ветра.
А в доме — и ватрушки,
и добрые дела.
Здесь сказка под подушкой
давным-давно жила.
Там, с мамой — как обычно,
и кошка, и покой.
А волосы привычно
испачканы мукой...

ЛЕДЯНЫЕ ЧАСЫ

Сосулька растёт под карнизом,
роняет слезу на балкон.
На лучик точеный нанизан
сверкающий солнечный звон!

От брызг, от весеннего света
прохожие морщат носы.
Срываются капли, и к лету
спешат ледяные часы.
Накапливает и считает
живые секунды весна.
Сосульку, смеясь, разбивает,
как чашку — на счастье, она!

НА ЗЕРКАЛЬНЫХ ДОРОГАХ

Зеркальные дороги...
Куда ведут они?
Когда дожди и вьюги
и встречные огни.

Мы — только отраженья
большого бытия,
великого движенья
на шарике «Земля».

И каждый в жизни встречный
случайно, вразной,
становится навечно
и смыслом, и судьбой.

ЕВА

Уходить от тебя
не хочется.
Да меня просто —
нет!
Но за кротким дождём
полощется
хлопотливый рассвет.
Я толкну тебя в бок,
полусонная —
«Дорогой, мне пора».
Появлюсь поутру,
влюблённая...
из ребра.

О ВДОХНОВЕНИИ

Пусть не смолкает музыка во мне,
морозом жарким обжигает, лечит,
и дарит наяву или во сне
с моей любовью солнечные встречи!

О, испытай такой озноб, душа,
когда без сил ты молишь о спасение
и чутко замираешь, не дыша,
пред неизбежным шквалом вдохновения!

* * *

Жить надо, как в последний раз,
ведь ничего не повторится!
Смотри, вот снова день угас,
и песню допевает птица.

А ты забыл, ты не успел
согреть кого-то словом нежным —
и белый ангел улетел!
Но разве это неизбежно?..

* * *

В яркой майской сини
облаков прохлада...
Я могу быть сильной,
но сейчас — не надо.

Где-то в небе прочерк
вместо нашей встречи...
Не умеем — проще,
не умеем — легче.

У черёмух ветки
обломали в мае...
Эх, прожить свой век бы,
горести не зная!

ВСЁ — ТОЛЬКО ЖИЗНЬ

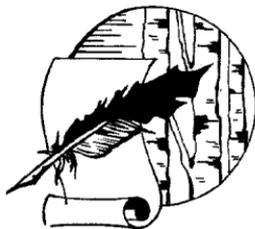
Пока жива, я благодарна буду
под ярким солнцем и в крошечной мгле
великому, немислимому чуду —
дышать, любить, смеяться на Земле.

И людям — за нечаянные встречи,
за роскошь взглядов, за переполох
души счастливой в синий лунный вечер,
за то, что в каждом проявился Бог

и вёл меня тихонько за собою
полянами цветов, долиной слёз.
Я принимала всё, роднилась с болью,
я жить училась набело, всерьёз.

И все мои открытия, ошибки
мне под ногами выстилали твердь.
И пусть туман вокруг, от горя зыбкий,
всё — только жизнь,
лишь часть от жизни — смерть...

г. Ярославль

Людмила БАНЦЕРОВА

МОИ СВЕТОТЕНИ

* * *

Я воды принесу — дотемна, допоздна,
До последней звезды из большого колодца.
Как вода тяжела, как она холодна.
И не так уж легко мне на свете живётся...

А я воду ношу — далеко-далеко...
Там дома опустели за долгую зиму.
И стоят небеса — высоко-высоко,
И в колодце вода отстоялась — незрима.

А я воду ношу — тяжело под рукой...
Мне б сразиться теперь с этой кровной печалью.
Как вода тяжела! Мне б назваться рекой.
И ветра надо мной будто небо качают.

И гудят провода, замыкаясь вдаль...
А я воду ношу, как хрустальные камни.
Как светлеет душа... И снега подошли.
И деревня глядит на меня огоньками...

* * *

Я помню, как вдаль уходила дорога.
Мостками светилась подолгу река.
И церковь за лесом виднелась с порога,
как тихая путница издалека.

И светом таким удивляла природа,
что виделась благодать во всех деревьях.

Хозяйка несла огурцы с огорода,
где солнцем разбужен тенистый овраг.

Всё это мирское со мною осталось.
Ещё не пропущено в жизни и дня,
чтоб я от всего так легко отказалась,
ведь это моя вековая родня.

Остались, остались мои светотени.
Я может, ещё на земле поживу.
И чёрным не станет теперь понедельник.
Я травы в подмогу себе призову..

* * *

Ведь я всего лишь ветер, брошенный
в пустых лугах.
И плещется луна с горошину
в моих руках.
Блуждаю по полям травинкой сорною, —
и нет пути конца.
Ведь я всего лишь дождь, оторванный
от твоего лица.

* * *

И поезда, и Млечный путь — туда же,
где так стремительна, так звонка глубина.
Я снова продолжаю путь бродяжий,
и за спиною у меня лишь грусть одна.
И, может быть, когда по бездорожью
последний дождь прошелестит в ночи,
последняя листва окажется дороже,
чем первые летящие грачи...

* * *

К земному стенанью прислушайся, Боже!
Сегодня радушный привиделся май.
И хочется бабьего счастья до дрожи —
попробуй за ворот тяжёлый поймай.

И кружится в мире такое веселье.
И кажется мне, что пришла благодать.

И сельские избы немного просели.
И горькие мысли куда бы раздать?

Засветится день — ведь теперь все едины.
Закружатся липы опять вдоль дорог.
Ещё не прошла я своей середины,
и солнце прольётся ко мне за порог.

* * *

Мне всё равно, какая боль,
какая смерть меня застанет,
какая светлая любовь
вдруг на ветру сквозном растает.
Какие воды будут плыть
все эти годы — по соседству...
Настанет время говорить
и мне — во всё земное Сердце...

д. Насурово Рязанской обл.

Михаил ЛЕМЕШЕВ,
доктор экономических наук
Анатолий ГРЕШНЕВИКОВ,
депутат Государственной думы

НАДЕЖДА НА ЧУДО

От редакции

Эта беседа поступила в редакцию в декабре 2020 г.

Анатолий Грешневиков. Уважаемый Михаил Яковлевич, можете ли Вы как профессиональный, известный экономист, определить, какую модель экономического развития навязывает нам нынешнее либеральное правительство? Есть ли у нее будущее?

Михаил Лемешев. Российские, так называемые либералы М.Горбачёв, А.Яковлев, В.Медведев, Э.Шеварднадзе, Б.Ельцин, Е.Гайдар, устроившие кровавый переворот в России, не придумали никакой новой модели социально-экономического развития страны. Под руководством внешних врагов России — премьер-министра Великобритании М.Тетчер, президента США Р.Рейгана, канцлера ФРГ Г.Коля — был создан колониальный режим в РФ. Хочу подчеркнуть, что РФ — это территория, до сих пор находящаяся под внешним управлением Международного валютного фонда и западных, преимущественно английских и американских банков. Сохранение этой «модели» в будущем чревато гибелью России как суверенного государства и неизбежным вымиранием государствообразующего русского народа.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

А.Г. Недавно президент России В.В. Путин впервые дал поручение о деприватизации содовой компании в Башкирии, руководство которой живет в Италии и более 14 млрд. рублей прибыли выводит в офшоры. Может быть, этот прецедент даст толчок к пересмотру всех итогов криминальной приватизации по Чубайсу, приведшей к созданию класса олигархов? Общеизвестно, что бюджет олигархов в размере 24 трлн. рублей больше бюджета страны, равного 19 трлн. рублей. Возможно ли возрождение экономики страны, становление ее на устойчивый путь развития без возвращения государству всего топливно-энергетического комплекса и природоресурсных отраслей народного хозяйства?

М.Л. Президент РФ В.В. Путин, как это не раз было в течение 20 лет его пребывания у власти, вновь заговорил о некоем «поручении». А между тем, ни одно из подобных поручений либеральное правительство под руководством А.Д. Медведева не выполняло, скорее всего не собирается их выполнять и «новое» правительство М.В. Мишустина. Наоборот, руководитель Счётной палаты А.Кудрин на заседании комитета Госдумы по бюджету и налогам заявил: «У российской экономики имеется ресурс, чтобы продержаться в кризисный период. Этот ресурс — продажа принадлежащих государству предприятий» («Мир новостей», №41, 30 сентября 2020 г.). Действительно, прогнозный план приватизации на 2020—2022 г. предусматривает приватизировать 180 предприятий и обществ, находящихся в государственной собственности.

А.Г. Во всех крупных арабских и скандинавских странах, добывающих нефть и газ, существует законодательство о природной ренте. Единственная страна, где его нет, это Россия. Когда я выступал с трибуны Госдумы с предложением проголосовать за наш закон о природной ренте, депутаты от «Единой России» выступили против. Как Вы считаете, что мешает правительству поддержать подобный закон?

М.Л. С предложением о передаче не менее 50% природной ренты неоднократно выступали экономически грамотные учёные, что позволило бы в 2 раза увеличить федеральный и консолидированный бюджеты РФ (о чём и я писал на «Русской народной линии» 28 сентября 2020 г.) Но увы! Выше я уже отметил, что правительство РФ и Центральный банк выполняют поручения только упомянутых мною внешних управляющих, предписывающих сохранение подчинённого им режима в России.

А.Г. Михаил Яковлевич, Вы долгие годы были экспертом ООН по экологии. Одно время были председателем Комите-

та по экологии Госдумы РФ, автор многих природоохранных законов. Мы с вами экологи и выступаем за развитие той экономики, которая учитывает законы природы. Почему в нашей стране по сей день экономика развивается не только в ущерб природе, но и за счет ее грабежа и гибели? Альтернативные источники энергии плохо развиваются. Леса варварски вырубаются. Строительство Богучанской ГЭС, несмотря на протесты экологов и писателя В.Г. Распутина, привело к громадному затоплению ценных плодородных земель и памятников природы. Подойдем ли мы когда-нибудь к осознанию того, что у экономики и экологии появятся предпосылки союза?

М.Л. Анатолий Николаевич, да, мы действительно с Вами выступаем за гармонизацию отношений между экономикой и природой. Мною ещё в 1975 году в журнале «Коммунист», издававшемся миллионным тиражом, была опубликована статья «Экономика и экология: их взаимосвязь и зависимость». Её содержание содействовало массовому созданию в СССР государственных и общественных организаций по охране природы.

Был принят целый ряд правительственных постановлений, предусматривающих реализацию всех проектов развития экономики с учётом требований экологии. Было создано Министерство охраны природы, учреждена Государственная экологическая экспертиза. В Государственной думе первого созыва (1993—1995 гг.) был создан Комитет по экологии и при нём Высший экологический совет. Это позволило принять ряд федеральных законов экологической направленности, в частности: законы «Об экологической безопасности населения», «Об охране животного мира», «Водный кодекс», «Об особо охраняемых территориях». Реализация этих законов натолкнулась на сопротивление олигархического режима. Воры и жулики объявили природные блага, данные Богом России, частной собственностью.

В этих условиях ответ на Ваш вопрос напрашивается сам собой — **союз между экономикой и экологией возможен только при условии возвращения природных ресурсов в собственность государства и восстановления стратегического и текущего планирования социально-экономического развития страны.**

А.Г. В настоящее время в мире обострилась проблема глобального потепления климата. Многие ученые отвергают антропогенный фактор и влияние человека на процессы изменения климата. С Вашей точки зрения, какова роль человека в этом процессе? Каким образом можно остановить потепление климата?

М.Л. Будучи заведующим лабораторией в Комиссии по изучению естественных производительных сил при Президиуме АН СССР, созданной в 1915 году В.И. Вернадским, мне довелось тесно сотрудничать с выдающимся геологом, академиком Яншиным Александром Леонидовичем. Он был убеждён, что в природе наблюдается в течение тысячелетий циклический процесс смены потеплений и похолоданий. Я придерживаюсь этого же просвещённого суждения.

А.Г. Прокомментируйте последние заявления экологов, что природа мстит человеку за его неразумное, негуманное отношение к ней, насылая на него ураганы, засухи, наводнения и прочие катаклизмы.

М.Л. В этом случае я также сошлюсь на авторитет любимого мной поэта и мыслителя Фёдора Ивановича Тютчева, который писал:

*Не то, что мните вы, природа,
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...*

Я думаю, что природа не мстит людям, а посылает нам сигналы вразумления, точнее говоря, — безумцам, одержимым стремлением к беспредельному обогащению. В подтверждение этого приведу конкретный пример. Экономика постоянно нуждается в электроэнергии. Её прирост может достигаться за счёт использования возобновляемых источников — солнечных лучей и ветра. Эта технология практически не наносит вреда природе. Её удельный вес постоянно растёт в общем балансе электроэнергии. В Германии он достиг 42%. В РФ он не превышает 1%. Российским долларovým миллиардерам и миллиардерам плевать на то, что от техногенных катаклизмов страдают не они, а многие миллионы граждан России. Они и их дети в большинстве своём живут за рубежом.

А.Г. Известные Вам русские писатели В.Белов и В.Распутин неоднократно утверждали, что чем интенсивнее развивается научно-технический прогресс, тем губительней вред природе. Более того, они заметили, что в нашем обществе в результате роста научно-технического прогресса идет падение нравов и тормозится нравственный прогресс. Как добиться рационального природопользования в условиях развития техники и информатики?

М.Л. 10 лет назад мной разработан авторский проект создания разветвлённой системы полифункциональных сель-

ских поселений (экологических деревень). Проектом предусмотрено в течение 10 лет построить 50 тысяч таких объектов, в каждом из которых возвести в среднем по 100 деревянных домов и создать бытовую и производственную инфраструктуру более высокого уровня, чем в городах-миллионниках. Именно в таких поселениях создаётся возможность сосредоточить всё наукоёмкое аграрное и индустриальное производство, образование, научные исследования и подлинно народную культуру. Это позволит переселить из городов-миллионников 40—50 миллионов страдающих от безработицы, бедности и болезней людей. На реализацию проекта потребуется около 2 трлн. рублей в год. Такой объём финансирования безболезненно может быть получен за счёт введения прогрессивного налогообложения долларовых миллионеров и миллиардеров, численность которых в современной РФ составляет 246 тысяч.

Реализация этого проекта явится реальным крупным актом по восстановлению векового союза между человеком, Землёй и Солнцем. На последний источник прошу обратить особое внимание. Однако либеральная власть демонстрирует абсолютную глухоту к моим и другим подобным конструктивным предложениям.

А.Г. В своих книгах вы часто цитируете Белова и Распутина, защищая русскую деревню, связываете в одно сохранение и возрождение русского крестьянства и возрождение русской цивилизации. Если эти писатели утверждали, что без деревни не будет России, а русский философ В.Тростников писал, добавляя к этим утверждениям, что не будет ни деревни, ни России без православной веры, то что Вы можете сказать по поводу их позиции?

М.Л. Для меня суждения В.И. Белова и В.Г. Распутина были и остаются не только в высшей степени авторитетными, но и вдохновляющими на поиск реальных путей сохранения России. И речь уже идёт не просто о русской деревне, а о спасении всего русского народа и, следовательно, русской цивилизации. За первое полугодие 2019 г. убыль населения РФ составила 199 тыс. человек, а за первое полугодие 2020 г. убыль — 265 тыс. человек. Этот трагический для нас результат был достигнут нашими внутренними и внешними врагами не только через массовое обнищание народа, но и с помощью насильственно навязанной нам т.н. «самоизоляции» от пандемии коронавируса.

Что же касается высказывания уважаемого мною В.Н. Тростникова о православной вере, то я хотел бы привести здесь принципиальную оценку ситуации, данную Патриар-

хом Московским и всея Руси Тихоном: *«Всё чаще и чаще раздаются голоса благомыслящих людей, «что только чудо может спасти Россию». Верно слово и всякого приятия достойно, что силён Бог спасти погибающую Родину нашу. Но достойны ли мы этой милости Божией — того, чтобы над нами было сотворено чудо?»*

Считаю, что об этом мудром предупреждении в наше время должен задуматься каждый русский человек.

А.Г. В своей книге «Стратегия восстановления жизнеспособности России» Вы с оптимизмом смотрите на возрождение России. Однако пишете о разгроме агропромышленного комплекса страны, о последних писателях и художниках России, исповедующих национальные традиции... Более того, роман Белова «Всё впереди» вы называете пророческим, говорите, что развитию страны и прежде всего становлению русской духовной самобытности мешает неизбежное столкновение с космополитической бесовщиной. Где русские люди обретут, находясь в экономической и культурно-информационной колонии, силы для победы над этой роковой бедой? В чём заключается ваш проект сохранения и умножения русского народа?

М.Л. Убеждён, что русские люди обретут необходимые силы в борьбе со злом, если будут следовать историческому опыту и заветам наших предков: их любви к родной земле, к труду, к семье и к Господу Богу. Именно об этом и говорится в моей книге

А.Г. Ваша книга «К свободе призваны вы...» подвергает справедливой критике большевистское правление в России. И причины появления бесовщины, безбожной власти нигилистов вы видите, прибегая к аргументам писателя Лескова и его книги «На ножах», в том, что интеллигенция готовила и совершила революцию. Книга «Свеча» с беспощадной энергией раскрывает не только прежнюю сущность власти русофобов, но и нынешнюю, ведущую страну в экономическую пропасть. Многие враги Отечества названы поименно. Но не подорван ли в России окончательно генофонд, тот слой подвижников и созидателей, который вернет и поставит Россию на истинно русский традиционный путь развития? Каков этот путь? В чем вы видите залог успеха русских патриотов?

М.Л. Хочется верить, что генетический потенциал добротолубия, соборности, взаимопомощи, любви и жертвенности у большинства русских людей сохраняется. Это вселяет надежду на реальное возрождение величия России.

А.Г. Кто для вас сегодня составляет пример для подражания, вселяет силу и надежду на победу русского духа, кто

живет по любимому Вашему девизу «Сгорая сам, свети другим»? С кого молодым брать пример, за кем им идти?

М.Л. Таких людей в России множество. Но в качестве знаковых фигур назову следующих соотечественников в алфавитном порядке:

Бурляев Николай Петрович, Глазьев Сергей Юрьевич, Грудинин Павел Николаевич, Катасонов Валентин Юрьевич, Конюхов Фёдор Филиппович, Куняев Станислав Юрьевич, Платонов Олег Анатольевич, Селиванов Николай Александрович, Хатюшин Валерий Васильевич.

От редакции

Выдающийся русский учёный, академик РАЕН и великий патриот России М.Я. Лемешев скончался 6 января 2021 г. на 95-м году жизни

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ — ОТ ЛУКАВОГО

Под понятием «цивилизация» понимают создание материальных благ, высокий уровень жизни, технический и технологические процессы и в какой-то степени культуру. Иногда разделяют понятия «цивилизация» и «культура». Я тоже придерживаюсь такой точки зрения.

В цивилизации можно выделить два аспекта: каинитство или же язычество (то, что должно служить человеку) и компенсация (утраченных духовных, душевных и телесных сил человечества).

Человечество, отринувшее Бога, постепенно деградирует и утрачивает свои духовные и интеллектуальные способности. Нам порой кажется, что мы наращиваем интеллектуальные способности, однако мы не можем сравниться с тем же Адамом, который давал имена животным, и мы не обладаем теми знаниями, которые тогда были. Например, на основе чего построены пирамиды? Современных людей убедили, что в те времена чуть ли не обезьяны бродили с палками-копалками. Но на самом деле всё не так.

СИМВОЛ ВЕРЫ

Изначально цивилизация имела колоссальные возможности, следы которых мы теперь находим.

Рассмотрим кратко эти два аспекта.

Первый — язычество. Язычество — это идеология строительства рая на Земле. Эта идеология предполагает исполнение всех желаний, удовлетворение всех потребностей человека, каковы бы они ни были. Здесь человек ставит себя на место Бога. Он всё делает ради себя любимого — пытается создать максимальный комфорт. Интуиция подсказывает некие аналогии с тем Раем, из которого он был изгнан, и о котором говорят святые отцы. По словам святых отцов, в Раю нет ночи. И на Земле мы наблюдаем, как города превращаются в места, где нет ночи. Свет фонарей и рекламы, ночные клубы и так далее. Если в Раю нет ни мужского пола, ни женского, то и здесь строители рая на Земле пытаются нивелировать различие между мужчинами и женщинами, создавая богоборческие сообщества ЛГБТ и прочей нечисти. Если в Раю все общаются со всеми в Едином Духе Божьем, в Духе Любви и Истины, то и здесь, на Земле, пытаются сделать связь людей мгновенной, чтобы можно было обмениваться информацией с любой точкой мира, где есть человек или заменяющий его аппарат. В Раю нет и не может быть голода. Вот и здесь некоторые народы избыествуют пищею, доводя себя до ожирения. Цивилизация по мысли строителей земного рая призвана освободить людей от тех неудобств земного бытия, которые были определены Богом при изгнании из Рая: труд в поте лица для всех, для женщин рождение детей в муках, неравенство в распределении земных благ и властных полномочий, разлад с природой, приводящий к болезням и смерти.

Правда, земной рай, как это можно видеть, вовсе не для всех! Следует отметить, что тех, кто не может обеспечить себе земной комфорт, считают дикими, неразвитыми, подлежащими угнетению или даже уничтожению. Им отказывают даже в человеческом звании!

Второй аспект цивилизации — компенсация. Люди, отступившие от своего Творца, быстро деградируют, у них пропадают духовные силы. Попытка стабилизировать своё состояние за счет сил души скоро приводит к унынию, панике. Боязнь болезней и смерти либо парализует, либо, наоборот, приводит к гиперактивности, которая ничего не даёт, кроме иллюзии убегания от проблем. Поэтому Бог попускает человечеству проникнуть вглубь природы, чтобы за счет природы компенсировать убывание своих сил. Так происходит развитие науки и технических возможностей.

Мы должны были бы возблагодарить Бога за эту милость, но вместо этого человечество ещё выше задирает нос, хва-

лится своими достижениями и считает, что оно без Бога может обойтись.

Ныне интенсифицируется строительстворая на Земле, которого для всех не хватает. Поэтому человечество ускоро бежит к тому, чтобы разделить на тех, кто считает себя вправе управлять миром, и тех, кто должен им подчиниться. Поскольку большинство народов не желают чувствовать себя неполноценными, то для них разрабатываются методы подавления сознания, им отказывают в праве на образование, медицину. Более того, их вообще планируется заменить машинами, которые не способны к бунту, не стремятся пересмотреть строящийся «новый мировой порядок». Мы видим, что начинает формироваться ещё одна тенденция, приводящая к деградации человечества — замена человека, освобождение его даже от творчества. Кем-то созданные искусственные «интеллектуальные» системы будут брать на себя творческие функции человека, решать за него, как правильно жить, что можно думать и делать, а чего нельзя. Это жесточайшая форма рабства, где человеку отведена роль только потребителя (причем потребление чего бы то ни было определено машиной, а точнее, теми, кто за ней стоит), который, не имея возможности выполнить заповедь о труде, теряет смысл своего бытия. Надо прекрасно понимать, что искусственный интеллект — это, по сути, последняя ступень к строительствурая на Земле. Только этот рай для большинства вовсе не тот, о котором это большинство мечтает! Это скорее похоже на земной ад, где происходит изменение самой природы человека, где человек в принципе не будет иметь возможности раскрыть дарованные ему Творцом-Богом способности — нет свободы, нет творческого порыва, нет познания истины, нет возможности проявить любовь и милосердие, нет пути к совершенству! Искусственный интеллект покушается на природу человека.

Ещё Платон писал о необходимости изменения человека. Фёдор Михайлович Достоевский в пророческом романе «Бесы» устами Петра Верховенского показывал, что планируемый земной рай требует «изменения человека даже физически».

Господь устами апостола Павла возвестил: «Итак, кто во Христе, [тот] новая тварь; древнее прошло, теперь всё новое» (2 Кор. 5: 17). Но и Ад хочет создать «нового человека» и «всё новое» по своему подобию! Заменить человека, созданного Богом, человека свободного роботом — это богоборческая идея, направленная на деградацию и расчеловечивание человека. Человека заставляют уступить место и подчиниться машине, замещающей собой Творца.

Надо понимать, что, с одной стороны, это необратимый процесс. В первую очередь, эта проблема связана с войной. Если одна сторона овладевает технологиями и передаёт искусственному интеллекту управление военной техникой с целью более быстрых и точных принятий решений, то такая страна может оказаться победителем. И тогда горе побеждённым.

Но нам надо видеть и духовный смысл происходящего. Как-то по телевидению продемонстрировали даму с приятной внешностью, но... искусственную. Женщина-робот начинает проявлять некую эмоциональность, разговаривает с человеком. Но к беседе присоединяется другой человек, который, судя по всему, ей не нравится. И на её лице появляется мимика недовольства.

В своё время мне довелось работать на большой электронно-вычислительной машине (БЭСМ-6), которая по сравнению с нынешними компьютерами по объёму очень велика, а по возможностям — не сравнится. Даже такая машина при появлении некоторых людей переставала работать, давала сбой. Поэтому возникает законный вопрос: а что за дух поселяется в искусственном интеллекте? В былые времена бесов называли кикиморами, водяными, русалками, ещё кем-то, ведь бесы представлялись в разных образах. Почему, например, злой дух не может вселиться в робота? На мой взгляд, здесь опасности больше, потому что злой дух начнёт управлять системой искусственного интеллекта. И тогда горе побеждённым — человечеству.

Злой дух сделает всё, чтобы человечество было унижено и доведено до положения зомби. Зомби-человек будет принимать печать антихриста ради своего пропитания и на всё будет согласен.

Искусственный интеллект может оказаться тем зверем, о котором говорится как о некоем предтече антихриста. Я не претендую на высокие богословские понятия, но существует опасность передачи особой власти искусственному интеллекту и тем духовным силам, которые в нём начнут действовать.

Думается, что в основу нашего развития следует положить принцип цивилизационной достаточности! От развития науки и техники следует брать только то, что необходимо, то, что нас способно оградить от власти богоборцев военной бронёй! Надо оставить для себя свободу, данную нам Богом и не детерминируемую «искусственным интеллектом», — честь, совесть, милосердие машинам не свойственны! Следует воспринимать технические достижения только с точки зрения минимальной компенсации. Остальное — от лукавого.

ОНИ НАМ ЗАВИДУЮТ

Историческая судьба Европы к настоящему времени оформилась как «совокупность государств Европы», принявших руководство над собой «структурами» Евросоюза, имеющими общеевропейский парламент и «набор инструкций» для регламентации социальной, общественной, политической, военной и т.д. видов государственной деятельности в сторону их унификации. Мечта о «Соединенных Штатах Европы», лелеемая в свое время младогегельянцем Лениным В.И., осуществилась потомками тех, кто шел нога в ногу по его следам.

Совершенно естественно, что основной целью такой унификации является денационализация стран, находящихся под эгидой Евросоюза; и в этом направлении Евросоюзом достигнут определенный «прогресс», не в последнюю очередь связанный с принудительным притоком мигрантов с Ближнего Востока за последние пять—десять лет.

Где-то «с удовольствием», где-то с определенным «скрипом», но процесс раз-

СИМВОЛ ВЕРЫ

мывания национальной однородности многих государств Европы приобрел нежелательные характеристики «вырождения» (потери «цветущей сложности» по выражению К. Леонтьева), все-таки пока еще «компенсируемые» экономическими и иными предпочтениями социального комфорта и «удобного» государственного жизнеустройства.

Такая же унификация — вслед за денационализацией — грядет и в части духовной. И здесь она приобрела такой размах, что появившаяся в публичном пространстве информация о том, что, например, в Германии ширится «движение» о выходе мирян из церковных и храмовых приходов с целью не платить налогов в пользу церквей, находящихся на содержании государства (в отличие от России, где в большинстве своем церкви существуют на деньги верующих прихожан), свидетельствует о том, что траектория духовной эволюции — скорее деградации — Европы сохраняет направление своего движения. Движения, начало которому было положено в 1517 году и которое называлось Реформацией. Реформация товарища Мартина Лютера, виттенбергского монаха-августинца, когда последний в канун праздника всех святых прибил к дверям местной церкви свои «знаменитые 95 тезисов» против торговли индульгенциями.

Повторим, это было в 1517 году. В России же, соизмеримое по значимости, точнее, по катастрофичности, событие произошло ровно четыреста лет спустя — в феврале 1917 года. К счастью, несмотря на старания тов. Ленина и Троцкого, «Реформации» в России, подобной той, которая произошла в Европе, не случилось.

В 1517 году Реформация преследовала цели: выйти из-под власти папы римского, освободиться от поборов и налогов на «пользу церкви», улучшить условия для внутренней и межгосударственной торговли за счет облегчения «движения финансового капитала» и т.д. «Призрак» протестантизма (обратим внимание на корень «протест» в этом слове) навис над Европой.

Современное духовное состояние стран Европы, за редким исключением, сейчас таково, что облегчает задачу Евросоюзу по унификации населения этих стран, движения в сторону «демократизации», влекущей за собой власть меньшинства над большинством — конечной цели «демократии» в отдельно взятой стране. Власть вырождающегося меньшинства над всё еще существующим в большинстве «национальным остатком» страны. Количество партий в этих европейских странах и кризисные ситуации с формированием большинства в парламентах показывают степень рас-

терянности, тупиковости и неумолимой инерционности заданного вектора движения.

Нынешнее руководство России, чьи разнонациональные (мы же страна многонациональная) предки, заразившиеся «европейским вирусом» (не путать с вирусом covid-19) и впитавшие в себя эту заразу чуть ли не со времен французской революции 1789 года, до сих пор не могут (или не хотят) освободиться от постигшего их морака — наваждения миража власти денег и целей, прикрытых лозунгами «Свободы, равенства и братства».

«Кадры решают всё». Вождь народов в свое время говорил вопрошающему: «У меня нет других писателей». То же он мог сказать и относительно кадров. Однако во время Великой Отечественной войны необходимая «сортировка кадров» расставила всех по своим местам. И если мы видим, что в настоящее время кадры «расставлены» по «магнитным силовым линиям» власти денег, то что же делать? Не гнать же их всех в шею — «ну, нет у нас других кадров!» Не забудем, что «государственный корабль не терпит резких движений», из-за которых он может перевернуться.

Таким образом, мы имеем то руководство, которое имеем. И вопрос, например, введения в школах основ Православия или «введения в Православие» завис в воздухе на неопределенное время.

И здесь необходимо сказать следующее.

Человек в быту, в своей деятельности совершает добрые дела, мертвящие дела и мертвые дела. Вот что говорит по этому поводу святитель Феофан Затворник (1815—1894 гг.): «Живые дела это те, которые совершаются по заповедям с радостью духа, во славу Божию; мертвящие те, которые совершаются в противоположность заповедям с богозабвением в угоду себе и своим страстям. Мертвые дела — все те, которые, хотя по форме и не противоположны заповедям, но делаются без всякой мысли о Боге и вечном спасении, из соображений себялюбия. Бог — жизнь; только то и живо, в чем есть часть Его».

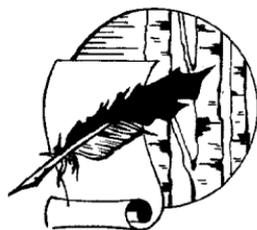
Припомним, российская Госдума первых созывов, начиная от 1905 г., очевидно, предпринимала те действия, которые были эквивалентны мертвящим делам, почему всё и закончилось февральской революцией 1917 года; сможет ли она (Госдума) реабилитировать себя и оправдать свое существование в России добрыми делами в соответствии с вышесказанным? Большой вопрос!

Так почему же европейцы (иже с ними и американцы) завидуют русским (не «российским»)? Потому что заданный

вектор эволюции русской (православной) цивилизации остался в Божественном (выражаясь по-современному) Проекте, несмотря на тяжкие последствия февральской революции. Европа же — по большому счету — в большинстве своих стран из этого Проекта выпадает с соответствующими для них (этих стран) последствиями.

Подсознательно граждане европейской «демократии» чувствуют это «выпадение», чувствуют свою «богооставленность», что и порождает в них подсознательную зависть к русским, суть — к православным жителям России. К тому же европейцы понимают, что миролюбие русских не грозит им (какой-либо) агрессией. Но существование НАТО подпитывает эту «зависть» потенциально возможной, но практически неосуществимой мечтой — «наказать того, кому завидуешь».

Но не всё так плохо. Каждый сам выбирает пути, по которым ходить. И те, кто просит: «Господи, научи нас ходить путями Твоими...», получит желаемое.

СТИХИ ЛАУРЕАТОВ
1-го КОНКУРСА ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ПЕРЕВОДА С ЯЗЫКОВ НАРОДОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«УСЛЫШЬ, РОССИЯ, НАШИ ГОЛОСА!»

Михаил КРЫЛОВ — 1 место
(Перевод с лезгинского стихов Фезудина Нагиева)

ДВА МАСТЕРА

Два мастера в одном ауле жили.
Их люди чтили. Только к одному
Они всегда с улыбкой приходили
И грели душу радостью ему.
К другому — шли, исполнены печали...
А мастер, точно он всему виной,
Взгляд отводил, когда глаза встречали
Тех, чьи родные в мир ушли иной.
Был первый весел и со всеми дружен,
Он приходивших радостно встречал.
Другой скорбел, что тоже людям нужен,
И, разделяя горе их, молчал.
Ну а когда Творца молить случалось,
То каждый у него просил своё:
Один — чтобы работа не кончалась,
Другой — чтоб вовсе не было её...
Так день за днём тянулись вереницей,
А за годами шли и шли года...
И мастерство невидимой границей
Их судьбы разделило навсегда.
Они искусны оба были в деле,
Тот и другой аулу нужен был.
Весёлый мастер — делал колыбели,
А грустный мастер — камни для могил.

* * *

С землёю схож рисунок наших лиц:
Глаза-озёра смотрят из глазниц;
Оврагами морщины рассекли
Нам лоб, как грудь иссохшую земли;
От жизни многотрудной и лихой
Лицо как перепахано сохой, —
И эта нива, что родить должна,
Принявшая надежды семена...
Лишь осень жизни сможет дать ответ:
Получим урожай мы или нет,
И хватит ли для всходов тех тепла,
Что наша кровь по жилам принесла?
А слёзы — влагу нужную дадут,
Иль ливнями посева изведут?..
Не потому ль земле подобны мы,
Что станем ею за порогом тьмы?

РЕКА САМУР

Река Самур — Срединная река,
Ты боль земли несёшь издалека;
С тех дальних гор, где твой сокрыт исток,
Ты с запада стремишься на восток.
О, если б эти воды унесли
Печаль тобой поделенной земли,
И море навсегда б принять смогло
То горе, что мне на сердце легло!
Мне кажется, безмолвная вода
Не землю — сердце делит навсегда.

Александра ЖМУРОВА — 2 место
(Перевод с башкирского стихов Зульфии Ханнановой)

СВЕТ

1.
Убираюсь в доме торопливо:
Ряд цветов на окнах образцовый,
Белоснежной скатертью красивой
Застилаю стол. И в платье новом

Обхожу свой дом... Как неуютно...
Может, неумеха я какая?
Пол сияет, чистый абсолютно.
Дай-ка, занавески поменяю!

Суп сварю — так пальчики оближешь,
Хлеб в печи — душистый и румяный...
Только знаю, что не станет ближе
Свет Небесный в доме окаянном.

В комнатах — порядок. Что с душою
И тоскою делать неужённой?
С мебелью шикарно-дорогою,
С яркой люстрой — дом остался тёмным.

Не в богатстве счастье, не в недостатке!
В этих стенах, где всего хватает,
Мне так неуютно, так несладко —
В горе горьком голова лихая.

Потому и хлопочу по дому —
Тщусь избыть раздумья суетою.
Только дому без души, чужому,
И в заботах — остаюсь чужою.

Из осколков режущих-зеркальных
Состоят душа моя и тело.
В люстрах светлых, даже пусть хрустальных,
Не горит тот Свет, какой хотела б.

Этот Свет весь из лучей особых,
Самых светлых, сердце мне сжигает:
Если выдохну, то боль моя способна
Мир спалить от края и до края.

А ещё вчера была счастливой
И живой, до верха жизнью полной.
Глаз твоих блестящих черносливы
Слали мне любви тугие волны.

Что осталось от меня сегодня?
Хладный пепел, разочарованье,
И не станет легче и свободней,
И объятия твои — как наказанье.

Милый мой, мне больно, я страдаю,
Помоги мне справиться с бедою —
Не нужна мне люстра дорогая,
Купим лучше колыбель с тобою!

Как вершина счастью неземному,
В белоснежной кипени пелёнок,
В колыбели, посредине дома,
Будет спать цветок любви — ребёнок!

Нет на свете мебели дороже
Колыбели. Разве тайна это?
Ты смеёшься? И опять, похоже,
Люстру вешаешь? Не будет Света...

Что же, смейся! Только знай, любимый,
Я — мертва... Что, холодно со мною?
Чтобы быть семье, необходима
Колыбель — сосуд с живой водою!

2.

Держу в руках зелёную планету,
А у груди — дитя, Небес знаменьё.
Со всех концов всего большого света
В мой дом спешите — вновь на день рожденья!

Мой дом вас встретит Светом несказанным —
Теперь он полон смысла и порядка.
Я хлопочу с любовью неустанно
И выметаю мусор без остатка.

Хочу, чтоб в людях были безупречны
И совершенны души, мысли, лица...
Я — Женщина, живу в заботах вечных —
В углу переднем колыбель лучится.

И если вдруг вздохну я утомлённо,
То сразу вспомню данные Обеты.
«Я — Мать!» — скажу, и в сердце обновлённом
Вновь засияют переливы Света.

Судьбы счастливые и яркие мгновенья
Я называю Божьей благодатью.
«Я — Мать! — произношу я без сомненья. —
Я Человечество держу в своих объятьях!»

Андрей РАСТОРГУЕВ — 3 место
(Перевод с коми стихов Любови Ануфриевой)

КРАСНЫЙ КЛУБОК
(Из цикла «Клубки времени»)

Перелопатила былое
до потревоженных корней,
и снова в памяти моей —
воспоминание чужое.
Она, как южные потёмки,
поверху пашенно черна,
но леденеет глубина
от заметающей позёмки.
Клубок держу в ладони красный,
а горло распирает ком,
и слышу в голосе твоём
далёкий отзвук не напрасный...

Война уже казалась вечной,
да вышло время и войне.
С холодной тундрой бесконечной
осталась ты наедине,
но снегового покрывала
всегда тебе недоставало
на письма в подполы земли,
куда твои все полегли...
Они с тобою дни за днями
шли рядом тайными тенями.
Об этом в сонной тишине
ты не рассказывала мне,
а только: «Страшно на войне...»
почти неслышно отвечала...

Среди молчащего былого
твой шёпот различаю снова
в землёю пахнушем клубке,
что уместился на руке,
и вижу: в шерстяных носках,
в снегу проваливаясь уткой,
своей размахиваешь юбкой,
что флагом красным, впопыхах
и задыхаешься от бега,
выкрикивая: «Победа!»
И слёзы снежные пекут,
тебе за пазуху текут...

С холодной тундрой безмерной
оставшаяся наедине,
по радио ты самой первой
услышала: «Конец войне!»
Но до конца в тебя она
переплеснула свой избыток,
как вышивкой из красных ниток,
напоминая имена.

Татьяна ДРОБЖЕВА — 3 место
(Перевод с лакского стихов Космины Исрапиловой)

В ОЖИДАНИИ ТЕБЯ

Я жду тебя так долго...
Вот тают ледники,
Струясь атласным шелком
В объятия реки,

Где я с водою горной
Вкушала прелесть дня.
Там девушкой гордой
Ты называл меня.

Мир с грустью причитает,
Как будто вторит мне,
И плачет дождь, стекая
По стёклам на окне.

Кровоточащей раной
Глаза и плоть моя...
Вернется ли желанный,
В забытые края?..

КИПЯЩАЯ КРОВЬ

Зачем ты встретился однажды,
И свил гнездо в душе моей?
И в мир кричу я строчкой каждой,
Чтоб ты очнулся поскорей!

Но надо мной сегодня властен,
Лишь повелитель грёз и сна,

А я горю желаньем страстным —
Испить любовь с тобой до дна...

Но гордость женщины кавказской
Не даст сказать об этом вслух.
Пусть о любви моей прекрасной
Сыграет на зурне пастух...

ЯЗЫКОВАЯ ГРАНИЦА

Так случилось, что выбрало сердце,
Повернуть ли минуты нам вспять?
Полюбила тебя, иноверца,
Только как мне язык твой понять?

Никому не доверю я тайну
Наших чувств, неразгаданных слов,
Может, птице, влетевшей случайно,
Расскажу я про нашу любовь.

Чтоб её горделивые крылья
Унесли мою тихую грусть
В дальний край, где над полем ковыльным
Твоя родина с именем Русь!

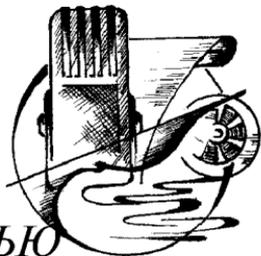
Валерий ХАТЮШИН,
секретарь Союза писателей России,
главный редактор журнала «Молодая гвардия»
Ирина УШАКОВА,
член Союза писателей и Союза журналистов России

НАМ ПРОТИВОСТОИТ АРМИЯ РАЗРУШИТЕЛЕЙ

— Валерий Васильевич, 2020-й (ни на что не похожий, мягко говоря) год стал не только убийственным для экономики России (нас в данном случае интересует только наша страна), но и трагическим, опустошающим для духовного и культурного Русского мира.

В том году ушли из жизни (не от ковида) идеологи русской православной цивилизации, подвижники: Владимир Осипов, протоиерей Всеволод Чаплин, протоиерей Александр Шумский, Анатолий Парпара, Александр Казинцев... Как в философском осмыслении Вам видится эта страшная жатва? Каким будет русское патриотическое движение без них?

— Да, Ирина Владимировна, тот год был и трагическим, и опустошающим для Русского мира. И Вы ещё не всех назвали. Потери, конечно, невосполнимые. Но нам тем более нельзя опускать руки. Нас ещё немало, кто способен продолжать национальное русское дело — жить творчеством и заниматься просветительской, издательской, журналистской, редакторской деятельностью. Нашим людям ещё нужны наци-

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

ональные русские журналы и газеты. И они выходят, несмотря на жуткие потери и на то, что власть их душит экономически, и у них сокращаются тиражи, несмотря на то, что попово-криминальный телевизор и мобильный интернет со страшной силой отбивает у населения потребность в чтении. Тем не менее люди их читают и даже подписываются на них, как это ни удивительно. Наверное, потому, что на их страницах думающий русский человек узнаёт подлинную правду о реальной жизни в стране. Конечно, есть сетевые ресурсы, где русский заинтересованный человек получает правдивую информацию о тех или иных событиях в стране и в мире. Но всё же журнал или газета располагают к вдумчивому, углубленному чтению публикуемых материалов, к размышлению и переживанию вместе с автором, в конце концов к семейному чтению, к возврату и перечитыванию интересных публикаций. Под обложкой «Нашего современника», «Молодой гвардии», «Москвы» публикуются лучшие русские прозаики и поэты, критики и публицисты. И в других городах выходят замечательные русские журналы, которые, в отличие от Москвы, ещё финансируют местные власти, — «Подъём», «Сибирь», «Север», «Берега», «Родная Ладога», «Симбирск», «Русское эхо», «Двина»... И я не все назвал. Они — национальное достояние, кладёзь русской культуры и творческой энергии России. К сожалению, центральная власть ведёт себя так, словно этого не понимает. Например, «Молодая гвардия», которой в 2022 году исполнится 100 лет, не получает от государства никакой поддержки и никакой практической помощи. Каждый год растёт стоимость полиграфии, аренды помещения, почтовой доставки журнала, однако здесь, в Центре, власти вообще не желают слышать о наших проблемах. И не только наших. Например, многие библиотеки уже давно отказались от подписки на русские журналы — нет средств. И вот в таких условиях нам приходилось выживать все последние 30 лет. Ну а 2020-й год вообще оказался для нас буквально чёрным годом, если иметь в виду потери среди авторов, редакторов, читателей... И, повторяю, несмотря ни на что наш журнал сохраняет свою творческую высоту, публицистическую актуальность, остроту, интересность и, самое главное, читательскую подписку. Даже в том году в условиях пандемии, когда многие производства закрылись, а полстраны находилось на «самоизоляции», журнал готовился к печати, вовремя выходил в свет и поступал подписчикам. И это при том, что с 2014 года толстый литера-

турный журнал мне приходится делать одному. Но грех жаловаться, в наше время тяжело всем, кто занят серьёзным национальным делом. И у нас каждый русский боец на счету.

— *Сегодня идёт настоящая война с русским языком: на уровне школы и вузов, через телевидение, через низкопробные печатные и электронные газеты. О чём говорить, если в одном из лучших театров страны — Доронинском МХАТе — вручают премию «Человек года» Моргенштерну — рэперу, который поёт матом, кощуннику и наркоману...*

Как толстые литературные журналы — по сути, советское наследие — могут противостоять этой разрушительной антикультурной политике?

— Противостоять мы можем только словом правды и по-настоящему талантливыми, высокохудожественными литературными произведениями. И такие произведения постоянно создаются нашими авторами. Прекрасных поэтов и прозаиков в России много, не говоря уже о честных и смелых публицистах. Я в этом убеждаюсь постоянно на протяжении своей 30-летней редакторской работы в журнале. Есть, кому хранить русский язык и продолжать классическую пушкинскую традицию русской литературы! Хотя, конечно, нам противостоят целая армия разрушителей этой традиции, которая действительно объявила ей, как Вы говорите, настоящую войну. Т.н. «либеральная» пресса, очень многие интернетные порталы и чуть ли не все каналы ТВ раскручивают, внедряют в сознание населения примитивные дешёвки «массовой культуры» и низкопробной псевдолитературы. Театр в основной своей массе, прежде всего в двух наших столицах, вообще превратился в сборище каких-то ненормальных людей, свихнувшихся на извращённом сексе, сквернословии и сплошных патологиях. Не исковерканной, не «осовремененной» классической пьесы, кроме, наверное, только Малого театра, в Москве уже невозможно увидеть. И вот эта антикультурная армия извращенцев, «экспериментаторов», «продвинутых молодых режиссёров» вместе с такими же «продвинутыми» русофобствующими авторами какими-то высокопоставленными кукловодами внедрена в культурное пространство России и пытается исказить, извратить, искалечить душу и сознание нашего народа. Причём при немалой финансовой поддержке государства. Вот именно это более всего удивляет и возмущает. Получается, что государство вольно или невольно участвует в разрушительном антиморальном процессе...

Эти «продвинутые экспериментаторы» изгнали Татьяну Доронину из МХАТа им. Горького, и Министерство культу-

ры своим безразличным молчанием и невмешательством как бы одобрило это подлое изгнание. И теперь ничего ему не остаётся, как одобрять вручение премий матершинникам и проходимцам в стенах этого театра. К сожалению, не обходится и без предательства «своих». Отстранение Татьяны Васильевны от работы произошло при молчаливом согласии и даже голосовании против неё «своих» актёров, которых она вырастила, вложив в них свою душу, и которым доверяла. Материал об этом вышел в мартовском номере нашего журнала.

Но хочу ещё раз сказать: армии разрушителей русского языка и русской культуры противостоит армия воителей русского духа и русского слова. Без их постоянной духовной работы в нашем культурном пространстве страна давно была бы захвачена и зачищена извращенцами и «новаторами» в российской культуре. И поле деятельности воителей и выразителей русского духа — наши патриотические литературные журналы. Высококлассная художественная литература — это и есть эталон национального языка, именно она является воспитателем народа, именно она прививает вкус к русскому слову, именно она очищает наш язык от всего наносного, непотребного, вульгарного. А публицистика и литературная критика наших журналов — это и есть слово правды, которое держит читателя на плаву в нынешней взбаламученной и такой непростой жизни.

— *Валерий Васильевич, многие выдающиеся публицисты, прозаики, поэты, в том числе Михаил Лобанов, Константин Воробьёв начинали печататься в «Молодой гвардии». Где можно увидеть архивные материалы, рукописи авторов, переданные в 60-е и 70-е гг. в редакцию журнала? Кто давал внутренние рецензии на их рукописи? Сохранились ли архивы журнала времён работы там Михаила Лобанова и Анатолия Никонова? (Почему бы не создать музей русской консервативной мысли, не сделать сборники по материалам журнала?)*

— В «Молодой гвардии», между прочим, печатались Сергей Есенин, Владимир Маяковский и Михаил Шолохов. Роман «Как закалялась сталь» (первая и вторая книги) вышел в нашем журнале. Естественно, ни их рукописи, ни те номера «МГ» в редакции не сохранились. Да, очень многие выдающиеся писатели и публицисты выходили к читателям со страниц нашего журнала. С Михаилом Лобановым у нас с первых лет моей работы в журнале сложились очень тёплые дружеские отношения. Достаточно сказать, что он 22 года назад выступал на моём юбилейном (на 50-летие) вечере в большом зале ЦДЛ.

Практики внутренних рецензий перед публикацией тех или иных произведений в журналах не было. Такая практика была в издательствах. Свои рукописи писатели всё же хранили дома, а в редакцию сдавали машинописный текст, который, хоть и правился редакторами, но хранился в архиве лишь определённый срок. (Машинописный текст, как правило, второй экземпляр, особой ценности не представлял. Первый экземпляр уходил в типографию и назад не возвращался.) А вот именно свои рукописи многие писатели, как правило, сдавали в государственный архив — в ЦГАЛИ (ныне РГА-ЛИ) или в рукописный отдел Ленинки (РГБ). Кстати сказать, большую часть своего рукописного архива я тоже сдал в РГАЛИ. Там любой желающий, зарегистрировавшись, может иметь дело с этими рукописями.

В 90-е годы, когда страна летела в пропасть, а цены абсолютно на всё росли практически ежедневно, руководство одноимённого издательства, возникшего позже журнала, в здании которого располагалась редакция «Молодой гвардии», с помощью руководства ЦК ВЛКСМ приватизировало двадцатиэтажный журнальный корпус на Новодмитровской улице, и мы, как и другие журнальные редакции, находившиеся здесь, вынуждены были стать арендаторами издательства. И стоимость аренды стала расти как на дрожжах. Мы занимали целый этаж в этом корпусе, и нам пришлось значительно ужиматься, чтобы окончательно не разориться на аренде. Вместе с освобождением кабинетов, естественно, должны были увольняться и люди. Арендная плата росла каждый год. В конце концов, за двадцать с лишним лет, редакция ужалась до одного кабинета... О каком хранении авторских архивов в этих условиях могла идти речь?! Но я всё же нашёл выход. Я договорился с директором издательства «Институт Русской Цивилизации» Олегом Анатольевичем Платоновым, и мы вывезли свой оставшийся редакционный архив с номерами журнала за многие годы (в том числе и довоенными) в помещение его подмосковного издательского архива. Кстати, там же находится уже существующий музей русской консервативной мысли, о создании которого Вы, Ирина Владимировна, мечтаете. Внутри этого музея открыт музей нашего многолетнего автора и члена редколлегии Ивана Михайловича Шевцова, автора знаменитого романа «Гля».

— *Валерий Васильевич, расскажите нашим читателям, кто ведущие авторы «Молодой гвардии»? Кого из молодых писателей и публицистов Вы можете отметить? Есть ли сегодня эта самая молодая гвардия? Есть ли авторы, которые считают Вас своим учителем?*

— Из современных прозаиков — прежде всего всем известный Владимир Крупин, только что ставший лауреатом премии им. В.Г. Распутина. В последнем номере «МГ» 2020 года вышла его новая повесть «Громкая читка». Замечательный писатель Павел Кренёв, помор, уроженец Архангельской обл. В июльском номере прошлого года опубликована его интереснейшая повесть из жизни северных охотников «Белоушко». Московский прозаик Владимир Пронский, в 2019 году заинтриговавший наших читателей своим романом «Герань в распахнутом окне», а также — Татьяна Грибанова из Орла, Владимир Вещунов из Нижнего Новгорода, Сергей Пылев из Воронежа, Михаил Еськов из Курска.

Разнообразна география проживания замечательных поэтов, авторов «Молодой гвардии»: Александр Нестругин и Иван Щёлоков из Воронежа, Наталья Егорова из Смоленска, Эмма Меньшикова из Липецка, Анатолий Аврутин из Минска, Светлана Супрунова из Калининграда, Юрий Кравцов из Брянской обл., Сергей Панфёров и Владимир Хомяков из Рязанской обл., Андрей Попов из Сыктывкара, Светлана Сырнева из Вятки, Андрей Фролов из Орла, Владимир Скиф из Иркутска, Наталья Радостева из Воркуты, Диана Кан из Оренбурга, Николай Алешков из Набережных Челнов... И можно ещё десяток имён назвать, высоко держащих поэтическую планку. При этом я сознательно не называю московских поэтов. Для меня гораздо важнее озвучить имена из русской провинции.

Молодые, громко заявившие о себе авторы нашего журнала — поэт Дмитрий Ханин из Ростова-на-Дону, уже ставший лауреатом премии им. Н.С. Гумилёва, поэтесса Екатерина Каргопольцева из Костромы, недавно принятая в писательский Союз, и прозаик Антон Лукин из с. Дивеево Нижегородской обл., лауреат Международного конкурса им. А.П. Платонова. Для читателей «МГ» стало истинным открытием имя необычайно талантливой и удивительно работоспособного критика Людмилы Воробьёвой, живущей в Минске, но пристально отслеживающей духовную работу лучших русских авторов и прежде всего — поэтов. Её статьи — это поистине литературное событие не только для журнала, но и для всего творческого процесса в современной словесности.

Традиционно «Молодая гвардия» сильна своими публицистическими страницами. И наш читатель прежде всего ценит журнал за его смелую, честную, острую публицистику. В первую очередь хочу назвать самых читаемых, самых значимых бойцов «МГ» на поле идеологического фронта: Владимир Большаков, Валентин Катасонов, Всеволод Троицкий,

Людмила Рябиченко, Михаил Антонов, Мария Мономенова, Валерий Шамбаров, минский профессор Лев Криштапович, Валерий Габрусенко из Новосибирска, Александр Скоков из Питера, как и недавно ушедшие от нас Михаил Лемешев и Валерий Филимонов. Все они и многие другие наши бескомпромиссные и жёсткие в отстаивании правды и справедливости публицисты ярко выделяют «Молодую гвардию» среди других литературных журналов.

О своих учениках мне сказать трудно, я ведь не занимаюсь преподавательской деятельностью, журнал давно уже отнимает почти всё мое жизненное время. Но одно имя назвать могу — Елена Сапрыкина, ставшая уже известным талантливым поэтом. Где-то около двадцати лет назад я выделил её для себя среди остальных авторов на Московском совещании молодых писателей, где я руководил одним из семинаров. Вместе с ней мы подготовили её первую книжку стихов, и Московская городская писательская организация её издала, после чего по моей рекомендации она была принята в Союз писателей России. Многие годы после этого я отслеживал её творчество, время от времени публиковал её новые стихотворные подборки в «Молодой гвардии», и постепенно она выросла в серьёзного, глубокого лирика, стала автором нескольких замечательных поэтических книг. А совсем недавно она издала свой первый роман. И неизвестно, как бы сложилась её судьба, не заметь я её тогда на совещании молодых писателей.

— *Кого Вы считаете своим учителем? Кто повлиял на Вашу литературную судьбу?*

— Стихи сочинять я начал со школьной скамьи. И, конечно же, самыми первыми моими учителями на литературном поприще были наши великие классики поэзии: Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Есенин... Я зачитывался их стихами, большую часть их шедевров знал наизусть. Эти русские гении сопровождали меня по жизни всюду, где бы я ни находился и что бы ни делал. А мне пришлось много поскитаться по стране. Вот у них я и учился писать. Но после того, как я окончательно обосновался в Москве, судьба свела меня, сблизила с людьми, которые стали настоящими университетами в творческом развитии и в моём становлении как писателя. Это всем известные, уже признанные классики русской литературы второй половины XX века — Вадим Кожинов, Анатолий Передреев и Татьяна Глушкова. Без их «университетов» литературной жизни того времени и в понимании сущности творчества как такового мне, скорее всего, пришлось бы долго и сложно самому доходить до главных истин наше-

го наитруднейшего поприща. Кстати сказать, о них, об этих людях, об этих неповторимых личностях, мною написаны воспоминания.

— *Валерий Васильевич, в последнее время Вы много пишете о проблемах Украины и Белоруссии, о разрыве триединого Русского мира. Какие скрепы, на Ваш взгляд, сегодня и в будущем способны соединить экономику и культурное пространство России—Белоруссии—Украины?*

— Для меня да и, конечно же, для очень многих из нас это один из самых острых и даже самых болевых вопросов нашей действительности. Разорванный Русский мир — это наша душевная и физическая рана, которая в прямом смысле — кровоточит. Русский мир создавался, скреплялся, освящался веками, а предателями и ничтожными негодьями, прорвавшимися к власти в трёх славянских республиках, был разорван в одночасье в угоду нашим врагам. Ясно, что негодия мечтали о единоличной власти и обещали своему населению процветания и манны небесной в результате «независимости». Потери понесли все, в том числе и Россия — экономические, военные, людские, моральные. Мы в прямом смысле начали вымирать. Вот что значит разрыв целого, живого организма. В конце концов Украину её властные негодия ввергли в гражданскую войну, раздираемую внутренним нацизмом. В Белоруссии тоже подняли голову, вышли из тени местные свидомые, вскормленные самой же властью при участии президента А.Г. Лукашенко. И вот теперь они пытаются его скинуть. В России их называют националистами, но они — элементарные местечковые сепаратисты, как и узколюбые, отвязные украинские «нацисты». Нет ни у тех, ни у других никакой серьёзной националистической идеологии и тем более национальной идеи. Вся их т.н. «идеология» сводится к тупым лозунгам: «Во всём виноваты москаля!», «Москаляку на гияляку!» и т.п. Дальше обвинений России во всех своих неразрешимых проблемах «идеологи» их «самостийного национализма» прорваться не способны. Но в реальности дело в том, что ни украинской, ни белорусской нации исторически так и не сложилось. И сколько бы крикливые галицийские горе-нацисты ни устраивали в Киеве факельные шествия, они так и остаются ничтожными и озлобленными сепаратистами, обуянными комплексом национальной неполноценности. «Украинцы» — они лишь территориально, но не национально.

Да, Русский мир сейчас атакуется со всех сторон. И самое печальное состоит в том, что атака на него идёт и со стороны славянских народов. Я даже не хочу говорить о Польше, из-

вечной противнице России. И о Чехии со Словакией, которые в Первую и во Вторую мировые войны были союзниками Германии. Их политики пытались решить свои шкурные интересы за счёт России, надеясь урвать для себя побольше русской земли и русских природных богатств. С ними всё ясно. И сколько бы мы сейчас ни устраивали гуманитарных конференций на тему единства славянских народов, славянские страны, вступившие в НАТО, другими уже не станут. Речь в первую очередь о тех славянских народах, кто некогда составлял единое наше государство и о тех, кто в будущем, я уверен в этом, вновь будет его составлять.

Было много разумного, правильного, положительного в нашей некогда мощной советской, социалистической державе. И украинцы с белорусами как члены единого Русского мира и великой русской нации в 70—80-е годы жили даже комфортнее и богаче, нежели русские на территории РСФСР. Но западные, далеко смотрящие идеологические стратеги, согласно **подлинному** (а не распространённому у нас художественному) плану Даллеса (точнее говоря, Директиве ЦРУ Конгрессу США), разработанному ещё в 1948 году, медленно, но упорно начали навевать украинцам и белорусам сепаратистские настроения, вдалбливать в их сознание мысли о независимости, о коварстве русских, захвативших их земли, и т.д. И работа эта шла на протяжении десятков лет. Микробы сепаратизма более чем за полувековой срок сделали своё разрушительное дело. Украина откололась от Русского мира и превратилась во враждебную нам «самостийную» страну, в результате закономерно оставшись у разбитого корыта. И власти нынешней России, к большому сожалению, **допустили** этот её откол. Белорусские сепаратисты пытаются пойти этим же путём.

При всех положительных и необходимых для народа качествах жизни в СССР, это великое государство в своей основе содержало погубившую его ложную доктрину. Его коммунистические идеологи начисто отвергали религию как таковую. И не просто отвергали, а вели с нею непримиримую борьбу. И в первую очередь, конечно же, — с Православием как основной духовной скрепой тысячелетнего государства. То есть вожди СССР пытались строить безбожную державу, обещая народам, населявшим её, некий умозрительный, абстрактный рай на земле — коммунизм. А Никита Хрущёв даже пообещал нам его в 1980 году. То есть коммунизм во всех смыслах оказался ложью, придуманной, несбыточной утопией (причём изначально в умах западных «теоретиков»). Оказалось, что безбожное государство долго просуществовать не

способно. Наш народ уже в 80-е годы окончательно разуверился в коммунистической идее, а его руководители и партийная номенклатура всё ещё продолжали навязывать ему лживые постулаты кабинетного марксизма-ленинизма, в которые они уже и сами не верили. Именно это стало главной причиной развала Советского Союза. Все прежние скрепы, цементирующие «общенародное» «советское государство», через 74 года утратили свою силу, и удержаться ему, устоять ни морально, ни духовно, ни даже физически оказалось просто не на чем.

Собственно говоря, и сейчас ситуация в стране ничуть не лучше. Хотя с религией власть вроде бы не воюет, как прежде, и даже, казалось бы, наоборот, по большим церковным праздникам наши лидеры в храмах со свечками стоят, но Православие так и не стало основной духовной скрепой нашего общества — народа и власти. Жизнь в стране и в мире развивается по пути, описанному в Апокалипсисе. Стремительными темпами идёт цифровизация, компьютеризация, виртуализация нашей жизни, и тут уже властям не до духовности, не до Бога, не до Православия и даже не до классической культуры... Как мы говорили выше, достаточно посмотреть, во что превратился современный театр... Не говоря уже о кроваво-постельном кино и телевидении...

— *Но отчего Вы всё-таки верите в будущее воссоединение, восстановление Русского мира?*

— Потому что я верю в Истину Великой России. В неё верили наши православные воители, мыслители и просветители. И она в конце концов победит. Истина Православия после всех лет раздора, разброда и разномыслия рано или поздно вновь срastит наш в прошлом единый славянский народ, и Русский мир станет основой будущего государства, которое ещё не раз спасёт земную жизнь от апокалиптического конца. Но для этого должна смениться власть — и в России, и на Украине, и в Белоруссии. И стать она должна подлинно православной. Истина Великой России победит сепаратистский детский «национализм» впавших в умопомрачение окраинных русских людей. Вот на этой идее, на этой вере и соединятся наши славянские народы в Великий Русский мир.

До 1917 года Россия развивалась немыслимыми темпами, гораздо быстрее западных государств. Отчего и потребовалась Первая мировая война, чтобы остановить цивилизационный расцвет и прогресс православной Российской Империи. В сложнейших условиях была построена Транссибирская магистраль, уже существовал план электрификации всей

страны, ставший затем советским планом. Стремительно развивалась авиация, металлургическая, текстильная, военная, химическая промышленность. На деньги меценатов строились театры, консерватории, картинные галереи, дома призрения, больницы... Завезённая с Запада революция и Гражданская война довели страну до разрухи. Но сталинский социализм в кратчайшие сроки всё это восстановил и придал развитию страны новую немыслимую энергию. С помощью сталинского социализма союзное государство также немыслимо быстро восстановилось и после обрушившейся на нас с Запада Второй мировой войны. И даже социалистическая культура, хоть и оставалась атеистической, всё же сохраняла русскую классическую традицию, мораль и достоинство нашего человека, отцы и деды которого были воспитаны по духовным правилам православной нравственности. Вот поэтому и я в своих публицистических работах, и другие авторы «Молодой гвардии» проводим в жизнь идею православного социализма, неизбежного, на наш взгляд, для жизни и экономики будущей России. Православный социализм как раз и мог бы стать в будущем объединяющей идеей наших славянских народов, а также духовной, культурной и экономической жизни Великого Русского мира.

— *Благодарю Вас, Валерий Васильевич, за искреннюю беседу! Крепости и сил Вам и авторам Вашего журнала!*

ПРОХИНДЕЙ МИРОВОГО МАСШТАБА

(Глава из книги воспоминаний «Дорога к дому»)

...В конце октября 1964 года «несравненный лик» Никиты Сергеевича Хрущёва в одночасье исчез со всех газетных страниц и плакатов. Радио и телевидение тотчас забыли о гоношистом и бестолковом вожде, пытавшемся возвыситься над гигантской фигурой Сталина.

То, что натворил в стране Хрущёв, станет возможно представить и описать лишь после того, как отправится в мир иной этот «неистовый реформатор», когда в далёкое прошлое уйдут кровавые события в Новочеркасске, Карибский кризис, целинная и кукурузная эпопеи, и другие печальные события, созданные руками этого шустрого и претенциозного деятеля. А его реалистический портрет (точнее — антипортрет) можно будет создать лишь в нынешнее время, когда появятся серьёзные исторические исследования эпохи хрущёвской слякоти.

Какими же человеческими качествами отличалась эта чрезмерно шумная, заносчивая личность от прежнего лидера страны — Сталина? Разительная непохожесть бросается в глаза явно. И не только по внешнему виду и манере держаться на публике.

Одиннадцать лет занимая пост первого секретаря ЦК партии, Хрущёв очень хотел

УРОКИ ИСТОРИИ

выглядеть авторитетным хозяином страны. Кричал, шумел, игнорировал мнения соратников по партии, не упускал случая выступить по любому поводу, совал свой прохиндейский нос во все проблемы, вопросы и дела, которыми жила наша страна. Замечания и предложения его по всем вопросам, как правило, были безграмотными и бестактными. Говорил и писал он много и бурно, полушутя-полусерьёзно. Часто по нескольку часов без умолку публично оглашал свои несуразные и прожектёрские мысли. В «Правде» печатались его длинные доклады, занимавшие в газете по нескольку полос. Это был явный признак графомании. Но почему-то никто (или почти никто) тогда не задумывался над этим, не замечал этого. В начале 1960-х годов в московских книжных магазинах продавали восемь томов его избранных речей, которые никто кроме советских подхалимов, приспособленцев или очень доверчивых и не очень умных людей не брал в руки.

Авантюрист, неуч, бездарность, проходимец, самодур, политическое ничтожество, опытный интриган, безответственный бузотёр, хитрый, коварный, крайне завистливый человек, он ещё был и злобно-мстительным.

Сегодня, во втором десятилетии XXI века уже хорошо известно, как он мстил Сталину за его гениальность, за его великие дела и любовь народа к своему подлинному вождю. По указке Хрущёва подготовленные к изданию 14-й и 15-й тома сочинений Сталина были изъяты и уничтожены. Также Хрущёв дал распоряжение уничтожить все вещи на сталинской даче. Сотрудники, работавшие на даче, дабы сберечь эти вещи от уничтожения, прятали их где только могли. Шавки Хрущёва дошли до маразма — в дачном саду выкорчевали и сожгли пень, на котором сидел Сталин. Сожгли и лодку, которой когда-то он пользовался. Это была низменная и постыдная месть хитроумного упыря Никиты.

В начале 1960-х годов он устроил разнузданный шабаш вокруг имени Сталина, грубо оскорблял его соратников и с маниакальным злорадством разоблачал «кровавые» сталинские «преступления». Он обвинил Сталина в убийстве Кирова и уверял, что вождь причастен к гибели Г.К. Орджоникидзе. Начался новый виток антисталинской истерии и накат на сталинистов.

Осенью 1961 года на XXII съезде партии была оглашена утопическая программа построения в СССР коммунизма через 20 лет. Этот политический блеф поставил партию в трагическое положение. Старая, уже выжившая из ума большевичка Д.А. Лазуркина с трибуны съезда озвучила свой нелепый и завиральный сон о лежащих в Мавзолее Ленине и Сталине. Будто бы Ленин сказал ей, что ему не нравится лежать рядом со Сталиным и попросил вынести его тело из Мавзо-

лея. Вняв этому старческому бреду и придав ему весомое значение, Хрущёв использовал его для своей корыстной цели. Он вынудил депутатов принять постановление о захоронении тела Сталина возле Кремлёвской стены.

В ночь с 31 октября на 1 ноября тайно, по-воровски по распоряжению Хрущёва мёртвого Сталина вынесли из Мавзолея. Взвод солдат вырыл для вождя могилу. Несколько офицеров переместили саркофаг в подвал. Вскрыв его, сняли с мундира Генералиссимуса ордена и медали, срезали золотые пуговицы, заменив их латунными. Это было надругательство не только над трупом вождя, даровавшего советским людям и всему человечеству победу над страшной коричневой чумой XX века. Тело Сталина положили в гроб. Когда забивали гвозди, некоторые из предателей-офицеров плакали навзрыд. Гроб опустили в могилу и наглухо замуровали мощными железобетонными плитами. Чтобы избежать народного возмущения, Красную площадь заблаговременно оцепили войсками.

Антисталинский курс продолжался. Труды Сталина перестали изучать в вузах и партшколах. Их изъяли из открытого доступа библиотек и переместили в спецхраны. Больше в СССР они не переиздавались.

Изворотливый демагог Хрущёв неутомимо лгал, создавая негативный миф о своём бывшем начальнике, выведшим его в люди. Смехотворной была его ложь о том, что Сталин командовал во время войны советскими войсками по глобусу. Удивительно то, что люди молча внимали этой кощунственной ахинее холопствовали, не смея громко возразить клеветнику, уличить его в позорной и тупой небылице.

Пока Хрущёв был у власти, все мемуары о предыдущих десятилетиях советской власти писались либо в духе его лживых рассказней, либо о многом умалчивалось. Двuruшники и перевёртыши, плясавшие под хрущёвскую дудку, изъяли из архивов многие важные документы, свидетельствовавшие о вредительской деятельности скрытых и явных врагов народа. Они сами были главными вдохновителями и организаторами повсеместных арестов и доносов. Но, спасая свою подлую шкуру, свою вину сначала свалили на Берию, затем на Сталина.

Прохиндей Хрущёв, ловко примазавшийся к популярному в начале XX века марксистско-ленинскому учению и никогда не являвшийся истинным марксистом, боролся за единоличную власть, желая властвовать бесконтрольно. Устранив коллективное руководство страной, он насаждал свой культ личности. Удачно ведя аппаратные игры, избавился от многих своих оппонентов. Одного за другим сдавал своих подельников. В конце своей

политической карьеры, полностью узурпировав власть, он занимал три главных поста в высшем руководстве страны.

Более десяти лет год за годом Никита Сергеевич выдвигал непродуманные, завиральные идеи, проводил над страной бездумные, разрушительные эксперименты. Его беспокойному «уму» принадлежала идея реорганизации министерств в совнархозы. Эта реформа резко снизила управляемость народным хозяйством страны, обрушила высокие и стабильные темпы развития промышленности. Заменяв отраслевую систему на территориальную, «добрый» и «прогрессивный» Хрущёв провёл первую репетицию развала СССР. Это с его «лёткой руки» было создано двоевластие в регионах: областные и краевые партийные комитеты разделились на два обкома (по промышленности и сельскому хозяйству). В регионах появились два областных здравоохранения, два управления милиции, два финансовых отдела, два отдела культуры, два отдела народного образования. Всё это сильно запутало региональную и государственную системы управления.

Навязав стране бестолковую и вредоносную аграрную реформу, волюнтарист Хрущёв проводил в деревне чудовищные эксперименты — громил личные подсобные хозяйства, колхозы переводил в совхозы, ликвидировал машинно-тракторные станции (МТС), до войны созданные Сталиным. Блефуя со всех трибун и манипулируя общественным сознанием, он уверял, будто МТС гробят технику и колхозные поля. «Непревзойденный знаток сельского хозяйства» запустил в стране кукурузную лихорадку. Горячо доказывал всем, будто кукуруза позволит одним махом решить зерновую проблему и проблему кормов для животноводства. При этом он абсолютно не слушал разумных советов крупных учёных.

Ко времени его отставки почти закончилась целинная эпопея. Целину накрыли пыльные бури, так как были уничтожены пастбища, на огромных территориях произошла эрозия почв, нарушился экологический баланс региона. Большая часть распаханной земель была заброшена.

Много лет болезненный реформаторский зуд не давал высокому руководителю страны покоя. Сумасбродный лозунг «Догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла» был лишь началом череды его авантюры. Хрущёв нанёс страшный удар по советскому животноводству. Результаты его реформ в животноводстве оказались чудовищными. Лишь в середине 1970-х годов в СССР удастся восстановить поголовье крупного рогатого скота и свиней. Но население страны к тому времени значительно увеличилось, и проблема нехватки продовольствия стала хронической.

Пресловутая хрущёвская аграрная политика потерпела полный и закономерный крах, подорвав весь потенциал сельского хозяйства страны. Осенью 1963 года Советский Союз оказался на грани реального голода. Чтобы этого не случилось, Хрущёв распорядился закупить зерно за границей, израсходовав более одной трети советского золота.

Годы правления оголтелого новатора отличались и бесконечными кадровыми перестановками. Органы госбезопасности лишились контроля за партией. Это привело к безнаказанности и злоупотреблению властью партийных чиновников. Неумолимый псевдомарксист наплодил советских капиталистов, и они стали сотрудничать с западными «коллегами», исподтишка уничтожая советскую систему. Началась капитализация страны.

Голосистый и сверхэмоциональный Никита Сергеевич знал о многочисленных проблемах страны, но с маниакальным упорством гнул свою линию, погружая народ в иллюзии.

При нём возник искусственный дефицит в торговле. Это хорошо высмеял в своих сатирах Аркадий Райкин. Вещи стали продавать на складе из-под полы. Стало выгодно работать в торговле. Магазиновые полки стояли пустыми, но в холодильниках у людей были основные, необходимые продукты, купленные по блату или по завышенным спекулятивным ценам. Сознание советских людей стало медленно меняться, омещаниваясь. Многие стали думать и заботиться лишь о личном материальном благополучии.

Однако это далеко не все прелести, порождённые безудержным реформаторским сознанием главного правителя страны. Хрущёв породил бюрократизм — форму организованного коллективного паразитизма. Он стоял у истоков социального паразитирования, пышным цветом расцветшего в нашей стране сегодня.

Чтобы обыграть сохранившихся во власти сталинистов, Никита Сергеевич использовал творческую интеллигенцию. Осенью 1962 года напором продавил публикации поэмы Евтушенко «Наследники Сталина» в газете «Правда» и Солженицына «Один день Ивана Денисовича» в журнале «Новый мир». Эти публикации открыли ворота для бурного потока темы «ужасных сталинских репрессий» в советской литературе.

Отец «оттепели», во время которой в стране появилась масса диссидентов, любил часто ездить за границу. По миру он колесил изрядно, почти треть года проводя вне нашего государства. Жадный до власти, он пользовался ею на всю катушку. Но, захватив всю власть в свои руки, не смог справиться с обязанностями.

В эпоху Хрущева ярко проявилась холуйская сущность отечественной журналистики. Какими только ласковыми и высокопарными словами ни называли волонтариста и самодура наши газетные и журнальные писаки. И никто не вспомнил о том, что «дорогой Никита Сергеевич», в прошлом украинский партийный босс, расстрелял тысячи украинских коммунистов, был одним из самых кровожадных творцов ежовских репрессий, сократил армию, затеял чехарду с вооружением, сдал уникальную военно-морскую базу в Порт-Артуре, отправив под нож советские крейсеры. Наконец, чуть не разжёл третью мировую войну, спровоцировав Карибский кризис.

Но как ни нахваливали, как ни возвеличивали эту ничтожную фигуру газеты, радио и телевидение, народ чувствовал и понимал своим здоровым нутром, кто в начале 1960-х годов стоял у власти. 1 мая 1962 года по всей стране прошли уличные шествия. Демонстранты несли портреты Сталина и самодельные плакаты. В Москве на Красной площади было возложено огромное количество цветов в честь истинного советского лидера. В других городах Союза люди несли цветы к ещё сохранившимся памятникам Сталина. Это был молчаливый вызов народа самозванцу Хрущёву. Про него появилось много злых и язвительных анекдотов.

Его называли «кукурузником» или просто Никитой, сочиняли о его луноликой персоне колючие частушки:

*Наш Никита не подгадит,
Наш Хрущёв не подведёт,
С кукурузой жить привадит,
Только сам её не жрёт.*

*Мы с таким Никитой
Долго будем сытыми
Болтовнею громогласной
О дальнейшей жизни ясной.*

В деревнях и сёлах смелые колхозницы, бойко притопывая ногами, пели ещё более хлётскую частушку:

*Полюбила я Хрущева,
Вышла замуж за него.
Оказалась кукуруза
Вместо места одного.*

А когда наконец его скинули с партийного трона, народ облегченно вздохнул и, подражая Пушкину, сочинил следующее:

*Товарищ, верь, придёт она
На водку прежняя цена,
И на закуску будет скидка —
недаром сбросили Никитку.*

О неутомимом деятеле забыли сразу же после его отставки, имя его больше нигде не упоминалось. Более десяти лет он был в нашей стране «все́м» и вдруг в одночасье стал никем. Слова революционной песни вывернулись наизнанку. Это была жестокая, но закономерная ирония Истории.

Позже дряхлый, всеми забытый и никому не нужный пенсионериска надиктует на магнитофон свои лживые воспоминания. А его сын Сергей сбежит в США и там ещё много лет будет пудрить мозги неразборчивому обывателю, восхваляя своего суперрадивого и суперсправедливого отца за разоблачение «негодяя и убийцы» Сталина и избавление советского народа от сталинского тоталитаризма.

Напрашивается вопрос — как такой ничтожный, но всеильный в своём ничтожестве человек мог оказаться на вершине власти большой и прекрасной страны? Почему такое произошло? Этот вопрос мучает многих честных и самостоятельно думающих людей и сегодня. И на него ещё будут искать ответ пытливые умы наших соотечественников. Мы же пока отметим характерную черту всемирно известного афериста, благодаря которой он взлетел на советский Олимп и закрепился на нём на долгие годы. Хрущёв сумел вовремя примазаться к марксистско-ленинскому учению, почуяв ещё в юности, куда ветер дует и каковы социальные перспективы России. Штормовая волна исторических событий вынесла этого коварного недоучку на самый верх народной власти. Он сумел оседлать эту волну, как говорится, поймав за хвост удачу.

Кем же был на самом деле этот «прогрессивный деятель», которого и сегодня боготворят наши либералы? Выскажу своё предположение, что сей неутомимый говорун, махатель руками и ботинками, брызгатель слюной весьма напоминает известных прохиндеев Хлестакова, Остапа Бендера и Голохвастова (героя советского фильма «За двумя зайцами»). С тем лишь от них отличием, что он, восседая на самой вершине советской власти, проявлял себя в политике. Увы, не только отечественной, но и международной. Плоды его «деяний» все мы пожинаем и сегодня.

г. Тверь

ВЫДАЮЩАЯСЯ ЛИЧНОСТЬ

«Алексей Николаевич Косыгин — личность выдающаяся. Думаю, что в послесталинскую эпоху, с середины 50-х и до кончины в 1980 г., он был наиболее авторитетным и популярным в народе государственным и политическим деятелем. Великолепный управленец, эрудированный экономист-финансист, разносторонне образованный и воспитанный, с богатым жизненным опытом, А.Н. Косыгин являлся примером истинно русского интеллигента... Всех поражала его эрудиция, феноменальная память, умение найти решение трудных народно-хозяйственных задач. Подчеркивали его строгость, даже суровость. Никакого «руководящего чванства», принципиальность, жесткая требовательность, в то же время — умение выслушать, оказать поддержку в решении насущных проблем, внимательное и заботливое отношение к людям», — так вспоминал о нём видный партийно-государственный деятель В.И. Воротников.

В советской истории А.Н. Косыгин был дважды рекордсменом — 42 года член правительства, из них 16 лет глава

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

правительства. По части политического «долгожительства» с ним мог посоревноваться только А.И. Микоян, о котором ходила саркастическая шутка: «От Ильича до Ильича без инфаркта и паралича». К Косыгину подобные шутки не прилипали, да их и вообще не было.

С его именем связано подписание Ташкентской декларации в 1966 г. — именно при его посредничестве прекратилась война между Индией и Пакистаном. Его переговоры с премьером Китая Чжоу Эньлаем в 1969 г. (после событий на о. Даманском) удержали СССР и Китай от войны. (А надо знать, что ещё в 1965 г. Мао предъявил претензии на 1,5 млн. квадратных километров, и нападение на советских пограничников на о. Даманском было первым шагом к реализации этих претензий.)

Он был единственным в Политбюро ЦК КПСС, кто выступил против ввода войск в Чехословакию в 1968 г., ибо единственный из всех понимал, что лучше иметь эту страну в качестве социал-демократического друга, чем в качестве социалистического врага. Сохранился интересный фрагмент стенограммы заседания ПБ. Председатель КГБ Андропов: «Вы зря, Алексей Николаевич, наступайте на меня. Они (руководители Чехословакии. — В.Г.) сейчас борются за свою шкуру, и борются с остервенением». Косыгин: «Я на вас не наступаю, Юрий Владимирович, наоборот, наступайте вы. На мой взгляд, они борются не за свою шкуру, они борются за социал-демократическую программу. Вот суть их борьбы. Они борются с остервенением, но за ясные для них цели, чтобы превратить на первых порах Чехословакию в Югославию, а затем во что-то похожее на Австрию».

Алексей Николаевич вообще обладал уникальной политической дальновзоркостью, умея просчитывать не только ближайшие, но и отдалённые последствия политических шагов. Благодаря ему СССР не ввёл войска в Афганистан в 1978 г., на чём особенно настаивали «ястребы» Ю.В. Андропов и Д.Ф. Устинов. Уже будучи тяжело больным (сердце), он не смог быть на заседании ПБ и стал единственным, кто отказался подписать документ о вводе войск в 1979 г. Спустя годы министр иностранных дел А.А. Громыко говорил: «Сами виноваты! Надели на себя хомут и теперь носимся с ним. Еще в 1978 году мы же чётко определились — ни при каких условиях наши войска в Афганистан не вводить... Мы устояли при твердой позиции Косыгина... В конце 1979 года мы изменили сами себе... А теперь ищем выхода из тупика, в который вогнали себя сами».

Он никогда не занимался интригами, он занимался только делом, а главным его делом была экономика. Сын петер-

бургского рабочего, красноармеец в годы Гражданской войны, он в 1926 г. окончил кооперативный техникум, 4 года проработал в новосибирской промкооперции, где обратил на себя внимание выдающимися организаторскими способностями, затем по направлению окончил Ленинградский текстильный институт, после чего начался быстрый подъём по служебной лестнице: начальник смены, директор текстильной фабрики, заведующий промышленно-транспортным отделом Ленинградского обкома ВКП(б), председатель Ленгорисполкома (1938), нарком лёгкой промышленности (1939), заместитель председателя Совнаркома (1940), руководитель комиссии по эвакуации промышленности (1941), руководитель комиссии по снабжению осаждённого Ленинграда (1942), глава правительства РСФСР (1943), после войны — заместитель председателя Совета министров СССР (т.е. заместитель И.В. Сталина), потом, при Н.С. Хрущёве, — первый заместитель (1960), а при Л.И. Брежневе — глава правительства (1964).

Сталин любил Косыгина за его деловые качества и, как утверждали, даже видел его своим преемником на посту руководителя правительства. Совсем иное отношение к нему было у Хрущёва и Брежнева. Они его терпели, но не любили — видимо, потому, что он был намного умнее их, и потому ещё, что, по словам управляющего делами правительства С.М. Смиртюкова, «он поражал окружающих своей скромностью и кристальной честностью», а подминавший власть под себя Брежнев попросту завидовал авторитету Косыгина и не упускал случая уколоть его на заседаниях Политбюро и на пленумах ЦК, да, к тому же, настраивал против него других членов ПБ, которые не гнушались распускать о нём разные сплетни (сторонников Косыгина в ПБ Мазурова и Воронова Брежнев постарался убрать).

М.С. Смиртюков вспоминал: *«Он ведь много ездил по стране и миру. Ана хозяйстве всегда оставался Косыгин. Хрущев его не любил, но был вынужден считаться. Эти поездки помогали подправлять хрущевские глупости. <...> Настоящей, дельной популярности и в народе, и среди настоящих хозяйственников Алексею Николаевичу было не занимать. И Брежнев это знал и страшно ревновал его».*

В обстановке, когда приходилось быть «чужим среди своих», требовалась огромная сила духа и убеждённость в правоте дела, чтобы в 1965 году начать экономическую реформу, названную впоследствии «Косыгинской». Причиной реформы стало то, что с ростом и усложнением экономики ресурсы «ручного управления» (когда высокопоставленные правительственные чиновники, вплоть до министров, постоянно ездили «разгрести завалы на местах») себя полностью исчер-

пали, а хрущёвские «реформы» нанесли больше вреда, чем пользы. Реформа Косыгина давала бóльшую самостоятельность руководителям предприятий, снижала число директивных показателей с 30 до 9 (главными из которых были прибыль и рентабельность), вводила реальную материальную заинтересованность людей в результатах труда и акцентировала внимание на производстве товаров народного потребления.

Результаты оказались удивительными. За период 1966—1970 гг. было введено в строй более 1900 крупных предприятий, в т.ч. ЗапСиб, АвтоВАЗ, Братская и Красноярская ГЭС. Национальный доход вырос на 42% (по 7,7% в год), объём промышленной продукции — на 51%, продукции сельского хозяйства — на 21%, рекордными были темпы строительства жилья и развития социальной сферы. Это были наивысшие показатели роста экономики и благосостояния народа за весь послевоенный период. Не зря 8-ю пятилетку назвали «золотой».

Увы, после 1970 г. реформа была свёрнута под предлогом обнаружившихся недостатков (тенденция к росту цен на произведённую продукцию и слабая заинтересованность во внедрении передовых технологий), хотя в конце 1960-х уже были разработаны предложения по их устранению. Действительной причиной было сопротивление консервативной части ПБ (включая Подгорного и самого Брежнева), военных (недовольных снижением заоблачных военных расходов) и, главное — партийного аппарата, не только центрального, но и на местах (боявшегося лишиться хозяйственной власти и остаться без работы). К этому добавились освоение месторождений нефти в Сибири и скачок мировых цен на нефть — зачем искать что-то новое, если пошёл поток нефтедолларов?

40 лет назад, 18 декабря 1980 г., после третьего, тяжёлого инфаркта Алексей Николаевич скончался. Об этом стране сообщили только через три дня — чтобы не омрачать всенародного торжества по случаю очередного дня рождения «дорогого Леонида Ильича».

А.Н. Косыгин был самым мудрым государственным деятелем России за последние семь десятилетий. И если бы во главе партии стоял его достойный соратник, не было бы 15 тысяч погибших «афганцев», не сидели бы в Политбюро упёртые идеологи вроде Суслова, недалёкие политики вроде Устинова, подозрительные личности вроде Андропова, и не рухнул бы Советский Союз. Но — произошло то, что произошло. После смерти А.Н. Косыгина в Политбюро остался только хор аллилуйщиков.

Страна покати́лась к пропасти.

«ИНКЛЮЗИВНЫЙ КАПИТАЛИЗМ»

Мировые силы зла и помогающие им предатели в добродушных и лукавых масках политиков, депутатов, министров, канцлеров, бизнесменов в спешке строят царство сатаны на земле.

Многие новостные каналы объявили, что глобалисты сорвали свои маски и обнародовали, зачем им нужен был вирус и «локдауны». Для «Великой перезагрузки» и закабаления мира. Об этом заявил создатель Давосского экономического форума Клаус Шваб, озвучив в своей новой книге программу влиятельной и сверхбогатой группы мировых преступников, идущих по пути Гитлера. Это группа Ротшильдов—Рокфеллеров—Виндзоров и компании. Суть их «перезагрузки» — разрушить старый мир до основания и построить свой новый «адский рай» на антихристианских началах, прикрываясь до времени и для приличия «наукой» — космистским и антихристианским учением о биосфере земли и происхождении человека от обезьяны. О строительстве «нового рая» Центром «Берег Рус» в 2018 году был написан и опубликован обзор, актуальный и ныне.

Если говорить о составляющих базового для «перезагрузки» «научного» уче-

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

ния, то туда входят не только английские теории происхождения человека от животного, но и представление о продолжающейся эволюции планеты и живых существ; о наступлении «новой эры», связанной с бессмертием человека на земле и его новых сверхвозможностей посредством техники; о евгенике как средстве на пути к благоденствию всей планеты.

Богатым участникам Давосского форума и политикам, приезжающим туда, хозяин площадки Клаус Шваб и его друзья Ротшильды, начавшие «перезагрузку», намекают и делают упор на страдания планеты от многочисленных людей, о которых «точно и доподлинно» известно, что «они произошли от обезьян», об отсутствии из-за них «устойчивого развития» планеты.

Все участники форума, как заговорщики и сектанты, уверены, что они спасутся на гибнущей земле и окажутся в числе бессмертного золотого миллиарда (или полумиллиарда). Чтобы попасть в число «избранных» нужно стать участником преступления тысячелетия и заговора «великой перезагрузки» — для уничтожения остальных 6—7 миллиардов жителей планеты, «происходящих от приматов». Давосский форум давно напоминает сборы для координации обширной организованной преступной группировки.

Кровавые планы по захвату Земли с одним миллиардом оцифрованных послушных рабов, взятых в плен, и уничтожению шести миллиардов остальных пленных — чтобы зря не кормить — прикрываются лукавыми и благими картинками о страданиях природы и планеты, о необходимости помощи ей.

И многие люди соблазняются и верят басням Ротшильдов—Рокфеллеров—Виндзоров и даже раз в год отключают у себя дома электричество во имя «спасения Земли». И, более того, нужно сказать, что раз в год ради этих целей электричество отключают даже в Московском Кремле.

Предтечи антихриста Наполеон и Гитлер до того, как были разбиты Христом посредством русского оружия и крепкой веры православных христиан, обещали всем всё и вся и были даже много где популярны (Гитлер пользовался успехом у многих представителей английской элиты в конце 1930-х годов). А потом почти весь мир стонал и рыдал под их сапогами, и лишь Русь силою Христовой и кровью своих чад одолела двух страшных предтеч супостата.

Сейчас команда антихриста, состоящая из пожилых, сверхбогатых, сверхпреступных и сверхневерующих людей, куда входят представители так называемого «комитета 300», включая атаквистических членов королевской британской семьи, проанонсировала две новости — создание «Совета по инклюзивному капитализму» и присоединение к Совету и,

соответственно, команде антихриста, папы римского (стамбулец Варфоломей открыто играет в команде уже десятилетиями).

Встает вопрос о том, что такое на самом деле «инклюзивный капитализм»? Вообще, инклюзивизм у русского читателя прочно ассоциируется с технологиями адаптации к жизни людей с ограниченными физическими, интеллектуальными возможностями, то есть инвалидов. Широко известно понятие «инклюзивная педагогика» для работы с «особыми детьми», модными стали фестивали «инклюзивного танца» на инвалидных колясках и другое. Использование этого термина для системы домостроительства, то есть экономики, очень странно, так как успешной такая экономика вряд ли будет. Но в понимании команды антихриста, она должна быть успешной лишь для них, в их антихристовом домостроительстве.

Несмотря на множество красивых, но лукавых переводов («всеохватный капитализм», «капитализм равных возможностей»), всё же нужно сказать, что «инклюзивный капитализм» выводит на первый план или на главную роль тех, кому ранее многое было недоступно, то есть аутсайдеров.

Для чего? Папа римский и Ротшильды считают, что — для справедливости и равных возможностей. Но на самом деле — для всеобщего разрушения под лукавыми лозунгами.

Вообще внедрение инклюзивного строя Ротшильдов наблюдается давно в социальной, религиозной и культурной сфере. Но тут они проанонсировали открыто, что замахнулись на чужую прибыль, частную собственность и на государства, которые не ими создавались.

Речь идёт в том числе о всеобщем принятии новых правил ведения бизнеса. Эти правила направлены на уничтожение бизнеса как такового за исключением тех, кто в команде антихриста и кто подготовился к «перезагрузке».

По новым правилам предполагается отказ от прибыли, акционеры перестанут получать доходы по акциям «ни за что», а доход должен будет всецело тратиться на нищих, меньшинства и на экологию. Об этом многие СМИ писали, в том числе и о планах растворения государств и передачи функций управления «оцифрованным стадом», то есть нами, — банкам и крупным бизнес-корпорациям (если мы не будем сопротивляться, то последнее постепенно вступит в силу).

Но поговорим о малоизвестных сторонах «инклюзивного капитализма».

Программа команды антихриста вновь актуализирует старые лозунги Великой французско-масонской революции: «Свобода, равенство и братство!». И братство, и равенство теперь нужно осуществлять в бизнесе — делиться имуществом с теми, кто вам со-

всем не братья, и равняться на их уровень благосостояния. А кто эти «братья»? Похоже, что цветные приезжие гости, национальные меньшинства, бездельники, извращенцы и наркоманы.

Некоторые новшества указывают на это. В Калифорнии осенью 2020 года усовершенствовали местный закон, согласно которому в совете директоров каждой компании (их тысячи) должны заседать помимо самих бизнесменов женщина, нацмен и извращенец. Представители бизнес-сообщества Калифорнии заваливают власти штата судебными исками.

Американская биржа NASDAQ тоже объявила, что с 2021 года не пустит на свою площадку компании, если в их совете директоров не присутствуют как минимум двое «инклюзивных» представителей из числа нацменов, инвалидов, извращенцев и женщин. Руководство инвестбанка Goldman Sachs еще ранее предъявило к компаниям такие же требования.

В мае руководство сети Facebook, значительно разбогатевшей благодаря «локдаунам», пообещало выделить 20 миллионов долларов (гроши в сравнении с её доходами) на поддержку малого бизнеса меньшинств. На расходы движения BLM (транскрипция американского лозунга «Жизни чёрных имеют значение». — Ред.) выдавали деньги крупнейшие корпорации мира — от Amazon до Pokemon.

Журналисты приняли такое поведение за «левую» программу и риторику. Журналистка российского издания В. Никифорова пишет: «Левацкая риторика, борьба за права униженных и угнетенных — всё это поражает своим цинизмом, когда звучит из уст долларовых миллиардеров» («Американские миллиардеры ставят негров и геев в нелепое положение»).

На наш взгляд, не совсем так, это — риторика нового «инклюзивного капитализма», на словах нацеленного на символическое «равенство», а в реальности на обнуление всей мировой экономики и мировой культуры и научных технологий до уровня положения стран Третьего мира.

Хотя мировым заговорщикам и участникам тайны беззакония, без сомнения, нужна и левая риторика тоже, ведь программа антихриста и его окружения, не верующего в вечную жизнь, должна содержать лукавые термины «равенство» и «справедливость». И вести к воплощению левых/масонских идей об упразднении частной собственности, семьи и государства.

В программе команды антихриста планы по достижению всего этого есть, и мы видим, как они подло и тайно реализуются. Наивно считать, что современные левые движения самостоятельны, а не давным-давно прикормлены миллиардерами и выращены в нужном русле с обязательным ратованием за «устойчивое развитие», права меньшинств, аборт и

евгенику. Уж слишком много родовых сходств в программах социалистов и капиталистов-глобалистов.

Сами «инклюзивные» квоты, предъявляемые на Западе повсеместно и к бизнесу, и к сфере культуры, легко объяснимы масонством команды антихриста. Ведь в масонских ложах приветствуется присутствие представителей всех религий и всех национальностей и строго запрещены полемики по политическим и религиозным вопросам. Британский королевский двор, давно прославившийся наркоторговлей в целях «устойчивого развития планеты», даже ввёл «по квоте» в свой состав негритянку, выдав её замуж за принца Гарри.

Ещё «инклюзивные квоты» для капитализма связаны с эволюционными воззрениями/заблуждениями пресловутой команды. Вообще, многое из того, что они утверждают, часто напоминает бред малограмотных или недоучившихся людей, повторяющих невесть что в расчёте на всеобщую некомпетентность и на то, что в их руках мировые СМИ и мировые правительства.

В либеральной этнографии еще с конца XIX века (и особенно в англосаксонском мире) всерьез распространялись ложные воззрения о том, что большие культуры и развитые народы не дали эволюционно и культурно развиваться малым народам и этносам. Потому сегодня настал «час расплаты». Чёрным американцам решили внезапно предоставить шанс наверстать эволюционные упущения и «развиться», пограбив зажиточных белых.

Кстати, по этой же причине Европу десятилетиями наводняли мусульманами, опубликовав накануне всё объясняющую и создающую Европе комплекс вины книгу «Ориентализм» Эдварда Саида о порабощении Европой исламского Востока. Привезенные с 1970-х годов на Запад мусульмане, согласно проектам команды антихриста, должны были взять эволюционный реванш, захватив Париж, культурные и христианские столицы Европы и её земли.

Но самой первой за свой православный «эксклюзивизм» расплатилась Россия. В Лондоне написаны целые монографии об опыте большевиков (книги Веры Тольц), которые с помощью бывших царских этнографов-либералов-масонов в срочном порядке создавали местную историю для национальных окраин (порой ложную и преувеличенную), давали письменность (вплоть до алфавита на кириллической основе), литературу и государственность многим этносам бывшей Российской империи. Обосновывая, что они эволюционно были подавлены старыми нациями — кто русскими, кто грузинами, а кто армянами, турками или персами.

Сейчас циничные преступники-миллиардеры, в отличие от большевиков, не стали даже угрождать и что-то создавать для

чёрных американских или исламских магрибских аутсайдеров, заботиться об их самостоятельной культуре, а просто и нагло провели законы о массовой миграции под ширмой нужд экономики во все европейские страны. Теперь вводят инородные толпы в дома бывших «эволюционных поработителей», давая «шанс» таким образом эволюционно «развиться» за счет грабежа.

Вот он «инклюзивный капитализм», равняющий культурные и развитые страны до уровня дна. «Свобода, равенство и братство» достигаются за счет ниспровержения стран первого мира и выведения всех на общий уровень мира третьего. Массы мигрантов, пользуясь приглашением от давосской команды антихриста, должны принести свой третий мир повсюду, уничтожив всё «эксклюзивное» — все достижения культуры.

В будущем, можно предположить, что в состав всех человеческих общностей будут заставлять включать не только меньшинства в человеческом облики, но и животных — поскольку, по мнению полуграмотных дарвинистов, человечество, «поработив» животных (например, сверхразумных лошадей), тоже не дало им эволюционно развиваться.

Потому можно сказать, что «инклюзивный капитализм» — это и есть равенство на «дно».

Далее, в таком инклюзивном характере вычищается и сфера культуры. Не нужно отдельных людей дна дотягивать до высшего уровня духа, развивать в них всё самое лучшее, нужно, наоборот, понизить всех до уровня дна.

Современное состояние культуры проявляет это. Квоты для меньшинств давно внедрены в зависимые от госфинансирования организации культуры во всём мире. Недавно в ведущей американской филармонии потребовали отменить «слепые прослушивания» при приеме музыкантов на работу. При «слепых прослушиваниях» не виден был цвет кожи исполнителя, и комиссия ориентировалась лишь на его мастерство. Так как число черных музыкантов при этом ничуть не возросло, ныне предписали отменить «слепые прослушивания» и брать музыкантов в филармонию исключительно по тёмному цвету кожи и исключительно по квоте.

По всему толерантному и инклюзивному миру лучшие произведения искусства шельмуются в статьях, дешевых книжонках, передачах и извергаются из государственных музеев, театров, опер, с телевидения якобы за их несоответствие «инклюзивным ценностям», а на самом деле на основании того, что они не дотягивают до уровня «дна», напоминают человеку о том, что ненавидит команда антихриста, — то, что человек существо духовное и венец творения и может достичь при желании невероятных высот Богоподобия. Слушатель Баха и мировых гениальных композиторов, почита-

тель Достоевского, никогда не поверит, что эта музыка, литература, живопись сотворена роднёй обезьяны.

Сейчас спешно-спешно вводится безальтернативное дистанционное и цифровое образование детей (если это можно назвать образованием). Не столько для того, чтобы предоставить всем равные возможности, а для того, чтобы уничтожить всё талантливое, одарённое, эксклюзивное и уравнивать всех до уровня дна и гетто. Потому и экзамены нужно отменить — как убеждает нас слуга команды антихриста Греф. Равняйтесь, дети, на дно, ведь вы не венец творения Божия (ваши отцы от Бога давно отреклись и не каются), а часть животного мира, так что назад, к состоянию обезьяны, и хуже — к страстям, порокам, инстинктам. Безумная команда антихриста мечтает об «обратной эволюции» — назад, к животным. И ставит эволюционные эксперименты над нашими детьми.

Если для светского общества «инклюзивный капитализм» со всеми его прелестями — страшная неожиданность и шок, то православные еще с 1940-х годов знакомы с «инклюзивным» проектом в религиозной сфере. Это известный многим «инклюзивный» масонско-протестантский «Всемирный совет церквей» да и всё движение экуменизма.

Пожалуй, главная характеристика деятельности ВСЦ и экуменистов — неверие в жизнь вечную, сосредоточенность на земном бытии и его приходящих и уходящих проблемах. Организация ВСЦ с давних пор «инклюзивно» включает в своей состав всех еретиков, сектантов и религиозных аутсайдеров, никого не оставляя в стороне. В экуменизме давным-давно воплощаются принципы запрета на эксклюзивность, высоту и сложность и приветствуются инклюзивные устремления к ценностям «дна» (в религиозном аспекте). К нашему стыду мы до сих пор там почему-то состоим, кормим экуменическое движение и соработничаем команде антихриста в ее адовой работе.

Трансгендеры, бездельники, проститутки и наркоманы — вот уровень, на который предлагается равняться человечеству. А как вы хотели? «Инклюзивный капитализм» — значит ничего эксклюзивного. Нет доминированию Христианства, нет элитной культуре, нет строго заданной на христианских началах норме права и поведения, нет вечной жизни, нет богоизбранности человека, нет человеку как венцу творения. Забудь, человек, о своей исключительности, равняйся отныне на «дно» и постарайся поскорее убраться из биосферы земли — это мечта и программа сверхбогатой и высокопоставленной команды антихриста. Удастся ли нам вырваться из пут этой программы и более того — ей противостоять?

ТАЙНЫ УБИЙСТВА РАСПУТИНА

Любая хотя бы мало-мальски объективная проверка фактов показывает — миф о Распутине имеет слишком мало общего с действительностью. Но создавали этот миф очень могущественные силы. Великий князь Николай Николаевич, Родзянко, Гучков, многочисленные либеральные газеты, а в войну подключились британская и германская пропаганда. Кстати, впоследствии Милюков признал в мемуарах, что «Распутина у трона не было» и влияния на политику он не оказывал. Но если лидер кадетской партии знал это, значит в своей речи 1 ноября 1916 г. он заведомо лгал — в чём и расписался.

А окружали Григория Ефимовича разные люди. Господь наделил его даром предвидения, но проявлялся этот дар далеко не всегда и независимо от его воли. Людей «насквозь» он не видел, был по-детски доверчивым. После покушения 1914 г. к нему была приставлена охрана, любые его контакты фиксировались. О.А. Платонов изучив все полицейские документы, составил полный список людей, встречавшихся с Распутиным: в нём тысячи имен. Среди них были искренние почитатели, которые при-

ДОСЬЕ "МГ"

ходили к нему в гости, вели духовные беседы за чаем. Были больные, верившие в его помощь. Были многочисленные просители. Как раз те, кто верил слухам о «влиянии» Распутина, надеялись на его ходатайства в тех или иных делах. А он сохранял редкую доброту и простоту души. Давал деньги, не отказывал и в ходатайствах. Но каких? Анна Вырубова вспоминала: «Григорий Ефимович, перебегая от одного к другому, безграмотной рукой писал на бумажках разным влиятельным лицам записки всегда почти одного содержания: «Милый, дорогой, прими» или «Милый, дорогой, выслушай». Несчастные не знали, что менее всего могли рассчитывать на успех, прося через него, так как все относились к нему отрицательно».

В окружение Распутина затесались и проходимцы — князь Андронников, Манасевич-Мануйлов, Арон Симанович. Вот они-то изображали, будто способны проворачивать через Распутина любые дела, искали клиентов и брали за «помощь» немалую мзду. Но это было целиком на их совести (если таковая имелась). Сам Старец оставался совершенно бескорыстным. Платы за исцеление не просил никогда. Если давали пожертвования — брал, но сразу же раздавал нищим, нуждающимся, сиротским домам, на монастыри и др. Юлия Ден, относившаяся к Распутину очень прохладно, свидетельствовала: «Жилье Старца было весьма скромным, питался он довольно скудно, а вино ему приносили в качестве дара лишь в последний год его жизни... Григорий Ефимович жил и умер бедняком... Я видела лишь моральную сторону этого человека, которого почему-то называли аморальным».

Да, аморальное поведение, кутежи, женщины, всё это оказывалось лишь домыслами. Его дочь Матрёна вспоминала, что еще в 1892 г., когда он засобирался в свои странствия, «что-то произошло в его душе: он перестал пить, курить и есть мясо и ушел из дома». Он до самой смерти не ел мясную пищу. Водки (на которую потом начнут клеить этикетки с его фамилией) не пил вообще. Употреблял только виноградное вино (мADERу), редко и умеренно. Иногда его приглашали в рестораны, но и здесь он вел себя с редким достоинством. Англичанин Жерард Шелли, побывавший в России и оставивший мемуары «Пестрые купола», присутствовал на званом вечере: провожали на фронт офицеров. Был приглашен и Распутин. Он даже не притронулся к спиртному, а когда явились цыгане плясать по заказу устроителей, Старец поднялся и с отвращением вышел. Шелли хотел познакомиться с ним, пошел следом, и Григорий Ефимович с горечью говорил ему: «Как печально! Как грустно за Россию! Вера и

благочестие покинули душу. И воет она, как волк у ворот вымершей зачумленной деревни, пугая честных людей. Россия гибнет».

Не доверять наветам на Распутина Царь имел полные основания. Когда ему доносили о якобы непристойных поступках и скандалах, он никогда не отказывался назначать проверки — и всякий раз эти истории рассыпались, оказывались абсолютно голословными. Известны случаи доносов о «выходках» Распутина, будто бы имевших место в то самое время, когда он находился рядом с Государем в Царском Селе, а в другой раз — вообще не в Петрограде, а в Покровском.

Впрочем, почему бы нам не обратиться к самому прямому и объективному свидетельству. Самого Государя. Он-то знал Распутина лично. И сам, а не понаслышке ощущал его молитвенную силу. Вот что он говорил и писал про Григория Ефимовича: «Он хороший, простой, религиозный русский человек. В минуты сомнений и душевной тревоги Я люблю с ним беседовать, и после такой беседы Мне всегда на душе делается легко и спокойно». «Когда у Меня забота, сомнения, неприятность, Мне достаточно пять минут поговорить с Григорием, чтобы тотчас почувствовать Себя укрепленным и успокоенным. Он всегда умеет сказать Мне то, что Мне нужно услышать. И действие его слов длится целые недели». «Все эти тяжелые годы Я прожил только благодаря его молитвам». «Если бы не молитвы Григория Ефимовича, то Меня давно бы убили».

В 1916 г. генерал Алексеев — кстати, сын бывшего крепостного крестьянина — невольно выдал затаенную гордыню, сказав Царю: «Удивляюсь, Ваше Величество, что Вы можете находить в грязном мужике?» Государь ответил открыто: «Я нахожу в нём то, чего не нахожу ни в одном из наших священнослужителей». Это было действительно так. В феврале 1917 г. верхушка российского духовенства предаст Николая II. Старец Григорий Государя и Его Близких не предал...

Сейчас уже известно, что для конструирования скандалов вокруг Распутина использовались двойники. Причем был не один, а несколько, состоялась даже «конференция» двойников в Харькове. Одного из них уже после смерти Григория Ефимовича князь Андронников показывал графу М.Д. Граббе, желая удивить его. А доносительство на Распутина особенно разыгралось в конце 1915-го — начале 1916 гг., когда министром внутренних дел стал А.Н. Хвостов, которого все современники характеризуют как абсолютно беспринципного и аморального типа. Вот он-то получил свой пост благодаря Григорию Ефимовичу. Но не по его ходатайству, а сам распространял о себе молву, что покончит с клеветой на Дру-

га Царской Семьи. Государь поддался, Хвостов получил вожделенное назначение.

Однако этот министр и его помощник, директор Департамента полиции Белецкий, проявили поистине загадочное миролюбие к революционерам и заговорщикам, оставляя без внимания доклады Охранного отделения. Зато повели целенаправленную дискредитацию Распутина. О.А. Платонов, изучая полицейские дела, обратил внимание: в этот период кто-то удалил из них все подлинники донесений агентов, охранявших Григория Ефимовича и наблюдавших за ним. Вместо подлинников появляются «сводные» донесения, машинописные, без подписей, без указаний на конкретных агентов. И написаны они не корявыми фразами полицейских филеров, разными у каждого из них, а единым безупречным литературным языком. Именно в этих «сводных» донесениях мелькают кутежи и скандалы (и ни одного имени свидетелей, ни одного протокола их показаний), упоминания о встречах Григория Ефимовича с женщинами легкого поведения (и опять же: ни одного имени женщин — хотя для полиции установить их было проще простого). Эти самые «сводные» донесения впоследствии публиковались А. Гессеном в «Архиве русской революции», получили известность в качестве «документа».

Чей заказ исполняли Хвостов и Белецкий, осталось за кадром. Но в начале 1916 г. они замыслили убийство Распутина. Сами при этом хотели остаться чистыми. Хвостов послал своего доверенного Ржевского в Христианию (Осло), где жил Илиодор Труфанов, чтобы преступление уже во второй раз совершили его, Григория, поклонники. Тот согласился, запросил 60 тыс. руб., 5 паспортов и 5 револьверов для исполнителей, которые приедут из Царицына. Но некий Гейне, вовлеченный в дело, предупредил Арона Симановича. А для того Распутин требовался живой, он же собирал навар на своей близости к Григорию Ефимовичу. Возможность спасти его как укрепляла позиции Симановича, сразу забившего тревогу. Ржевского арестовали, Хвостов и Белецкий слетели со своих постов.

Но поток клеветы в 1916 г. перехлестнул все пределы. Стали ходить по рукам фальшивые «письма» Великих Княжон к Григорию Ефимовичу, порнографические «дневники Распутина». И в этой грязи всё больше выделялась главная тема — связь Императрицы через Распутина с Германией, подготовка сепаратного мира. Разумеется, такая кампания нацеливалась не столько на Григория Ефимовича, сколько на Государыню и самого Царя. Требовалось опорочить власть, на-

строить против нее общественность, армию, народ: мол, правительство — марионетки Распутина, а в Царской Семье и вокруг Нее разложение, разврат, измена...

Но и попытки раскрутить дело о «шпионаже» Григория Ефимовича рассыпались в прах. Один из следователей, занимавшихся расследованием подобных обвинений, полковник Резанов, (очень плохо и предвзято относившийся к Распутину), позже признал: «Я должен по совести сказать, что я не имею оснований считать его немецким агентом... Затем, я никогда не имел указаний, что Распутин был связан с немцами и их интересами в корыстных расчетах... Я никогда не могу допустить, чтобы Распутин мог сам лично сказать про Государыню что-либо такое, что набрасывало бы тень на Ее личность. Это делали другие, кто окружал его. В этом повинно само русское общество, порождавшее грязные сплетни».

Тем не менее, за рубежом распространялись статьи, карикатуры о Распутине. Профессор Перс, работавший на британскую разведку, вернувшись из нашей страны в Лондон, выпустил книгу, что на самом деле Распутин через Императрицу и Царя управляет всей Россией. Значительный вклад в информационную войну внёс Илиодор Труфанов, написавший книгу «Святой чёрт» — он трудился над ней вместе с масоном Амфитеатовым, другом Горького. Александр Романов, следователь Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, старавшейся доказать «измену» Царя, Императрицы и Распутина, свидетельствует: «Книга «Святой чёрт»... была проверена документально и оказалась наполненной вымыслом. Множество телеграмм, которые приводит в ней Илиодор, никогда в действительности посылаемы не были. Проверка производилась по номерам телеграмм... Кроме того, комиссия имела в своем распоряжении не только телеграфные ленты, но даже подлинники всех телеграмм...»

Но если в России книгу Илиодора издали только после революции, то во Франции она была переведена и вышла в свет еще в 1916 г. Илиодор приобрёл за рубежом известность как «специалист по Распутину». Его посещали гости из разных стран, одним из них стал американец Бернштейн из журнала «Метрополитен». Расстриге предложили превосходные условия. В июне 1916 г. Илиодор прибыл в Нью-Йорк, и «Метрополитен» заказал ему цикл статей о Распутине. Владелец журнала был Уитни, один из директоров банка Моргана. А редактор — Вигхэм, который вёл переговоры с Илиодором, состоял в дружбе с резидентом английской разведки в США Вайсманом.

«Метрополитен» начал публикацию этих статей в сентябре, но через несколько номеров она вдруг оборвалась. Как выяснилось, возле Илиодора появился человек, предложивший статью его новым литературным агентом и передать его труды в другое издание. Это был Фрэнк Кобб, эксперт британского министерства иностранных дел в Нью-Йорке. Вайсман характеризовал его как «надежного сотрудника британской разведки». Кобб свёл расстригу с Вайсманом и его заместителем Твейтисом, и если до сих пор «разоблачения» Илиодора были обычной порнографией, теперь ему указали — необходимо сделать упор на роли Распутина в подготовке сепаратного мира с Германией. Кобб доверительно сообщил ему, что такие статьи станут особенно актуальными в связи со скорыми «изменениями в России». Из этих слов Илиодор потом понял, что убийство Распутина организовали англичане.

А публикации расстриги и впрямь стали удивительно актуальными. Они появились одновременно с речью Миллюкова в Думе. Как бы независимо друг от друга одна и та же информация выплеснулась в США и в России. Готовилось и убийство. Одной из аристократических семей, особенно близких к англичанам, были князья Юсуповы, графы Сумароковы-Эльстон. В 1915 г. глава этой семьи, Феликс Юсупов был генерал-губернатором в Москве, когда там произошел загадочный «немецкий погром»: публично звучали призывы повесить Распутина и постричь Императрицу, возвести на престол великого князя Николая Николаевича. Супруга Юсупова была близкой подругой госпожи Бьюкенен — жены английского посла. Помощник руководителя британской разведывательной миссии капитан Стивен Аллей даже родился в юсуповском дворце. А весной 1916 г. Бьюкенен отдыхал в Крыму и жил там в гостях у Юсуповых.

В столице сверкал сын старого князя, Феликс Феликсович Юсупов-младший. Он, как и его родители, был англоманом, учился в Оксфорде. С юности у него стали отмечать гомосексуальную тягу. В Англии Юсупов близко сходилась с несколькими молодыми людьми. Одним из них стал Освальд Рейнер. Он был из небогатой семьи, учился во второсортном колледже, но Юсупов облагодетельствовал его, Рейнер получил достаточно денег, чтобы тоже перевестись в Оксфорд.

В России молодого аристократа постарались «остепенить», женили на дочери великого князя Александра Михайловича, племяннице Царя. Но он продолжал тайные похождения, подружился с великим князем Дмитрием Павловичем, который вел весьма легкомысленный образ жизни, крутил романы с танцовщицами. Юсупов увлекался и чёрным оккуль-

тизмом, в своем рабочем кабинете поставил статую Люцифера. А его университетский друг Освальд Рейнер был призван в армию, но его сразу забрали в Интеллидженс Сервис, и в сентябре 1916 г. он в чине лейтенанта прибыл в Россию в составе разведывательной миссии Сэмюэля Хора. Возобновились их близкие отношения с Юсуповым, они неоднократно встречались.

Английская разведка установила наблюдение за Григорием Ефимовичем и его домом. Настолько навязчивое, что это обнаружил сам Распутин. Он связался через знакомых с Хором и предложил ему встретиться, но тот уклонился. Впоследствии Хор жаловался на «упорные слухи» о его прямом участии в убийстве Распутина. Шеф британской разведывательной миссии это отрицал, но вынужден был признать, что встречался с лицами, готовившими злодеяние, и знал о нём заранее.

Старец Григорий предвидел, что его земная жизнь подходит к концу. Говорил генералу Спиридовичу, что его убьют. При последней встрече с Государем, при расставании, Николай II, как обычно, попросил благословить его. Но Распутин вдруг сказал: «Нет, теперь Ты благослови меня». Известно его пророчество, оставленное в запечатанном конверте. Григорий Ефимович предупреждал — если его убьют простые люди, нанятые или сбитые с толку мужики, Государь может царствовать спокойно. Если же знать и родственники Царя — династия погибнет, разразится братоубийственная война. Но у организаторов преступления была своя логика. Распутина нельзя было убивать руками смутьянов и революционеров. Это должно было выглядеть патриотическим актом, совершиться столпами общества, монархистами — якобы под флагом спасения монархии.

В ноябре 1916 г. Юсупов обратился к Распутину, говорил, что нуждается в лечении от своей противоестественной тяги. Состоялись две встречи, где Григорий Ефимович молился с ним. А 16 (29) декабря Юсупов попросил его приехать к заболевшей жене, но поздно вечером. Объяснял: он не хочет, чтобы узнали родители (хотя жена и родители в это время находились в Крыму). Лакеям велел приготовить поздний ужин на 8 персон. Из них были установлены имена семерых приглашенных.

Жертва, Григорий Ефимович. Сам Юсупов. Великий князь Дмитрий Павлович — у него с Распутиным были личные счеты. В 1912 г. он сватался к старшей дочери Царя Ольге, был помолвлен с ней. Но Старец открыл глаза Императрице на развратные похождения великого князя, и брак не состоял-

ся. Четвертый — депутат Думы Пуришкевич. Очень честолюбивый вождь «черносотенцев», разрушивший «Союз Русского Народа». Считал себя монархистом, но монархизм его получался весьма специфическим, он был уверен, что России нужен другой Царь, и примкнул к оппозиции. Пятый, доктор Лазоверт, приехал в Россию с французской военной миссией генерала Жанена, стал главным врачом в санитарном поезде Пуришкевича и его ближайшим помощником. Шестой — поручик Сухотин, до этого лечившийся в английском госпитале. Седьмым был депутат Думы Маклаков, но он струсил. Передал некое вещество, как будто цианистый калий, а на деле — безвредный порошок. Сам на ужин не остался, исчез. Но был и восьмой, никогда и никем не названный. Лейтенант британской разведки Освальд Рейнер.

А вот охраны Распутина, которая постоянно сопровождала его, фиксировала любые его встречи, именно в этот день почему-то рядом не оказалось. Григорий Ефимович от Юсупова не вернулся. Его убили. Тело связали, упаковали, погрузили на личный автомобиль великого князя Дмитрия Павловича, отвезли на острова, сбросили с Петровского моста и утопили. По данным патологоанатомического исследования, проведенного профессором Косоротовым, Распутин получил три пулевых ранения, и все смертельные. Одна пуля вошла в спину, повредила печень. Это был первый выстрел — Юсупова, когда Григорий Ефимович молился на коленях перед Распятием. Вторая рана — в живот.

Третий выстрел был сделан в голову, с очень близкого расстояния. Контрольный. Но он был произведен из оружия другого калибра. Британские историки Э.Кук и Р.Каллен, изучив материалы следствия, установили: это был револьвер системы Уэбб, табельное оружие, выдававшееся офицерам британской разведки. Участие Рейнера подтверждается и другими фактами. На следующий день после убийства Юсупов хотел уехать из Петрограда — Рейнер обедал с ним, они вместе пришли на вокзал. Через 8 дней после злодеяния английский разведчик Аллей написал своему коллеге Скейлу: «Хотя не всё пошло по плану, наша цель была достигнута. Рейнер замечает следы и, несомненно, свяжется с вами». Первую книгу Юсупова об убийстве Распутина перевел на английский язык Рейнер. Он даже сына назвал Феликсом в честь князя. Перед смертью он сжег все свои бумаги, но в его семье и среди знакомых сохранилось предание, что именно Рейнер был убийцей Распутина.

Картина злодеяния до сих пор не раскрыта до конца. Преступники описывали ее по-разному. Юсупов пять или шесть

раз менял показания — и на следствии, и в воспоминаниях. Подлинников следственных материалов не сохранилось, только копии. Во многих деталях обнаруживаются разночтения, несоответствия. Поскольку многие участники убийства принадлежали к масонским организациям, существует и версия ритуального убийства — в патологоанатомическом отчете фигурирует «огромная рваная рана в левом боку, сделанная ножом или шпорой». Такие подозрения были и у Царя. Конечно же, не случайно по личным указаниям Николая II и Императрицы в качестве судмедэксперта был привлечен Дмитрий Петрович Косоротов — ранее он участвовал в расследовании по делу Бейлиса о ритуальном убийстве в Киеве русского мальчика Ющинского. Хотя фраза «не всё пошло по плану» могла иметь и такой смысл, что ритуал не удался. Что Распутина, неведомой силой вскочившего и выбежавшего во двор, пришлось добить, а потом пытались цедить кровь уже из мертвого — ею был залит весь снег у дома Юсупова.

Существует и устойчивая версия, что Григорий Ефимович был брошен в воду еще живым, поскольку руки высвободились из опутавших тело веревок, были подняты вверх благословляющим жестом, и пальцы правой сложены для крестного знамения. Но с простреленной головой он не мог остаться живым, и заключение профессора Косоротова говорит однозначно: «Легкие не были вздуты, и в дыхательных путях не было ни воды, ни пенистой жидкости. В воду Распутин был брошен уже мёртвым». Освободившиеся и поднятые для благословения руки — не признак жизни.

А ведь Григорий Ефимович мог спасти свою жизнь. Бросить ненавидевшую его столицу, уехать в родное Покровское, где его любили и уважали. Но как же больной Царевич? Как же Государыня и Царь, для которых его духовная поддержка и молитвы стали жизненно необходимыми? Он оставался на своем посту до конца. Оставался, даже зная, что падёт на этом посту. Принял на себя первые пули, нацеленные фактически в Царскую Семью.

Династия Романовых начиналась подвигом простого крестьянина Ивана Сусанина, отдавшего жизнь за Царя. Завершалась подвигом простого крестьянина Григория Распутина-Нового.

Между прочим, многие простые люди уже тогда не обращали внимания на клевету, видели в нём праведника, чудотворца. Когда его тело было обнаружено в реке, к этому месту началось настоящее паломничество. Люди набирали из прорубей воду, как крещенскую, — верили, что мученик освятил ее своей кровью! Зато общественность, интеллигенция,

восприняли убийство как настоящий праздник. По Петрограду начались восторженные манифестации. Преступников чествовали, будто героев. К Государю обратились с коллективной петицией 12 членов Императорского Дома, настаивая на прощении убийц. А к министру юстиции и к самому Царю явился великий князь Александр Михайлович. Он дерзко требовал закрыть дело, угрожая волнениями и революцией. (Тесть Юсупова. Ко всему прочему, в 1913 г. его избрали в США Великим магистром ордена иоаннитов. Он возглавлял масонский орден рыцарей «Филалет». А по данным американского историка Р.Спенса, он был еще и связан с Сиднеем Рейли.)

Министерство внутренних дел перехватило письмо княгини Юсуповой к великой княгине Ксении Александровне (сестре Царя и жене Александра Михайловича), где сообщалось: *«Она (Юсупова. — В.Ш.) как мать, конечно, грустит о положении своего сына, но «Сандро» (Александр Михайлович. — В.Ш.) спас всё положение; она только сожалела, что в этот день они не довели своего дела до конца, и не убрали всех, кого следует... Теперь остается только «ее» запретить»*. Очевидно, имелась в виду Государыня. Прекратить дело Николай II отказался. Наложил резолюцию на петиции великих князей: «Никому не дано права заниматься убийством, знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь вашему обращению ко мне».

Юсупов был выслан в свое поместье, великий князь Дмитрий Павлович отправлен на фронт в Персию. Подобная мягкость наказания тоже стала предметом исторических спекуляций. Но здесь необходимо внести ясность. Ссылка двоих участников убийства (а Пуришкевича государь даже сослать не мог, он обладал депутатской неприкосновенностью) не являлась наказанием! Наказание определяет суд. Велось следствие, но оно так и не завершилось (после революции министр юстиции Керенский немедленно закрыл дело).

К тому же, Николай II прекрасно знал, кто является заказчиком и организатором злодеяния. У него были свои каналы, и он получил исчерпывающую информацию, причем очень быстро. Сразу после возвращения из Ставки в Петроград Николай II вызвал к себе британского посла Бьюкенена, и вместе с ним был приглашен начальник разведывательной миссии Сэмюэль Хор. Посол повел себя очень нагло. С ходу попытался взять инициативу в свои руки и выставил требование: ввести в России «ответственное министерство». Очевидно, это было частью общего плана в расчете, что убийство испугает и деморализует Царя, делает его податливым. Но

Николай II заговорил с Бьюкененом сурово. Ему даже не предложили сесть, держали стоя в течение всей беседы. Государь прямо заявил о вмешательстве англичан во внутренние дела России.

Недавно в Англии были раскритикованы документы министерства иностранных дел того времени, и открылось: вернувшись с этой встречи, посол доложил в Лондон — Царь прямо обвинил его, что в убийстве участвовал Рейнер. Вскоре после этого Хор покинул Россию. Фактически был выслан. Для любого разведчика это означает крупные неприятности, провал. Но Хор получил значительное повышение. Рейнер тоже был повышен в чине. А награждают за успешные операции.

(Небольшое отступление. Сэмюэль Хор после этого возглавил британскую разведку в Италии. Как свидетельствуют недавно раскритикованные документы, там Хор осуществил еще одну операцию, нацеленную очень далеко — завербовал социалиста Бенито Муссолини. Он стал получать регулярные суммы от англичан, что позволило ему создать собственную партию, фашистскую (чтобы эта информация не всплыла, в 1945 г. британская разведка через подконтрольных им партизан организовала убийство Муссолини). А Хор потом попал в правительство Англии, был министром иностранных дел, лордом-хранителем печати. Он стал главным помощником Чемберлена в заключении Мюнхенского сговора с Гитлером, когда нацистскую Германию нацеливали на восток, подарив ей Чехословакию. Отсюда мы видим, что Хор был весьма непростой фигурой, с очень и очень высокой степенью допуска к закулисным тайнам.)

Зачем же понадобилось убивать Григория Ефимовича? Анализ показывает, что удар был выверенным, многоплановым и поражал сразу несколько целей. Первая. Государь Император в неимоверно тяжелых условиях удерживал самодержавную власть — рассчитывая передать ее Наследнику. Распутин обещал, что в 16 лет Алексей выздоровеет. Царь считал своим долгом передать сыну такую же власть, какую получил от отца. Теперь это теряло смысл. Сын был обречен, любая травма или рана могла стать для него смертельной. Династия по мужской линии должна была прерваться. Для Николая II и Александры Федоровны это оказывалось тяжелейшим ударом, подрывавшим их внутренние силы.

Вторая. Организаторы преступления помнили, что Григорий Ефимович в критической ситуации способен дать мудрый совет Государю, как случилось в 1912 г. Накануне готовившегося переворота эту опасность устранили.

Третья. Вокруг живого Раступина клеветнические обвинения рассыпались. Любая проверка показывала, что всё это — ложь. Но на мертвого можно было навесить всё, что угодно. А в кампании клеветы важен был вовсе не сам Григорий Ефимович, эксплуатировалась неразрывная связка: Распутин — Государыня — Царь. Теперь Николай II и его семья стали открытыми для атаки.

Четвертая. перевозбужденной оппозиции дали пример «самосуда». Вот так можно и нужно расправляться с теми, кого ты считаешь своими противниками. Самим брать на себя роли судей и палачей! Пролили первую кровь, дразня и соблазняя ее запахом. Пробыли в общественном сознании самую первую брешь, которая начнет расширяться и через которую вскоре хлынет море крови. Выстрелы в Распутина стали первыми выстрелами революции.

Ну и наконец, если учитывать, какие силы стояли за организацией убийства, становится очевидным его духовное значение. Вся верхушка российского общества, аристократия, дворянство, интеллигенция, деловая элита, даже высшие церковные круги были уже насквозь заражены западными разрушительными влияниями. Григорий Ефимович со своим чистым, народным Православием, имел смелость и дерзость находиться внутри этой верхушки. Поддерживал вокруг себя тех, кто сумел сохранить искренность и чистоту веры. Стал духовной и молитвенной опорой Царя, Государыни, их сына и дочерей. Поэтому его уничтожили, вышибли эту опору.

А Государь и Его близкие в связи с такими настроениями в столичном обществе даже хоронить своего друга вынуждены были тайно. Место предоставила Анна Вырубова. К царско-сельскому парку примыкал ее личный участок, там начали строить часовню св. Серафима Саровского. В ней и упокоили старца. Провожали его только несколько человек: Царь, Александра Федоровна, наследник, царевны, Вырубова, Ден.

Усталый странник, изнемогая под грузами клеветы, которая была непомерно тяжелее любых вериг, честно прошагал свой земной путь. Ушел дальше — к светлым и чистым Небесным Чертогам... Известный праведный Старец Николай (Гурьянов), прославившийся на всю страну своей прозорливостью и чудотворениями, неоднократно предупреждал людей: «За Царскую Семью нас Господь простил, уже помиловал. А за Григория Россия несет епитимию... Надо очистить Григория от заплевания и грязи. Он мученик и Божий человек».

ОНИ СОЕДИНИЛИСЬ

В конце уходящего года глава римо-католической церкви папа Франциск объявил сенсационную новость: Ватикан вступил в «глобальный альянс» с крупнейшими мировыми банками, международными корпорациями и глобалистскими фондами для создания экономического Совета, направленного на перераспределение богатства по всему миру. В Совет вошли 27 «хранителей» из 27 крупнейших ТНК мира с совокупным доходом более 10,5 трлн. дол. активов под управлением компании с рыночной капитализацией более 2,1 трлн. дол. и 200 млн. работников в более чем 163 странах мира.

Смелая затея Франциска, именуемая «Совет по инклюзивному капитализму с Ватиканом», ставит своей целью создание «более сильных, справедливых и совместных экономик и обществ». Элитная группа учредителей Совета под названием «Хранители» — это известная кучка глобалистов-масонов, страдающих манией величия, которые полны решимости внедрить радикальную крайне «левую» политику по всему миру: насаждение трансгуманизма, трансгендерной политики, инициатив по гло-

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

бальной идентификации личности, оккультной концепции «Новой эры» и пр.

В список «Хранителей» помимо папы Франциска входят генеральные директора Visa, Mastercard, Bank of America, Du Pont, The Estée Lauder Companies, Johnson & Johnson, BP, а также Линн Форестер де Ротшильд, президент Фонда Рокфеллера Раджив Шах и президент Фонда Форда Даррен Уокер. Воссоединение известных и находящихся в постоянном противоборстве кланов под крылом понтифика-иезуита — безусловно, центральное событие прошлого года (ковид, как говорится, отдыхает). Совет возглавила группа мировых лидеров, названная учредителями таинственным словом «Стражи», впрочем, их имена в традициях масонского мистицизма скрываются.

Наследница капиталов Ротшильда Линн Форестер, основатель Совета Inclusive Capital Partners, которая, по сути, и заваривала всю эту кашу с перезагрузкой капитализма, красноречиво в духе «вольных каменщиков» заявляет: «Мы отвечаем на вызов папы Франциска по созданию более инклюзивной экономики, которая более справедливо распределяет преимущества капитализма и позволяет простым людям полностью реализовать свой потенциал. Наши действия должны быть основаны на морали и этике! И поэтому святой отец просит нас сегодня вложить прибыль в служение планете и человечеству! Наш совет будет следовать просьбе папы римского Франциска выслушать «крик земли и крик бедных» и ответить на требования общества».

Можно смело утверждать, что кутерьма вокруг «гуманного капитализма» — это всего лишь дымовая завеса, прикрывающая планы построения глобального тоталитарного режима с цифровым концлагерем для 99% жителей «дивного нового мира».

На смену экономическому либерализму готовят «железный порядок» крупнейших корпораций. Малого и среднего бизнеса в новом мире, естественно, не будет, «пандемия» на наших глазах его зачищает, и по мнению экспертов процесс этот может завершиться уже в 2022 году.

Однако во всём этом поражает не сам принцип инклюзивного или социально-ориентированного капитализма, который якобы всех обеспечит работой, будет развиваться без погони за прибылью и кризисов с заботой о будущих поколениях (то есть капитализм, полностью себя отрицающий), а создание нового Совета именно под покровительством Ватикана. Похоже, пророчества начинают исполняться, и Ватикан всерьез готовится к передаче папской тиары Иерусалимскому царю.

Вступив в исторический альянс с Ротшильдами, Рокфеллерами и крупными банками, Ватикан только что создал свою, можно сказать, личную капиталистическую ООН с целями и задачами будущего глобального мира — преступил к осуществлению так называемой «великой перезагрузки».

Эксперт по церковно-политическим вопросам Александр Вознесенский пишет, что по факту в данной затее Ватикана впервые речь идёт не о чём-то, но именно о попытке публичной декларации создания мирового правительства, которое будет сотрудничать с единой мировой религией во главе с понтификом.

Не случайно создание альянса произошло именно после того, как Всемирный экономический форум, Организация Объединенных Наций и другие учреждения недавно призвали к «великой реставрации», чтобы реорганизовать мировую капиталистическую систему в трансгуманистический социалистический мировой порядок, который якобы призван уничтожить частную собственность и валюту.

Очевидно, что при таком раскладе под удар будут поставлены в первую очередь православие и ислам — авраамические традиции, которые видят в подобных проектах знаки последних времен.

Божией милостью неучастие РПЦ в работе Критского всеправославного собора вывело Русскую Церковь из пагубного движения по объединению двух церквей на ватиканских условиях, и это очень правильно. Дальнейшее существование Восточной Церкви во главе со вселенским патриархом как обособленной от Ватикана уже в ближайшее время станет невозможным, ибо патриарх Варфоломей уже признал главенство Святого Престола. Диптих Восточной Церкви перестанет существовать сразу же после подписания экуменического документа.

Теперь становится понятна спешка по унии Западной и Восточной Церквей, когда осталось только одно — признание единства от Константинопольского патриарха Варфоломея с приложением к документу большой папской печати Ватикана. Объединение, вероятно, произойдет в 2025 году, когда будет отмечаться 1700-летие Первого Вселенского Собора.

Ключ к разгадке происходящего, как полагают заинтересованные зарубежные издания, ни много ни мало — в идее восстановления Священной Римской империи под управлением «католической», или «вселенской» церкви. Главный редактор газеты Philadelphia Trumpet Джеральд Стейч написал, что многие «британские и американские лидеры действительно помогли построить современное возрождение Священ-

ной Римской империи». Контакты Билла и Хиллари Клинтон в Бильдербергском клубе и других трансатлантических организациях работали именно на Ватикан, чтобы реформировать американский капитализм в нечто большее, чем смешанная экономика.

«Совет по инклюзивному капитализму, китайский конкордат и вмешательство папы Римского в американскую политику имеют общую тему: они хотят восстановить Священную Римскую империю!» — считает Эндрю Миллер, обозреватель The Trumpet.

Расшифровывая происходящее, авторы книги «Возрождение Священной Римской империи» разясняют, что библейские пророчества описывают великую церковь в конце времени, которая имеет значительное политическое влияние на «царей земли». Она имеет особую власть над союзом наций, описанных в символических терминах, например, таких, как «зверь» (Откровение, 17). «Это описание может применяться только к одной церкви в современной истории — церкви, которая вмешивается в дела народов и считает себя матерью для всех, — церкви возрождающейся на наших глазах Священной Римской империи».

Еще папа Григорий во время спора об инвеститурах в своей энциклике выдвинул «теорию папского мирового правительств». Папа Урбан провозгласил: «В одном смысле весь мир — изгнание для христианина, а в другом: весь мир — его страна. И если папа является главой всех истинных христиан, как утверждает церковь, то разве это не ставит католическую церковь во главе мира?»

На фоне мании величия и идей о Великой Америке, Великом Туране, Великом Израиле и пр. Римская империя выглядит совсем не ново, но факт остаётся фактом. Выходит, у «Москвы — Третьего Рима» появились конкуренты? Вопрос риторический и все, конечно же, всё понимают...

Заинтересован ли Святейший Патриарх Кирилл в присоединении к объединению двух церквей? Заинтересован ли в этом президент Российской Федерации В.В. Путин? «Надо полагать, что нет, — считает известный блогер К.Ф. Ипатьев, майор ГРУ в отставке, — иначе бы не прятались за беспрецедентными мерами безопасности, явно уйдя в вынужденный «затвор». Это не страх коронавируса — это страх от возможного вовлечения России в процесс уничтожения государственности, в процесс целенаправленного сокращения человечества, в процесс создания единой мировой экономической системы с центром в Ватикане, Лондоне и Париже».

Как и в какой форме в ближайшее время будет происходить реализация замысла Ватикана — особого значения уже

не имеет. Ясно одно — «новый век», который по пророчествам продлится 1260 дней или 42 месяца (по 30 дней каждый), не принесёт ничего, кроме рабства, унижений и тотального уничтожения тех, кто не вписался в новую систему отношений, в новую религию и в ту систему ценностей, которая сегодня создается в Ватикане.

России нужно стоять особняком от этого движения к всеобщему распределению «благ», так как за ним прячется всеохватывающая кабала, рабство и отупение миллионов, миллиардов людей по всему миру.

Игорь ДРУЗЬ

УКРАИНА: ГЕНОЦИД КАК ПРАЗДНИК

На Украине сделан новый шаг по изменению религиозной идентичности народа и фальсификации истории: группа депутатов во главе с одиозным «соросенком» Вятровичем внесла законопроект, предполагающий празднование на государственном уровне 425-летия Брестской унии. Нет особых сомнений в том, что если не прямо сейчас, то в обозримом будущем этот «праздник» действительно получит господдержку. Конечно, с точки зрения создания антирусской идеологической матрицы это будет вполне логично и выгодно американским кураторам Украины. Униаты ведь давно стали одним из главных орудий политики Вашингтона на Украине, массовой всех майданов. И американцы закономерно хотят сделать похожими на них всё местное население. Недаром в свое время посол США Джеффри Пайетт (один из главных организаторов евромайдана) заявил, что за три года работы в Киеве из всех граждан Украины ему больше всех понравился униатский митрополит Святослав Шевчук.

Госдеп даже развернул большую программу подготовки «новых лидеров» для Украины, которая с его подачи теперь осуществляется на базе Католического Университета во

Львове. Программа обучения «лидерства для развития» поддерживается «Центром по вопросам демократии, развития и верховенства закона» при Стэнфордском университете, «Центром международного бизнеса и общественной политики Школы углубленных международных исследований им. Пола Нитце» при Университете Джона Хопкинса, а также сетью Omidyar. США присылают туда своих лекторов, даже уровня знаменитого Фукуямы (знаменитого, правда, не высоким уровнем своей научной мысли, а накалом своей проамериканской пропаганды). Де-факто уния стала государственной религией Украины наряду с расколом «ПЦУ», являющимся переходным этапом к унии.

А вот с точки зрения реальной истории Украины праздновать годовщину унии — это, примерно, то же самое, что праздновать взятие и сожжение Киева ханом Батыем. Ведь уния принесла Юго-Западной Руси не меньше страданий и крови, чем нашествие монголов. Потому ее осуждал даже главный кумир украинских националистов — поэт Тарас Шевченко, известный своей неприязнью к православию. Она стала поводом для небывалых религиозных и национальных притеснений православных мало- и бело-россов в Речи Посполитой, закономерно вызвав их ответные восстания. В конечном итоге она привела к полному развалу данного государства.

Даже многие из убежденных польских католиков того времени жестко осуждали унию и кровавые методы, которыми она насаждалась. Известны, например, письма канцлера Великого княжества Литовского Льва Сапеги (1557—1633) к кровавому насадителю унии Иосафату Кунцевичу, которого позже католики назвали «святым». Этот польский аристократ пренебрежительно считал православие «схизмой», но всё же был крайне разгневан незаконными нападениями на православие со стороны Кунцевича и его соратников, которые попирали закон и ставили под угрозу безопасность вверенного ему государства. Он обличал Кунцевича в жестокости, правонарушениях, отступлениях от христианских принципов и прозорливо предвидел, что уния может привести к концу Речи Посполитой. В частности, в 1622 году Лев Сапега писал:

«Вместо радости, пресловутая ваша уния наделала нам столько хлопот, раздоров, и так нам опротивела, что мы желали бы лучше остаться без нее, так много, по ее милости, мы терпим беспокойств, огорчения и докуч. Вот плод вашей пресловутой унии! Сказать по правде, она приобрела известность только смутами и раздорами, которые произвела она в народе и в целом крае!»

В тот же период звучали еще более жесткие обличения унии со стороны православных. Но они не были услышаны польским

правительством и потому плавно перетекли в звон повстанческих казацких сабель. Например, 1623 году в Варшаве состоялся сейм, на котором выступил вольнский шляхтич Лаврентий Древинский, который сказал: «В Литве Полоцкий архиепископ 5 лет уже держит запечатанными православные церкви Орши и Могилева... Наконец, вот дело ужасное, невероятное, варварское и свирепое: в прошлом году, в том же литовском городе Полоцке, тот же апостат-епископ, чтобы ещё более досадить горожанам, намеренно приказал выкопать из земли христианские тела, недавно погребенные в церковной ограде, и выбросить из могил на съедение псам, как какую-нибудь падаль...»

По современным меркам навязывание униатства в Речи Посполитой вполне может считаться геноцидом людей по религиозному принципу, настолько жестоко она насаждалась. И эти неслыханные издевательства над верой и законностью, над свободой и справедливостью, это глумление над мертвыми телами ныне названо «путем в Европу», и его годовщину хочет сделать государственным праздником депутат Вятрович!

Притом украинские националисты, желающие иметь такой странный государственный праздник, как годовщина Брестской унии, обычно не знают, что новая конфессия, созданная в 1596 году путем насилия польского государства над их предками, вовсе не называлась «украинской». Тогда о «древних украх» никто и не слыхивал. После Брестской унии была создана Митрополия Киевская, Галицкая и всяя Руси, подчиняющаяся папе Римскому. Также ее еще называли Русской Униатской Церковью (по латыни: *Ecclesia Ruthena unita*).

Позже австрийская императрица Мария-Тереза назвала униатскую конфессию на территории современной ей Галиции: *Ecclesia Greco Ruthena* (Церковь Греческо-Русская). При этом определение *Ruthena* (Русская) в документах самого Ватикана изменилось на *Ukrainorum* только в 1962 году, в период революционной ломки католического вероучения на Втором Ватиканском соборе, когда католицизм был поставлен под контроль антихристианских сил. Тогда новым хозяевам Ватикана понадобилось создание антирусской политической секты на обломках старого униатства, и для этого они выбросили из ее названия всякие намеки на русскость.

Современная Украинская греко-католическая церковь, которую украинские националисты мнят происходящей от Брестской унии, на деле является чистой воды новоделом, порожденным глобальными революционными процессами. Старое униатство было полностью ликвидировано при советской власти, причем при поддержке немалой части греко-католического духовенства, симпатизирующего правосла-

вию и России. Униатство под новым названием УГКЦ было заново создано в 1989 г., в основном — из группы клириков Русской Православной Церкви, которые из соображений личной выгоды или далекой от христианства идеологии укронационализма решили перейти под юрисдикцию папы римского. Главной задачей УГКЦ с самого начала была пропаганда прозападного курса Украины и ненависти к Русскому миру, и этому курсу она следует все время.

Реальной датой рождения украинского униатства стал не далекий 1596 год, который служит для него только своего рода пропагандистским маяком. На самом деле датой рождения УГКЦ следует считать 1 декабря 1989 года. Тогда генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев посетил Ватикан и встретился с одиозным папой Иоанном Павлом II, которого даже немалая часть католиков считает еретиком и отступником от христианства. Эта встреча советского генсека и папы-глобалиста ознаменовалась своего рода негласным «конкордатом» руководства позднего СССР с Ватиканом. Вскоре после нее советские власти легализовали униатов и дали им государственную поддержку в Западных областях УССР. КГБ и МВД УССР тогда стали оказывать тайное, а порой и явное содействие захватам православных храмов униатами, которые происходили путем крайнего насилия и даже вызвало человеческие жертвы.

Новое униатство стало явлением кардинально иным, чем старое. Старых униатов, к примеру, не зря называли «католиками православного обряда». Ведь хоть они и подчинились папе римскому, однако продолжили очень цепко держаться за форму православной литургии. Но в УГКЦ православная литургия сломана, что открыто признает даже часть униатских клириков. Так, клирик Богдан Киктик в 2014 году с трезвой писал в своей статье «Литургические аспекты «живого прихода» следующее (пер. с укр.): «Сегодня в подавляющем большинстве приходов нашей церкви богослужения суточного круга уступают место разного рода паралитургийным практикам (молебен, акафист... и прочее). Нужно помнить, что частная молитва христиан должна всегда быть продолжением литургической молитвы, а не наоборот».

Более того, новые униаты изменили язык богослужения с церковно-славянского на украинский, что для их предков являлось тоже немислимым. Церковно-славянский как бы остался, но только формально, и абсолютное большинство служб в храмах УГКЦ идет по-украински. И это не говоря о том, что в «духовных» униатских заведениях теперь обучают таким «преlestям» глобализма, как радикальный феминизм, толерантность к содомскому греху, мультикультуренность и т.п.

Это, впрочем, вполне закономерно для структуры, крестными отцами которой были генсек ЦК КПСС Горбачев и папа-модернист Иоанн Павел II. В свое время из-за деятельности последнего немало католиков вообще ушли из подчинения Ватикану, а некоторые даже предали его анафеме. Так, конфессия под названием Византийский патриархат, образованная из бывших католических клириков, сделала следующее заявление о папе Иоанне Павле II: «Иоанн Павел II принял масонов в Церковь, поскольку отменил экскоммуникацию на них (то есть церковное отлучение. — И.Д.)... Если сегодня Ватиканом управляет масонская элита, то это уже не Святая Церковь, но блудница антихриста — Вавилон... Довершением этой ереси был жест папы Иоанна Павла II в Ассизи (1986) при совместной молитве с представителями языческих культов, а также сатанинского вуду. Этот жест папы создал еще одну мега-ложь о том, что все языческие культы ведут к спасению. Согласно духу Ассизи, больше не нужно проводить настоящую миссию и обращать язычников к спасительной вере в Христа».

Всё большее количество адептов современного униатства прозревает, видя политическую ангажированность УНГЦ, антихристианскую по своей сути. Но с другой стороны, давление государства помогает распространению нео-униатства и переформатированию сознания украинцев.

www.rossiyaplyus.info

Юрий ЩЕРБАКОВ,
председатель Астраханского отделения
Союза писателей России

ФАЛЬШИВЫЙ «ГРОЗНЫЙ»

Второй год идут ожесточённые споры о возможности возведения в Астрахани памятника Ивану Грозному. Православный олигарх посулил профинансировать проект, градоначальник вроде был не против. Потом глава администрации уволился, а богач поостыл. Но сотрясение воздуха пламенными речами сторонников и противников увековечения царя Ивана Васильевича продолжается. Однако после выхода на экраны ТВ сериала «Грозный», кажется, они канут в

небытие. Потому что даже заикаться о памятнике лютому зверю и сумасшедшему душегубу, каким показан Грозный в кино, не то что неловко — неприлично!

Какие чувства рождает сериал, на который, не сомневаясь, было потрачено столько казны, что хватило бы на сотни, а то и на тысячи памятников? Отвращение, в лучшем случае — брезгливую жалость, но уж никак не гордость к истории нашей многострадальной Родины! Если этого добивались создатели фильма, то они своей цели достигли.

Русского народа и его великих деяний в сериале попросту нет. Есть мятущееся стадо, покорно встающее на колени пред венценосным злодеем, алчущим власти и крови. Есть бояре, пекущиеся только о том, чтобы остаться царьками в своих вотчинах. Есть отребье человеческое, палачи, убийцы, разбойники, распутники, составившие опричное войско. Есть вроде бы и светлые образы. Но у них, по воле сценариста, свои скелеты в шкафу. «Страдалец» князь Владимир Старицкий предаёт доверившихся ему бояр, царица Анастасия по бабьей глупости толкает царя на бесконечную Ливонскую войну, её брат из мести фабрикует дело против советников царя Сильвестра и Адашева, князь Курбский — не просто беглец от опалы, но изменник, продающий полякам государственные секреты. Репрессированный поп Сильвестр, кстати, автор знаменитого «Домостроя», тоже грешен: ради благой цели — устремления Руси не на Запад, а на Восток против Крымского ханства и Турции — пишет подмётное письмо, за которое головами расплачиваются невинные люди. Даже богатырь Лука, олицетворяющий, по авторской фантазии, русский народ, своей волей идёт в опричники и участвует в убийстве семейства Владимира Старицкого. Словом, у всех рыло в пуху.

За кадром остаются главные события эпохи — Стоглавый Собор, решения которого определили жизнь общества и церкви на 116 лет вперёд, присоединение к Русскому государству Казанского и Астраханского ханств, расширение и укрепление границ страны, возведение новых городов и крепостей. Ни слова, ни полслова в сериале и о нашествии объединённого турецко-татарского войска в 1569 году. А ведь целью этого похода было отнятие у Руси только что завоёванного Поволжья! Пресловутая толерантность, что ли, помешала сценаристу вспомнить о сокрушительном разгроме под Астраханью гигантской вражеской армии? Ну как же — на государственном уровне мы то и дело сегодня расшаркиваемся перед Турцией: не дай бог обидится могучий сосед, и тогда сбитым над Сирией самолётом дело не ограни-

чится. А тут вдруг напомнить Стамбулу о его позорном поражении! Скандал! Но воистину «кому бесславье, а кому бессмертие»! Кто знает, как изменилась бы история России, если бы не остановили тогда агрессора в низовьях Волги. Гениальная военная операция, в которой был задействован гарнизон Астрахани, «наплавная рать», возглавляемая князем Серебряным, вольные казаки и Ногайские Орды, была разработана и осуществлена под руководством великого стратега, имя которому Грозный.

Может показаться, что я далеко ушёл от темы разговора. Да ничуть! Потому что победа над турками — яркий пример мужества и героизма русского народа и мудрости его полководцев! На таких примерах и воспитываются гордость и уважение к истории Отечества! Точнее, должны воспитываться. А на деле миллионы тратятся на сериал, преследующий совсем иные цели... Кстати, а почему «Грозный»? Не звали тогда так царя в народе! Прозвище это носил государь Московский Иван III. А Иван Васильевич с нелёгкой руки западных врагов именовался «Ужасным». Для них ужасным! Почему-то короля Карла IX, при котором во Франции вырезаны были десятки тысяч гугенотов, там так не называют. А русского царя, за пятидесятилетнее правление которого казнено было меньше людей, чем за одну Варфоломеевскую ночь, — пожалуйста! Кстати, свершилось то злодеяние во Франции в августе 1572 года, как и битва при Молодах, которую, слава Богу, не забыли показать в сериале. Правда, при современных-то возможностях могли бы показать и масштабнее, и красочнее. Ведь кровопролитное сражение, определившее судьбу России, длилось не один день. Но доблесть и героизм русского народа, видимо, меньше всего волновали создателей кинофильма. Как и правдивый образ царя. Да, многогрешен был Иван Васильевич, но и сделал для государства немало! Но о великих деяниях этих в фильме только невнятная скороговорка.

Помню, на совещании писателей, пишущих на историко-православные темы, которое проходило в 1998 году в Свято-Даниловом монастыре, Владимир Крупин упрекнул коллег в вольном обращении с бытовой стороной жизни великих людей: мол, есть их канонические «Жития», и нечего домысливать и фантазировать, как они ели, пили, любили. Дмитрий Балашов резонно возразил, что это касается бездарных сочинителей, стараниями которых порой создаются не образы, а пародии на исторических деятелей прошлого. Не раз вспомнились мне мудрые слова обоих писателей, когда смотрел «Грозного». Что добавляют к образу царя откровенные по-

стельные сцены с его жёнами? А уж когда на охоте он распакивает одежды на будущей супруге Марии Темрюковне, так и хочется крикнуть: «Не верю!» Потому что к девичьей чести на Руси тогда относились не так, как сегодня...

К слову, о жёнах. Когда Иван Васильевич женился в первый раз, ему едва исполнилось 17. А невеста была и того младше. В фильме же счастливого новобрачного изображает актёр возрастом под сорок, и партнёрше его явно не 15. Конечно, люди в те времена жили меньше и старели раньше, но не настолько же! По воле авторов сериала его герои говорят на языке, нисколько не отличающемся от современного. Сценарист Тимур Эгзугбая не стал заморачиваться со старинной лексикой. Зачем? Так понятнее! Редкая, кстати, фамилия у сценариста. Редкая для России. Мне дела нет до его национальной принадлежности. Но уверен, что никогда литератор Иван Иванов не станет сценаристом сериала для грузинского телевидения, скажем, о царе Вахтанге VI, похороненном, между прочим, у нас в Астрахани!

Резонный вопрос: а почему для кинофильма был выбран именно этот сценарий? Что, у нас мало исторических романов на эту тему? Да хоть бы классический трёхтомник Валентина Костылева «Иван Грозный». Разве трудно превратить его в добротный сценарий? Как, впрочем, и сделать литературной основой многих будущих фильмов произведения Дмитрия Балашова, Валентина Иванова, Василия Яна, Эдуарда Зорина, Сергея Бородина, Николая Задорнова, Валентина Пикуля, Валерия Замыслова, Михаила Рапова, Владислава Бахревского? В их романах — подлинная история Отечества, история подвига и славы, самопожертвования и веры. Какой мощный заряд настоящего, а не показного патриотизма, гордости за великое прошлое Родины могла бы получить молодёжь от достойной экранизации произведений мастеров! Да, впрочем, о чём это я? Именно потому и шарахаются, как чёрт от ладана, киношники от замечательных русских исторических романов, что они — настоящие. Поэтому и появляются на экранах низкопробные поделки, вроде сериала «Грозный».

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2021 год
(Январь)

17 декабря Спортивный арбитражный суд (CAS) в очередной раз наложил на Россию санкции, которые (пока) будут действовать до 16 декабря 2022 года. Можно не сомневаться, что потом они будут продлены.

Как и прежде, на Олимпийских играх и чемпионатах мира т.н. «чистые» российские спортсмены смогут выступать только под нейтральным флагом и без гимна страны. А официальным лицам России вообще будет запрещено посещать эти соревнования.

На сей раз в Кремле никак публично не отреагировали на это очередное оскорбление и унижение России. Мол, призывкли уже: чего реагировать? А наши спортивные чиновники такое решение CAS даже восприняли как свою победу: им и российским спортсменам, оказывается, перед заседанием суда грозила четырехлетняя дисквалификация...

И вновь наши белофлажные и обезгимненные спортсмены поползут на брюхе к тем, кто будет над ними откровенно изде-

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

ваться и смотреть на них как на прокаженных. А спортивные чиновники да и вся страна, сидя у телевизора, будут молча проглатывать это оскорбление.

Вот уже тридцать лет мы живем при т.н. «демократии». За это время российский «либерально-демократический» кинематограф наснимал море кровавой детективщины. И через тридцать лет существования т.н. «демократической» власти ее «культурной» обслуге на Новый год по телевизору показать нечего, кроме добрых и веселых советских фильмов...

Эта власть кичится «сарматами» «посейдонами», «авангардами», «цирконами», «арматами» и т.д., списывает миллиардные долги африканским странам, перечисляет миллионы долларов в ООН на поддержку «развивающихся» государств... А бессовестная московско-мэрская власть заблокировала проездные карты пенсионеров. Но им, пенсионерам, всё равно приходится ездить по своим неотложным делам и проблемам (и ведь многие из них — работают) — за свой счет. Не сидеть же целый год в четырех стенах. А бессовестной власти и это хорошо — наживается на пенсионерах.

«Наше» архилиберальное телевидение на одной только рекламе имеет миллиардные доходы. Но разве может оно не просить денег у населения на лечение тяжелобольных детей?.. Конечно, не может. Архилиберальность не позволяет...

За последние полгода ушли из жизни беззаветные патриоты России, выдающиеся русские ученые, писатели и общественные деятели: И.Я. Фроянов, В.Н. Осипов, А.И. Казинцев, М.Я. Лемешев, но о смерти ни одного из них вообще ни разу не сообщил «наш» либеральный телеящик, бесконечно отзывчивый на уход в иной мир нерусских певцов и артистов...

В США бумерангом не только появился собственный Гуайдо под именем Джо Байден, но точно таким же бумерангом возник и собственный майдан перед зданием Конгресса на Капитолийском холме. 6 января накануне православного Рождества сторонники Трампа вступили в схватку с полицией и захватили Капитолий, где заседал Сенат. Конгрес-

смены должны были окончательно узаконить сфальсифицированные выборы и утвердить Байдена президентом. Но демонстранты ворвались в Капитолий и устроили в нём погром. Четыре человека из них были убиты полицейскими. Только в ночь на 7 января полиция с помощью слезоточивого газа удалось вытеснить из здания Конгресса «погромщиков» американского майдана. На следующий день пиндосские политики завопили о «неприемлемости», «недопустимости», «нецивилизованности» насилия по отношению к законной власти в современном обществе... Быстренько они позабыли о выделении ими же 5 млрд. баксов на украинский майдан, приведший к насилию против законной власти. Не говоря уже о насилии по отношению к законной власти в Югославии, в Ираке, в Ливии, в Сирии... Или о насильственном внедрении во власть венесуэльского Гуайдо...

За несколько дней до православного Рождества тот же пиндосский Конгресс принял закон о гендерном уравнивании полов, т.е. об отмене таких понятий, как «мать» и «отец» и замене их на нейтральное понятие «родитель». Так что погром американского Конгресса на православное Рождество стал не просто логичным бумерангом собственного майдана, но и вполне законным и многозначимым знаком Свыше.

* * *

Трамп трусливо открестился от своих сторонников, захвативших Капитолий, обвинив в этом захвате, как и положено, Россию. Трусость и моральное ничтожество — это неизменные и природно-органичные качества всех американских властителей, и именно из них исходят обычные для Пиндосии жестокость, коварство и лживость во всех ее международных делах. Вот поэтому уже на следующий день после «штурма» Трамп заблеял о своей непричастности к понаехавшим в Вашингтон «боевикам», быстренько «забыв» о своих двухдневной давности призывах не допустить утверждения Конгрессом победы Байдена на «бандитских», по его словам, выборах. И — никакого сочувствия к убитым.

Нам еще предстоит увидеть много интересного на территории «образцовой и величайшей демократии».

* * *

«Интересное» началось уже 9 января. Твиттер и Фейсбук «навечно» заблокировали **президента США Д. Трампа**. Страна, всему миру проевшая плешь своей ни с чем не сравнимой «свободой слова», перекрыла голос собственному президенту, когда этот президент сравнил ее с банановой республикой.

Конгрессмены от Демократической партии даже перед уходом Трампа с должности президента решили устроить ему импичмент (уже второй). В этом — вся подлость и мерзость американской власти как таковой: демократам не терпелось отомстить за свое поражение четырёхлетней давности. Вволю позиздевавшись над республиканцем Трампом, заблокировав еще действующего президента в основных соцсетях, они решили его морально раздавить, уничтожить как личность, одновременно обвинив в попытке госпереворота во время захвата Капитолия его сторонниками 6 сентября. И по этой причине нижняя палата Конгресса 13 января проголосовала за импичмент ему за неделю до его окончательной отставки. Импичмент наверняка не пройдет, но в ближайшем будущем, можно не сомневаться, Трампа ждут уголовные дела, чтобы он уже не смог вновь баллотироваться в президенты в 2024 году. Вот где истинные его враги! А он все прошедшие четыре года с Россией боролся... Настоящие враги Трампа и Америки в собственном Конгрессе, а не в Москве! Он взбаламутил вашингтонское болото, и они жутко испугались правды о самих себе. Правды, исходящей от президента США!

А ведь то, что происходит и еще произойдет с Трампом, — это наказание Свыше. Разве не Трамп объявил Иерусалим столицей Израйля?..

Пик непревзойдённой американской демократии — инаугурация 78-летнего Байдена — 20 января 2021 года прошла в режиме чрезвычайного положения, введенного в Вашингтоне, и комендантского часа. Процедуру инаугурации охраняли 25 тысяч вооруженных резервистов Национальной гвардии и рекрутов спецназа. Пиндосские демократы испугались собственного народа!.. Для сравнения уточню: в Ираке и в Афганистане находятся по пять тысяч американских солдат. Накануне т.н. «инаугурации» Капитолий был окружен трехметровым металлическим забором и бетонными блоками, т.е. находился в полной осаде, ошестинившись стволами автоматов. А в город были введены войска и военная техника. Вот это и есть эталон подлинной демократии, открыто показанный всему миру.

Иностранных гостей и лидеров других стран на «праздник» вступления в высшую должность Байдена не пригласили. Были только отдельные послы. Вместо гостей на пощади перед Конгрессом установили 200 000 американских флажков. Для чего — понять трудно. Трамп отказался при-

существовать на этой позорной «церемонии» и вместе с супругой улетел в свою резиденцию во Флориде.

Сразу после инаугурации, в тот же день, Байден отменил 17 указов Трампа. И началась вакханалия по дискредитации предыдущего президента и его сторонников. Раскол Америки обнажился со всей очевидностью и прямотой. Нам остается быть свидетелями ее развала и внутреннего ожесточения. Мы это давно предсказывали, потому что это — неизбежно.

* * *

Ныне всё отчетливее, всё яснее становится видно и понятно абсолютно всем то, о чём я писал тридцать лет назад: демократия — это диктатура демократов. Со мной тогда то и дело спорили, не соглашались, шаблонно повторяя внушенный нам в школе миф: мол, демократия — это власть народа. Но и 30, и 20, и 10 лет назад я доказывал в своих статьях: демократия — это финансовый фашизм, демократия — это диктатура банковского капитала, т.е. «хозяев денег», демократия — это диктатура единой информационной системы. А проще говоря, демократия — это диктатура демократов. Хотя некоторые еще не понимают, кто такие демократы или, в современном звучании, «либералы». Но пора бы уже понимать всем.

* * *

Нередко главы государств в своих выступлениях вольно или невольно вводят свое население в большое заблуждение в расчете на их незнание истории. Правда, тут возникает другой вопрос: а хорошо ли они сами знают историю? И достаточно ли точно знают ее их политические советники и т.н. спичрайтеры, готовящие тексты их выступлений? Я уже писал по этому поводу более года назад в «Протуберанцах», но теперь хочу коснуться этой темы более подробно и более конкретно.

В декабре 2019 года на расширенном заседании коллегии Министерства обороны РФ президент В.В. Путин обрушился на польского посла в Германии в конце 30-х годов прошлого века Юзефа Липски, который, по словам Путина, «солидаризировался» с Гитлером в его желании переселить евреев в Африку. «Антисемитская свинья, антисемитская сволочь — вот кто он такой!» — эмоционально воскликнул наш президент.

Однако история говорит о том, что задолго до мечтательных фантазий Юзефа Липски и Адольфа Гитлера создания

еврейского государства на территории Африки добивались сами евреи, ведомые к этой цели основоположником политического сионизма Теодором Герцлем (1860—1903), который в самом начале XX века вёл переговоры об этом с министрами иностранных дел ведущих европейских государств, в том числе и России. Наиболее частые и наиболее тесные переговоры о создании еврейского государства в Африке Герцль проводил с английскими политиками и банкирами, т.к. Африка в основном находилась под английским колониальным управлением. И, как это ни покажется странным кремлевским спичрайтерам, братья Ротшильды и министр колоний Великобритании тех лет Д.Чемберлен поддерживали эту идею. В частности, речь шла об Уганде (части территории современной Кении). Рассматривалась также возможность переселения евреев на часть территории Египта, и Герцль встречался с этой целью с властями Египта, однако данный проект был отклонён из-за дефицита там воды. (А был еще вариант с Аргентиной.) Об этом подробно пишет американский публицист, немецкий еврей Вальтер Лакер (1921—2018) в главе «Тедор Герцль» своей книги «История сионизма», изданной в 2000 году в переводе на русский язык московским издательством «Крон-пресс».

Вот небольшая цитата из этой книги: *«Чемберлен, совершивший поездку по Африке, сказал Герцлю, что он увидел Уганду и подумал: «Вот земля для д-ра Герцля...» В Уганде, как сообщил Чемберлен, было жарко на побережье, но внутри страны для европейцев был превосходный климат. Там можно было производить сахар и хлопок».*

Из данной книги следует, что первенство в турнире за звание «антисемитских свиней», пожелавших переселить евреев в Африку, принадлежит вовсе не послу Юзефу Липски...

И тут одно из двух: или кремлёвские «менеджеры», не знающие истории, в очередной раз сели в лужу, или — сознательно подставили президента...

* * *

В наши дни происходит всё то, о чём я, предвидя, писал в начале прошлого года в статье «Коронованный вирус». В том числе — о неизбежной «добровольно»-принудительной вакцинации всего населения страны. И вот уже московским пенсионерам только после прививки от ковида отменяют блокировку проездных карт, что, по сути, — еще одно издевательство над пожилыми людьми столичной властью. Мы еще не знаем, каковы будут последствия поголовной вакцинации через полгода, через год, через два, а пенсионерам уже ставят

условия: привьётесь — допустим вас в транспорт, вернем вам отнятые Собяниным льготы. Не привьётесь — будете безвылазно сидеть дома, как прокажённые. А нам ведь год назад внушали с экрана телеящика: «Ну что вы, никакой принудительной вакцинации не будет... Всё это бредни паникёров...» Она вроде как и теперь, по словам телеведущих, «добровольная»... Правда, кроме медицинских работников, преподавателей всех уровней, военных, полицейских, сотрудников спецслужб, работников торговли, транспорта и любого обслуживающего персонала, школьников и студентов, спортсменов, ну и, конечно же, пенсионеров, подгоняемых к прививке условием возвращения положенных по закону льгот.. Для всех них вакцинация обязательна и принудительна. А для остальных... Впрочем, остальных почти и не остается... А так, в целом, как вещают по ящику, она у нас — «добровольная»...

В общем, с вакцинацией вопрос во всём мире уже решен — будут по мере сил и возможностей всех вакцинировать. И люди сами, «добровольно» стоят в очереди на прививку (несмотря на то, что от американской вакцины «Пфайзер» люди во многих странах уже умерли или стали инвалидами). Но, как я писал в статье «Коронованный вирус», после всеобщей вакцинации последует и следующий шаг: поголовная чипизация населения всего земного шарика. Сейчас те же говорящие головы из ящика с хитрой ухмылкой вещают: «Какая чипизация?! Что за ерунда! Не слушайте вы этих паникёров!..» Но те же самые головы год назад уверяли нас в «добровольности» всеобщего вакцинирования...

Ну как тут вновь не вспомнить пророчество Иоанна Богослова из Апокалипсиса: кто не примет числа 666, тот не сможет «ни покупать, ни продавать»... Но евангелическое число 666 — это не просто «число зверя» или «печать антихриста», это и есть та самая цифровизация всей нашей жизни и каждого из нас — всех живущих на земле. Цифра, число будут даны каждому человеку, и, по всей видимости, начинаться эта цифра будет с зашифрованного числа 666. И без «добровольного» принятия этой цифры человек не сможет «ни покупать, ни продавать». Деньги будут отменены, к чему уже стремительно идет дело на наших глазах. Чип с вашим числом будет находиться в правой руке, как и сказано в Апокалипсисе. И без этого числа вам ничего нигде не продадут, никто нигде вас не будет обслуживать и лечить. А как поведет себя через год, через два «добровольно» всеми принятая вакцина, сейчас почти никто не знает... Я сказал «почти», потому что кто-то наверняка знает...

В. Соловьев и телеэксперты его политического ток-шоу то и дело озвучивают одни и те же наивные вопросы: почему г-ну Навальному в течение последних пятнадцати лет была предоставлена полная свобода высказываний и действий на нашей территории? Отчего с него прямо-таки пылинки наши власти сдували, несмотря на все его призывы к смене власти, к революции, к несанкционированным протестным акциям и к самым жестким уличным выступлениям? По какой причине он получал условные сроки там, где его подельники по уголовным финансовым преступлениям оказывались за решеткой? Чья мохнатая лапа прикрывала его от серьёзных судебных приговоров? И почему это вдруг наш президент лично распорядился выпустить его на «лечение» в Германию после его якобы отравления «неизвестным химическим веществом»?

«Наивность» В. Соловьёва и его экспертов выглядит очень странно, если не смешно, после того, как мало-мальски грамотный человек узнаёт, где, с кем, по чьей рекомендации проходил учёбу и практику в США г-н Навальный. И к чему его готовили.

А свою «учёбу» г-н Навальный проходил в очень известном американском учебном заведении, в котором готовят мировую элиту. Называется он — Йельский университет. Его в свое время окончили А. Чубайс, Г. Греф и Э. Набиуллина. Причем принят он был туда по рекомендациям Г. Каспарова, а также бывшего главного экономиста Европейского банка реконструкции и развития С. Гуриева и профессора экономики Йельского университета О. Цывинского. А свое «обучение» наш «оппозиционный блогер» проходил по программе «Yale World Fellows», что в переводе на наш язык означает: «Международная стипендиальная программа Йельского университета, направленная на построение сети новых мировых лидеров», но на деле является шпионской программой по выращиванию своих агентов для захвата власти в других государствах — власти, угодной США.

То есть российские высокопоставленные либералы, окончившие Йельский университет, рекомендовали своего человечка для подготовки в этом учебном заведении по весьма определенной программе именно для того, чтобы он стал лидером цветной революции в России в интересах заокеанского государства. Вот это и есть ответ на наивные соловьевские вопросы. За спиной г-на Навального стоят люди, которые, во-первых, находятся у власти в России, а во-вто-

рых, являются лидерами мировой экономики, на которую накрепко завязана нынешняя капиталистическая Россия. Вот потому-то вся т.н. европейско-американская политическая «элита» подняла громкий хай по поводу вынужденного ареста «оппозиционного блогера» после его возвращения в нашу страну для той деятельности, ради которой его готовили в Йельском университете.

* * *

Американцы разработали и с помощью своих агентов осуществили операцию по ликвидации Гагарина и Королёва. Тем же способом, руками своих ставленников, они ликвидировали Машерова, Пуго, Ахромеева, Рохлина, Илюхина, а также многих наших учёных-ядерщиков и специалистов в области ракетной и лазерной техники.

Их лунная афера 60—70-х годов — еще одна операция по тотальной дезинформации в сфере пропаганды и идеологического одурачивания населения всей планеты. США — самое лживое и самое преступное государство из всех существующих и когда-либо существовавших на Земле. С этой страной воцарившегося дьявола даже Германия не может сравниться.

* * *

В 1998 году я написал стихотворение «Пророчество», в котором есть такие строки:

*Мы вступаем в столетие рабства —
в двадцать первый удушливый век.*

Тогда никто из читателей, и из писателей тоже, не мог этого понять и никто не хотел с этим соглашаться: мол, как это так, двадцать первый век — и вдруг... рабство?!

Но прошло лишь двадцать лет этого века — и уже европейские политики и их «теоретическая» обслуга заговорили о новой «перезагрузке» мира, которая, по их нескрываемым планам, должна привести всю нашу планету к единому «цифровому концлагерю» с сокращенным до одного миллиарда «оцифрованным стадом». Как пишет современный публицист, доктор экономических наук Валентин Катасонов, ссылаясь на книгу немецкого экономиста Клауса Шваба «Великая перезагрузка», этот грядущий «инклюзивный капитализм» — не что иное, как «новый вид рабовладельческого строя». Вот к чему ведут человечество в XXI веке! А заодно мы получили коронавирус, удушающий человека, и удушливые маски...

В том же стихотворении есть и такие строки:

*Ах, как жаждет Америка крови —
эта дьявольская страна.*

Кровопускание — это дьявольский ритуал, и его обязаны осуществлять сатанинские слуги дьявола на Земле. Они разбросаны по всему миру. Но Америка, точнее, США, — это страна воплощённого дьявола, который через неё кормится человеческой кровью.

* * *

Вся страна — за возвращение смертной казни, но один человек — против. Вся страна — за остановку нашествия в Россию мигрантов, но один человек — против. Вся страна — за присоединение к России Донбасса и Приднестровья, но один человек — против. И вся страна проголосовала за то, чтобы этот один человек оставался у власти до конца своих дней.

Конечно, выражение «вся страна» несколько условно. Говоря «вся», я имею в виду большинство населения страны.

* * *

И власти, и центральные СМИ носятся с американским агентом Навальным, как с писаной торбой. Имя и мировую известность этой ничтожной, вороватой личности сделали именно они — наши власти и электронные СМИ. Меньше бы галдели о нём и сразу посадили бы его за мошенническую деятельность — никто бы теперь о нём даже и не вспомнил.

И власти, и СМИ ни звуком не заикаются о находящемся под арестом русском оппозиционере, лидере движения «За новый социализм», докторе исторических наук Николае Платошкине, критикующем эту власть. Как и о русском издателе и публицисте Олеге Платонове, осуждённом за издание честных исторических книг. И никто не устраивает никаких митингов в их защиту, а скачуще-тусовочно-крикливая молодёжь даже имён этих никогда не слышала.

Однако разглагольствованием о пустом, ехидно-подловатом Навальном все уши прожужжали и Песков, и Захарова, и Лавров, и Путин, и депутаты Госдумы, и ведущие всех центральных телерадиоканалов. И при этом все они не устают удивляться: откуда он взялся, отчего это вся бесовско-либеральная нечисть его на пьедестал возвела?.. А ведь на этот освещённый со всех сторон пьедестал его сама власть и посадила...

«В ЧИСТОМ ПОЛЕ РОДНОЕ СЕЛО»

Оказывается, написать о человеке, которого знал сорок пять лет, гораздо труднее, чем о незнакомом. Тем более о таком, который остался единственным из тех, с кем я был дружен. Я говорю об Анатолии Гребневе. За годы дружбы я не раз писал о нём, но кажется мне, что мало и плохо. Не вытягивал я до уровня моего давнишнего друга.

Боже мой! Сорок пять лет дружбы! И ни разу никакой недомолвки не было меж нами, ни разу никакой недоговорённости. Всегда мы находили поддержку друг от друга, делились душевными силами. Всегда меня спасало понимание, что есть на белом свете настоящий друг. Да, есть тайна в любви меж мужчиной и женщиной, но есть тайна и в мужской дружбе. В чём она? Не знаю. Может быть, в поселившейся в душе и сердце мысли о том, что с таким другом-единоверцем ты никогда не будешь одинок.

Написать о поэте Гребневе надо. Мы, повинувшись судьбе, рано или поздно уйдём, но хочу, чтобы идущие вослед узнали и поняли, какого большого таланта, какой

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

огромной души человек был с нами долгое время. Воспел и возвеличил за это время свою родину, укрепляя читателей в осознании единственности и неповторимости России. И особенно Вятки — лучшей её части. В чём мы с Толей глубоко и навсегда уверены.

Очень его высоко ценили и Виктор Астафьев и Валентин Распутин. А Василий Белов даже стихотворение, ему посвящённое, написал. Вот начало: «От Степанова до Крылатского, то с любовью, то с тихой болью соловел я от слова вятского, послухмянного Анатолию».

Гребнев удивительный поэт! Ученик и блестящий выпускник школы русской поэзии, которую закончили Лермонтов и Кольцов, Есенин и Блок, Суриков и Никитин, Фет и Рубцов...

Преподавали в этой школе Державин и Пушкин. Гребнев старался сесть за последнюю парту, с неё легче было убежать с уроков: на рыбалку, ловить рыбу для семьи, на сенокос помогать маме, на провозание одноклассники до соседней деревни. Но всегда возвращался в школу поэзии, сам не замечая, как поле, река, луга, рощи, встречи с людьми превращаются в строки стихотворений. Потом, во взрослые годы, оглядываясь на прожитое, он скажет: «Всё бывшее на слово напишется».

Да, у друга моего ничего не пропало. Память, подаренная ему Богом вместе с талантом, удивительна. Много раз я бывал и жила в его родовом гнезде, в селе Чистополье, ходил с ним по берегам красавицы Пижмы, по заросшим травой улицам умирающих деревень, слушал его незабываемые рассказы, в которых радость и горечь, печаль и веселье, грусть и удаль были именно тем многоцветием русской жизни, которую он — её певец — щедро дарил мне. Особенно, когда мы поднимались на колокольню разрушенной церкви. «А церковь и у нас в селе сломали, / но колокольня старая стоит. / И вновь, как в детство дальнее, поманит, / и святостью забытой осенит». Толя, обводя рукою распахнутое вширь и вдаль пространство родины, читал: «С неё мы даль оглядывали жадно / и, не держась за узенький карниз, / как ангелы, легко и безоглядно / за горизонт неведомый рвались. / И снова где-то ангелы запели, / на верхотуру звонкую маня. / Замшелые и шаткие ступени / ещё и ныне выдержат меня». Они и нас выдерживали, эти ступени. А сейчас в Чистополье радениями жителей, районных властей, сотрудниц Герценки и самого Анатолия возникла часовня, в которой бывают службы.

Сам раб Божий Анатолий принял Крещение летом 1980 года. Известно, что креститься надо в новом. Не успеликупить. Жена моя Надя ночью сшила одеяние для таинства

Крещения. Крестины были в Волоколамске у знакомого моего протоиерея Николая. В церкви мы были втроём. После Крещения батюшка пригласил нас к столу. Он уже знал фамилию раба Божия Анатолия. За столом спросил: «Вы, конечно, специально ждали, чтобы именно сегодня креститься?» — «Почему?» — «Как почему? Сегодня же день Гребневской иконы! — Открыл церковный календарь. — Смотрите». Да, именно так: поэт Гребнев крестился в день Гребневской иконы Божией Матери. Ничего случайного не бывает! И ещё тогда за столом он прочёл только что сочинённое: «Да, станут ангелы коситься, / когда я встану на весы: / из маркизета или из ситца / его крестильные трусы?» Насмешил батюшку.

А назавтра Надя повезла меня и счастливого Толю на машине к храму иконы Гребневской Божией Матери. По Щёлковскому шоссе, через Медвежьи озёра по дороге на Фрязино. Не удержусь, чтоб вновь не восхититься способностью Толи говорить экспромтами. «Вот, Толя, — по дороге поддел я его, — у Нади новая машина. «Хонда». Все предыдущие ты зарифмовал, а как справишься с «Хондой»?» Поразительно, но Толя в одно касание произнёс: «— Куда идёшь? В Иерихон? — Да! — Зачем пешком? Ведь есть же «Хонда»!».

И ещё — уж одно к одному — экспромт на моё 55-летие, которое вспоминается каждый год уже четверть века: «Мой друг, напрасны отговорки: / не врут листки календаря: / ты заработал две пятёрки / уже в начале сентября. // Мы испытывали всё на свете, / нам на судьбу нельзя пенять. / Но как бы нам пятёрки эти / на пару троек обменять!» Блестяще! Как это было давно, и как это было недавно...

Да, кажется, только что. Только что он жил у меня на даче в Переделкине, рядом с дачей поэта Евтушенко. Утром иду его проведать. «Думал: заснуть бы хорошо, усталость превозмочь — собака Евтушенко лаяла всю ночь». В другой раз мы оказались в моём Никольском домике, в который я уползаю зализывать раны и который очень любит Толя. «Привет, мой друг! Тоской влеком, / я за тобой след в след ступаю. / В твоём Никольском-Трубецком / я, как убитый, засыпаю».

Многое хотелось бы поведать граду и миру о моем друге. Например, о его смелости, о его никем не превышенных знаниях русской и мировой поэзии, о его бескорыстии. О его неподражаемом юморе и способности к искрометным экспромтам.

А его смелость! Живём семьями в Доме творчества в Пичунде, каждое утро до завтрака обязательно заплываем. А тут сильный шторм, волны накатывают далеко на берег. Но мы же вятские! А вятское упрямство хрестоматийно. Идём.

Женам обещаем, что всего лишь только умоемся, постоим в целебных морских брызгах на берегу. Коридорная Лейла, абхазка, в ужасе видит, что мы с пляжными полотенцами, кричит: «Купаться — нет! У вас ума есть?» Толя отвечает ей в тон моментально: «Пятьдесят лет дошёл — назад ума пошёл!» На выходе из корпуса дежурный выскакивает, изумлённо восклицает: «Вах! Слушай! Зачем, куда? Вах-вах!» — «Кацо, да, наше дело швах, поскольку мы идём без свах», — на ходу шутит Толя.

Приходим к берегу. Ветрище, волны — жуть! Молча разделяемся. Толя, конечно, первый. При волнах трудно войти в море, но всё-таки возможно; труднее выйти. Вначале надо с разбегу нырнуть в основание летящей на берег волны, оказаться среди огромных водяных гор, которые вздымают тебя и сразу бросают вниз. Восторг! Но как выйти? Вот это сложно. Толя идёт первым. С первого раза у него не получается: он выброшен волной на берег, на гальку, но не успел и на ноги встать, как уходящая волна увлекла его обратно, протащив по камешкам. А шторм ревёт! Со второго раза у Толи получилось. Весь исцарапанный, кричит: «Старайся скорее от волны убежать!» Я всё это вижу с высоты волн, которые меня возносят вверх и тут же низвергают. Так и кажется — захлестнут! Ну вот, и мне пора. Мне легче: я научен опытом друга. Несёт меня на сушу мощь волны. Изо всей силы работаю руками-ногами, чтобы подальше от моря отгрести. Получилось! Хотя и сшибло волной в конце, поставило на колени перед стихией. Тоже перецарапало. «Я за тебя испугался! — перекрикивает Толя шум прибоя. — Как увидел, на какой ты высоте и с какой скоростью несёт!» — «Но меня же несло на волне! На волне твоего имени — на г р е б н е!»

Идём в корпус. Толя смеётся: «Кричал мне вслед с опаской горец: / «Нет, нам с тобой не про пути! / Не лезь себе на горе в море, / с волною, слушай, не шути!» Предстаём пред женами во всей красе. «Ужас! Что это с вами?» — «Спорили», — объясняет Толя. «Из-за чего?» — «Чья жена лучше?» — «И чья же?» — «Ничья». — «Как?» — «Ничья. Один-один. Но поцарапались».

А другой раз, уже на вечернем купании, мы далеко заплыли, разговоры разговаривали, лёжа на спине. Поплыли обратно на береговые огни. Но штука в том, что в море на рейде стояли грузовые и пассажирские суда и мы приняли их огни за береговые. Спихватились, когда разглядели мачты. Да-а. Досталось нам это возвращение. Выгребли полуживые. Но вот помню, что был совершенно спокоен, — со мною Толя. А он и вправду прекрасный пловец.

А его мудрость! Поссорились два поэта. Ссора переросла во вражду. Толя устроил так, чтобы они враз оказались в Союзе писателей. Там при всех спросил каждого: «Ты, мы знаем, прекрасный поэт, заработал бессмертие, но скажи: ты лучше или хуже Пушкина пишешь?» Оба, конечно, сказали, что хуже. «Ну вот, оба хуже. Тогда чего вам делить?»

А наши паломничества на Великоорецкий Крестный ход! Многие годы и годы. Нашу бригаду, душой которой был, конечно, брат во Христе Анатолий высылали заранее в бывшее село Горохово (там у нас и царь Горох был), чтобы мы готовили встречу Крестного хода. Восстанавливали купели, варили в огромных котлах гречневую кашу на многие тысячи крестоходцев. Там, у источника, сделали мы с Толей в 1994 году Крест, который жив доньне.

Друг мой вообще во всём меня превосходит. Лучше знает жизнь; многое, больше меня, умеет. Владеет и топором, и рубанком, и косой, и граблями, превосходный печник. А знание народного языка у него феноменальное. Организовал областной конкурс на знание и сочинение частушек. По его итогам выпустил книгу, ставшую тут же редкостью.

А ещё, и это надо сказать, он 55 лет работает врачом-психиатром. Его знание пограничных состояний человека, его сострадание к душевнобольным помогает его проникновенно в самую суть человеческой природы.

Начитанность его меня всегда восхищала. Вроде и я не последний в этом мире читатель, но соревноваться с ним бесполезно. И доселе, когда мы постоянно с ним созваниваемся, он всегда ошарашивает неожиданностью очередного чтения.

А его самого, русского поэта Анатолия Гребнева, очень бы надо читать в каждой школе. Чтение его стихов даёт живительное ощущение чистоты русского языка, настраивает душу на принятие прекрасных образов нашей Родины, показывает, какой должна быть настоящая любовь к Богу, к родным и близким, к ушедшим и живущим.

Стоим на верхней площадке колокольни. Хорошо видно кладбище, где много Толиной родни, где упокоилась его мама, Анна Антоновна. Рядышком с нею, в вятской земле, он завещал и себя похоронить. Он, конечно, лёг бы и рядом с отцом, но отец далеко, в могиле подо Ржевом, в могиле этой более десяти тысяч солдат. И таких могил там сотни. Это самый кровопролитный фронт Великой Отечественной. Именно на Северо-западный, в «главный огонь» пошли вятские призывники. Мы были с Толей на этой могиле. Осенью 1941-го пол-

годика было ему, когда отец уходил из Чистополя, и нёс его на руках до машины, увозившей призванных на войну. Рядышком бились их сердца, солдатское и поэтическое. Солдат защитил, спас поэта. Поэт воспел и его подвиг, и Россию. Без слёз невозможно читать его стихотворение «На берегу пустом». И плачем вместе с автором. Он, выросший без отца, всю жизнь живёт рядом с ним, с его образом. Видит воочию отца, вернувшегося в Чистополе: «...он был убит под Ржевом, / и на шинели след от пули разрывной. / Он с дедом говорит, дед озабочен севом. / И вот сейчас отец обнимется со мной... / И вся деревня здесь, и вся родня живая. / И вот уже поёт и плачет отчий дом. / На берегу пустом, лица не открывая, / сижу и плачу я на берегу пустом».

Один за другим открывались перед поэтом жизненные горизонты и опять отодвигались, и он шел открывать новые. Но всегда ему светило Чистополе, «в чистом поле родное село».

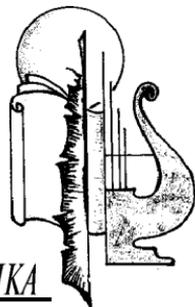
Без поэзии Анатолия Гребнева невозможно представить русскую поэзию.

РУСЬ БЕССМЕРТНАЯ

О повести Василия Белова «Привычное дело»

Начиная свою «Древнюю Российскую историю», Михаил Васильевич Ломоносов сформулировал главный закон всей русской истории простыми и проникновенными словами: *«Народ Российский от времен глубокою древностию сокровенных до ныняшнего веку толь многия видел в счастьяи своем перемены, что ежели кто междуусобные и отвне нанесенныя войны рассудит, в великое удивление придет, что по толь многих разделениях, утеснениях и нестроениях не токмо не расточился, но и на величайший степень величества, могущества и славы достигнул... Каждому несчастью последовало благополучие большее прежняго, каждому упадку высшее восстановление...»*

Кто-то может возразить, что всякий великий народ становился сильнее, преодолевая трудности и испытания, и поэтому ничего особенного, свойственного только России, в этом нет. Однако дело в том, что только Россия на протяжении всей своей истории, за исключением лишь небольших периодов относительного спокойствия, всегда стояла перед угрозой распада и гибели. Сначала для Азии, а затем для Европы Россия всегда была желанной жер-

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

твой агрессии и подчинения. Маленькое княжество Северо-восточной Руси за несколько веков превратилось в великую державу в одну шестую земной суши именно потому, что вобрало в себя всех обижаемых агрессивными соседями — от Балтики до Тихого океана. В самой основе русской государственности с самого начала лежал принцип взаимопомощи и бескорыстного служения общему делу, а не принцип корысти и наживы, по которому формировались страны Европы и азиатские империи. Но в XX веке пришло испытание иного рода, противостоять которому оказалось еще труднее, ибо оно действует не как внешнее насилие, но разлагает саму душу народа и сердце человеческое.

Самым страшным завоеванием, которому когда-либо подвергалась Русь, и которому пока что — но лишь временно! — она не может противостоять, стало вторжение Маммоны — коварного демона, поражающего человеческие души ненасытной жадностью и гордостью, когда ради комфорта и удовлетворения своих прихотей человек готов отдать всё, постепенно утрачивая в себе всё человеческое. Этот демон существовал всегда, поражая слабые и нестойкие души, но никогда он не становился хозяином человеческой жизни. Таковым его сделала цивилизация, созданная Западом, объявившая корысть и гордыню сущностью человеческой жизни, теми «богами», на алтарь которых эта цивилизация приносит свои «достижения» и их всё новые и новые жертвы. Мудрые люди всегда знали и говорили, что эта цивилизация обречена, и сейчас это становится всё более очевидным. В состоянии крайнего самолюбия, лени и гордыни, свойственного современному так наз. «цивилизованному человеку», он уже не хочет и не способен к продлению жизни: семья как институт уже почти разрушена, детей мало, но и те, которые есть, как правило, еще хуже своих родителей. Народы Запада стали на путь физического вымирания, который уже необратим. На их место придут и уже приходят те, кому посчастливилось пройти по дороге «прогресса» не настолько далеко. «Мечеть парижской Богородицы» — вот будущее того, что еще по привычке называют «Европой». И в романе с упомянутым названием представлен еще не самый печальный вариант ее будущего. Островки новой жизни ныне теплятся лишь среди людей, возвращающихся ко Христу. От них пойдут новый народ — Новая Русь, верная своим вечным святыням, раскаявшаяся в грехах отцов. Но «новой Европы», скорее всего, не будет — и не жалко. Она своё заслужила.

Все демоны коварны, но Маммона особенно. Проникая в человеческое сердце он очень умело маскируется под самые благие намерения. Подчиняясь его внушениям, человек дума-

ет, например, что всего лишь стремится к облегчению тяжелой жизни, к благополучию своих детей, или даже выполняет свой долг перед отечеством, или, по крайней мере, получает достойное вознаграждение за свой труд, что тоже нисколько не предосудительно. Так кажется поначалу, но вот уже через несколько поколений все люди думают, что эгоистическое стремление к наживе и комфорту есть единственная цель и смысл человеческой жизни, и дико ненавидят всё, что этому препятствует. Такой путь прошел так называемый «гуманизм» — сначала он хитро маскировался под христианское человеколюбие, но постепенно, когда, возвеличив человека, забыли о его Творце и Спасителе, «гуманизм» показал свой подлинный, звериный оскал в голодоморах крестьян и ГУЛАГе; а на самом Западе, его породившем, — во всеобщем тупом жлобстве и уравнивании любых извращений с нормальной человеческой жизнью, в окончательном оскотинивании человеческого образа в той так называемой «цивилизации», которую нам пытаются навязать в качестве всеобщего образца.

Великая русская литература первой ужаснулась приходу Маммоны, когда этот демон еще незаметно пробирался в человеческие сердца. «Душа убывает!» — закричал Герцен, оказавшись в Европе, которую еще вчера боготворил. Но самый страшный и коварный удар демон нанес по своему главному противнику — по Святой Руси. Русский народ соблазнился посулами земного благоденствия и справедливости и за исключением многого множества новых мучеников и исповедников предал свои святыни. И за это пришлось ему понести от Бога великие кары во вразумление и ради покаяния. Но параллельно действовал и Маммона: и вот, «советский человек», выживший во всех произведенных над ним экспериментах, страстно захотел «пожить как люди» и ныне бросился в погоню за очередной химерой земного благоденствия любой ценой (в первую очередь, ценой потери совести и способности к дару любви, без которого угасает жизнь человеческая). Чем неизбежно заканчивается эта погоня, нам неустанно напоминает великая совестница — русская литература.

Во второй половине XX века то, что привычно называли «русской литературой», едва ли не в основном своем течении, ныне официально превозносимом, на самом деле стала литературой русскоязычной, но не русской в подлинном смысле этого слова. Целые легионы литераторов, многих из которых ныне по недоразумению уже почитают «великими» и даже «классиками», выдавали печатную продукцию, которая не имела никакого отношения к подлинной русской литературе, а чаще всего и к художественной литературе вообще. И

речь идет не только и даже не столько об официальной советской литературе, почти сознательно культивировавшей серость, но в первую очередь о тех, кто делал себе имя на противостоянии с «режимом». Стоит прямо сказать: во второй половине XX века всё, что было в русской литературе подлинно русского и подлинно художественного, было создано в рамках литературы советской. Это и не удивительно, ведь у подлинной русской литературы есть одна важнейшая нравственная черта: всегда быть со своим народом, где бы он ни оказался — изнутри пережить и только так преодолеть его грехи и болезни, только на собственном художественном опыте показать путь к покаянию и выздоровлению. И поэтому не могло быть *подлинной* русской литературы среди русскоязычных бродяг так называемого «свободного мира»; но она была среди простых совестских людей с чистой русской душой.

Центральным явлением в русской литературе второй половины XX века была «деревенская проза» и сущностно близкая ей «тихая лирика». Сколь ни условны эти термины, прием их как устоявшиеся, ставшие своего рода символами, которые уже не вычеркнуть из истории русского слова. Своим рождением оба эти явления уходят в первую половину века к двум людям-глыбам: Шолохову и Есенину. Именно они создали тот особый русский художественный взгляд на всё происходящее в этом страшном веке, когда оно еще только начиналось и было понятнее в своей сущности и истоках.

Особый взгляд «деревенской прозы» и «тихой лирики» на судьбу человека в эпоху великих экспериментов основан на тысячелетнем опыте крестьянского бытия, уникально объединяющего в себе христианскую душу и «космический» (т.е. соборно-народно-природный) разум, а потому сразу и безошибочно чувствующий и глубокого понимающий любую неправду бытия. Это поистине последнее слово великой русской литературы: последнее не в хронологическом смысле, ибо уже пришла иная эпоха, со своей великой задачей, но последнее в смысле обнажения последних оснований «русской точки зрения», как выразилась одна западная писательница.

В 2006 году исполнилось сорок лет публикации одного из наиболее значительных произведений всей «деревенской прозы» — повести Василия Ивановича Белова «Привычное дело». На отстоянии лет лучше видится то, что для современников укрывалось за ее «животрепещущими» темами. Стоит повнимательнее посмотреть на эту повесть, уже прочно поселившуюся в «большом времени» истории литературы, а значит, требующую иного взгляда, ищущего в прошедшем и переходящем — всегда современное, будущее и вечное.

Сюжет повести — сюжет высокой трагедии. Как известно, суть и смысл древнегреческой трагедии состоял в том, что человек проходил особое испытание, обнаруживавшее одновременно и его величие, и его слабость. Знамениты строки из «Антигоны» Софокла: «Много есть чудес на свете, / Человек — их всех чудесней... / Землю, древнюю богиню, / Что в веках неутомима, / Год за годом мучит он...», обычно трактуемые как своего рода «гимн человеку». В действительности же здесь выражено иное, более глубокое по смыслу понимание человека. Греческое прилагательное *deinos*, которое здесь переведено как «чудеса», на самом деле обозначает нечто, «вызывающее удивление, смешанное со страхом». Смысл приведенных строк в том, что человек есть странное существо, выпадающее из гармонии миропорядка, — но ведь будучи сам подчинен его неизменным законам, неизбежно несущий наказание за это. Трагедия — это событие осознания вины своей слепоты и бесчинства, а затем — раскаяния, возрождающего к жизни через неизбежную жертву чем-то и кем-то очень дорогим. Именно моменты нравственного выбора, самоосуждения и личностной трансформации человека являются сущностью трагедии. Ее главный принцип — «объективная ответственность при субъективной невинности»: для героя трагедии показательно, что он не снимает с себя вины перед вечными нравственными устоями, а вершит наказание сам над собой. Позднее нравственные интуиции античной трагедии углубились по христиански заостренным переживанием мира как *лежащего во зле*. Как писал М. Бахтин, в основе любой частной трагической истории всегда лежит неизбывный трагизм самого бытия — «глубинная трагедия самой индивидуальной жизни, обреченной на рождение и смерть, рождающейся из чужой смерти и своею смертью оплодотворяющей чужую жизнь».

Характерно, что практически все, писавшие о «Привычном деле», как-то всегда рассыпались в «замечательные частности»: спорили о правдивости характеров, о стилистических открытиях, о судьбе деревни и тому подобном, словно подспудно стараясь зажмуриться, не замечать того *главнейшего*, что как одна большая волна встает в суровой простоте сюжета. Ведь всё очень просто, как в назидательной сказке для самых маленьких детей: человек соблазнился «лучшей долей», оставил свою беспрекословную жену, но и доли не нашел и потерял всё, что имел. Гордый, «прогрессивный» ум увидит в этом лишь какую-нибудь «апологетику косности крестьянской жизни». Но ум глубокий и совестливый увидит в этом неизбывную правду человеческой жизни, открывшуюся еще в древней трагедии: всякое самоутверждение че-

ловека лишь *для себя*, ценою забвения своего ближнего и своей совести, есть страшная слепота и неизбежно заканчивается катастрофой.

Возможно, что помимо сознания самого автора, этот глубинный смысл сюжета оказывается и ключом к пониманию того, что произошло с русским народом в XX веке. Подобно древнему Эдипу, русский человек, прельщенный «прогрессом» и «лучшей жизнью», решил, что станет отныне жить только по своему приземленному уму-разуму ради своего собственного благополучия, забыв и о святынях своих предков, и об ответственности перед Родиной. Были, конечно, и ныне есть многие и многие герои и святые, не подчинившиеся этому соблазну, на которых только, по сути, еще и держится страна, — но, к сожалению, общий ход истории последних полутора веков русской истории определяли вовсе не они. И вот Эдип XX века — «обычный» русский человек — убил своих отцов, предав их святыни, и надругался над своей матерью Родиной, отдавая ее на растерзание всё новым и новым ворам. Но, как и Эдипу, подлинному народу предстоит прозрение, раскаяние и возрождение.

Много и справедливо писали о том, насколько тонко и правдиво показаны в Иване Африкановиче, его жене Катерине и других героях повести такие черты истинно русского национального характера, которые не во всём прозревались и великими классиками XIX века. В этом видели и особую «народность» самого автора. Всё это бесспорно, однако есть в повести и более глубокий, сугубо трагический смысл, по иному раскрывающий и сам смысл «привычности». Трагизм характеров этих людей в том, что именно то, чем они прекрасны, особо человечны и всегда любимы, — именно это страшным образом и оказывается причиной их хрупкости, обманутости и бессилия перед наступающим царством лжи. Почти невероятная доброта, искренность и честность истинно русского человека, всегда потрясавшая иностранцев, накрепко привязана к вековому укладу жизни, всегда требовавшей, в силу своих суровых условий, огромной самоотверженности, отзывчивости и смирения. Но как только условия смягчаются, появляется призрак «легкой жизни» — русский человек, утрачивая привычные жизненные ориентиры, вдруг «срывается с петель» — и с высот нравственного подвига обрушивается в глубины душевного и духовного падения. Такой «амплитуды», за весьма редкими исключениями, не знают характеры других народов.

Вот что таится за Ивановой «привычностью»! «Привычность» в своей метафизической глубине здесь раскрывается

именно как путь к обманутости и гибели. Когда всё «при-
вычное» вдруг исчезает — человек остается без точки опоры,
в пустоте, уже не зная, что хорошо, что плохо, и для чего вооб-
ще вся эта данная ему жизнь. Вот почему спивается и выми-
рает народ — несмотря на, казалось бы, вполне сносные ус-
ловия жизни. И вырваться из сна обыденности, понять, что
на самом деле происходит, можно только пройдя через горе
и катастрофу! Побывать на краю гибели, чтобы вернуться к
высшим истокам и началам подлинного бытия! Обрести не-
поколебимое «самостоянье» жизнью во Христе и на благо
Родины! Вот о чем говорит эта повесть и своим смыслом, и
своим названием — о том, что будет происходить с русским
народом, в чем будет загадка его нынешнего катастрофичес-
кого состояния — и грядущего возрождения! В истории Ива-
на Африкановича следует видеть трагическую ситуацию
«прозревающего Эдипа»: и этот же путь должен пройти, ос-
вобождаясь от своей слепоты, и весь Народ. Иначе ему не
выжить! Повесть эта — прообраз прохождения через смерть
Родины и ее Возрождения через покаяние и чувство живой
связи с великими и святыми предками.

Когда-то еще в начале русской катастрофы, в 1917 году,
Вл. Ходасевич написал о том, что пришло время народу идти
«путем зерна» — путем крестным через смерть к воскресе-
нию. Еще ранее Ф.И. Тютчев прозревал вечную душу Рос-
сии в образе Царя Небесного, «удрученного ношей крестной».
И вот после исторически явленной допетровской Руси Свя-
той — Третьего Рима, Руси Великой XIX века и «России, кро-
вью умытой» 1917—1945 годов затем пришло время Руси Уби-
енной — поистине лежащей во прахе, мертвой духовно и уми-
рающей физически. Но и убиенная Русь изначально жива
нетленным огнем Божией благодати, а потому — и пророче-
ственным огнем Руси Новой, нами ныне создаваемой. И вот,
как мне кажется, именно Василию Ивановичу Белову в «При-
вычном деле» удалось передать то еще почти неуловимое ощу-
щение-прозрение будущей Новой Руси — еще в тот момент,
когда Русь Убиенная только вступала в свой апогей. Траге-
дия Ивана Африкановича, Катерины и еще миллионов и
миллионов подобных им русских людей, теряющих самих себя
в дебрях бездушной и бессмысленной «цивилизации», — этот
душевный крик погибающей, не понимая, что происходит,
старой Руси — вместе с тем и **завет** для людей следующих
поколений: чтобы они почувствовали, что потеряли. Думает-
ся, что в XXI веке «деревенская проза» и «тихая лирика» бу-
дут иметь такой же нравственный авторитет и общекультур-
ное, воспитательное значение, какой ранее имела классика

века XIX. Ибо XXI век — век возрождения Народа и со-
зидания Руси Новой, главная сила которой будет — сила
Памяти.

Память — и есть главная сила этой повести. Не только
память о неповторимой уже, может быть, красоте людских
душ, но и тысячелетняя память особого по своей полноте и
глубине народного восприятия мира. «Привычное дело» —
один из немногих в новейшей русской литературе текстов,
непреренно требующих очень медленного, медитативного чте-
ния. На соседствующих страницах здесь обнаруживаются
разные «миры», в которые нужно каждый раз по новому вжи-
ваться, словно впервые. Почти в любом месте текста чита-
тель может быть захвачен врасплох каким-то внезапным про-
зрением в казалось бы привычную суть простых вещей и об-
стоятельств. Хорошо было уже написано и о знаменитом раз-
говоре с конем Парменом — монологом-шедевром даже на
фоне всей истории русской литературы; и о изумительном
проникновении в мироощущение коровы, таящее в себе
смыслы, без которых нет и полноценной человеческой души.
Но стоит обратить внимание и на несколько авторских от-
крытий, важных для общего глубинного смысла повести,
которые ранее не становились предметом специального раз-
мышления. Ограничимся лишь тремя.

«Успели уже и перемерзнуть, снегу наташили, не много и
погуляли.

— Ой, беда, однако! — Евстоля по очереди вытирала им
холодные мокрые носы. — Хоть бы один умер, дак ведь нет,
не умрет ни которой. Где погостили-то? Как пошехонцы, как
пошехонцы. Вот пошехонцы-ти раньше тоже были растрё-
пы. Кушать кушали, а жить-то не умели.

— Баба, сказку, баба, сказку! — Васька запрыгал на одной
ноге, задергал бабкин подол.

— Дак вам какую севодни, пошехонскую аль про ката с
петухом?

Все дружно остановились на пошехонской».

«Хоть бы один умер, дак ведь нет, не умрет ни которой».
Какой ужас для современного «цивилизованного» сознания!
Какая дикость, «презрение к личности»! Но какая радость
для всякой души, чующей Вечность! Как писал М.М. Бах-
тин о народном мироощущении, «рождение и смерть здесь
встретились. Смерть — оборотная сторона рождения... Образ
смерти, фиксируя данное (индивидуальное) умирающее тело,
в то же время захватывает и краешек другого тела, рождаю-
щегося, молодого». В отличие от индивидуалистического тре-
петания за свою единственно дорожку «шкуру», народное

переживание бытия в своей последней глубине не знает «своего» и «чужого» — здесь жизнь на всех одна, ибо она Жизнь, а потому смерти нет, и нечего бояться. «Хоть бы один умер, дак ведь нет, не умрет ни которой» — как легко и радостно так сказать, когда *смерти нет*. Ибо «не умрет ни которой» — просто не умрет и всё. Все бессмертны, ибо «у Бога все живы».

А бабушка еще расскажет странную и веселую сказку про каких-то пошехонцев — а на самом деле, про нас с вами в нашем подлинном, разоблаченном от всякого умничанья облинии. В этой-то сказке давно рассказано о том, «что с нами происходит», как выражались некоторые, думая, что это признак особого ума, — и о том, чем всё это когда-нибудь закончится.

Есть большая «проза XX века». Если к ней присмотреться поближе, то это множество попыток описать то, что происходит с потерявшимся человеком. Потерявшимся во всех возможных мыслах этого слова. Поскольку исток и смысл этой прозы прост (и исход из нее был бы столь же прост — если бы этот выход на самом деле искали, а не наслаждались его мнимым отсутствием), то можно найти и какой-то своего рода «первотекст», где вся эта потерянность была бы расписана во всех своих входах и выходах. Так вот в «Привычном деле» этот «первотекст» есть.

Вот она и смертушка пришла, незваная:

«И вдруг Иван Африканович удивился, сел прямо на мох. Его как-то поразила простая, никогда не приходившая в голову мысль: вот, родился для чего-то он, Иван Африканович, а ведь до этого-то его тоже не было... И лес был, и мох, а его не было, ни разу не было, никогда совсем не было, так не всё ли равно, ежели и опять не будет? В ту сторону его никогда не было и в эту сторону никогда не будет. И в ту сторону пусто и в эту. И ни туда ни сюда нету конца-края... А ежели так, ежели ни в ту, ни в другую сторону ничего, так пошто родиться-то было? Вон теща Евстоля молилась вчера, думает, что будет что-нибудь и после смерти. А чего ждать? Нечего, видно, ждать, пустое дело, ничего не будет. Она-то думает, что будет, ей полдела... Да, ей полдела. Вон и он, Иван Африканович, думал раньше, что что-то будет, и жил спокойно: будет что-то, и ладно. А вот умерла Катерина, и стало понятно, что ничего после смерти и не будет, одна чернота, ночь, пустое место, ничего. Да. Ну, а другие-то, живые-то люди? Гришка, Антошка вон? Ведь они-то будут, они-то останутся? И озеро, и этот проклятый лес останется, и косить опять побегут. Тут-то как? Выходит, жись-то всё равно не остановится и пойдет, как раньше, пусть без него, без Ивана Африкановича. Вы-

ходит всё-таки, что лучше было родиться, чем не родиться. Выходит...»

Вот человек один на один с самим собой и со звездами — вдруг опомнился и понял, что не просто «живет» такой какой-то Иван Африканович, но он есть некто, кто *есть*... Как это страшно и непонятно на самом деле — просто *быть* и всё. Как это странно и страшно!

Вот человек говорит, что после смерти «ничего не будет» — и сразу же проговаривается — для кого это «не будет». Для того, кто остался здесь, не познав самой смерти, брошенный и одинокий перед теми, кто уже измерил эту жизнь иной, нездешней мерой. Зачем же *свою* тьму и пустоту приписывать им, отныне невидимым и неведомым — зачем же обманывать себя? Вот и весь он в этом, так гордо звучащий когда-то «атеизм» — соблазн для сильных, радость для слабых, грусть для мудрых, боль для прозревших.

Тихо вдруг, как откровение из самой Вечности, приходит прозрение:

«Это, буду к тебе ходить-то, а ты меня и жди иногда... Катя... Ты, Катя, где есть-то? Милая, светлая моя, мне-то... Мне-то чего... Ну.. что теперече... вон рябины тебе принес... Катя, голубушка». Иван Африканович весь задрожал. И никто не видел, как горе пластало его на похолодевшей, еще не обросшей травой земле, — никто этого не видел».

В это мгновение — нет, не возникла, ибо она была изначально, но еще не осознавалась, но прочно раз и навсегда установилась «самая жгучая, самая смертная связь» (Н. Рубцов) между ним и женой. Установилась она в Вечности, в вечной жизни, где нет уже разделения на живых и мертвых, ибо «у Бога все живы». Так рождается Русь Бессмертная — не побеждаемая злым временем.

Тихо хранится самое главное, неведомое самому хранящему. Тихо говорятся главные слова. Тихо приходит откровение Вечности — тихо и просто — через неразрывность с любимым Ты.

Тихо, как сердце на родной могиле, бьется сердце Родины.

Тихо свершается преображение кающейся души — никто, кроме Того, Кто видит всё — «никто этого не видел».

г. Луганск

ПО ЛУГОВОЙ ТРОПИНКЕ ВДОЛЬ МЛЕЧНОГО ПУТИ

О книге Николая Алешкова «Причастие»

Выпущенная Татарским книжным издательством к 75-летию автора книга стихов Н. Алешкова «Причастие» имеет подзаголовок: «Избранная лирика». Аннотация уточняет, что в книгу вошли стихотворения, написанные в первые двадцать лет XXI века. Итак, это избранное поэта, вступившего в новый век — и в диалог, и в непростой спор с этим веком — человека зрелого, перешагнувшего очередной возрастной рубеж.

Человеком — каким? Может быть, усталым, злым, сломленным, разуверившимся во всём? Ведь мир, в котором родился Николай Алешков, в котором он состоялся как поэт, рухнул, не «достояв» целого десятилетия до конца «своего» века. А он казался таким прочным, победительно-несокрушимым. Его не смогла разрушить даже страшная война: миллионы жертв, пепелища и развалины не сломили мужества ставшего единым целым народа, не привели к развалинам духа. А теперь? Что произошло теперь — со страной, с нами всеми, с автором этой книги?

Поэт — частица доли народной, его извечной нелёгкой судьбы. А народ, как ни гнули его окаянные «перестроечно-рыночные» времена, выстоял. И поэт, ровесник Победы, выстоял вместе с ним. Что помогло ему в этом, что дало силы? Чтобы ответить на этот вопрос, давайте откроем книгу. И мы увидим, что с первых страниц на нас смотрит широко открытыми глазами деревенское детство — трудное, не сытое, но такое счастливое!

«Луга за Камой. Полночь. Блеск зарниц...» — одна строка-мазок, и мне, читателю, столько знакомого видится-откликается в этом коротком заречном взблеске. Будто услышал вдруг чей-то дальний зов, дорогой чей-то оклик.

*Озёра плавятся в закате.
И запах трав, и вкус ухи!
Растут из этой благодати
Мои негромкие стихи.*

Казалось бы — идиллия полная. А это — из стихотворения о рано познавшем труд послевоенном детстве, о колхозе, где автору в 12 лет бригадир «доверил» кнут и должность подпаска. И — ни малейшего намёка на обиду, на ушибленность «подневольным временем». Напротив — «благодать», и — затаённо-тёплое чувство причастности к важному и нужному общему делу, благодарность за то, что всё это в жизни было:

*Вот по лугам вечерним кони
Бредут чуть слышно. И верхом,
Небрежно повод сжав в ладони,
Я восседаю на Лихом.*

Начало биографии. И — начало поэзии. Поэзии как постижения не только своей «луговой тропинки», но и народной судьбы, которую не надо специально изучать, потому как она — здесь, рядом с тобой. Как этот собравший всю деревню после сенокоса сельский престольный праздник («Это Орловка вернулась с покоса, // С дальних лугов аккурат на Кузьму»), где и радость, и память, и боль — общие, роднящие людей, дающие жизни воздух и смысл:

*Небо в глазах опрокинется навзничь.
Воздух июльской польнью горчит.
И одноногий Максим Афанасьич:
— Мы победили! — сквозь слёзы кричит...*

Концовка этого стихотворения, посвящённого памяти брата Саши, — казалось бы, узко-биографического, личного, — звучит как молитвенно-исповедальный, рвущий сердце реквием эпохе — и стране, которую мы потеряли:

*Снеет пшеница. Луга покосили.
И нагулялись. Пора и домой!
Как же охота вернуться в Россию
Послевоенную, Боже ты мой!*

Потом, после детства, много случилось всякого: тревожащие сердце дальние дороги, города, Литинститут, жизнь столичная, хмелем надежд и дружеских посиделок не на шутку закружившая голову.

*Вернуть соловьиные годы,
Упасть в луговую траву...
Хотелось любви и свободы,
Хотелось в Казань и Москву
Из Богом забытой Орловки.
Вперёд! И Казань, И Москва
Капканы свои и уловки
Расставили — выжил едва.*

И была дорога обратная, в родные места — не к разбитому корыту, а к себе, к изначальному слову. Рассуждая о своём «пожизненном кресте», Н. Алешков говорит об этом без метафорической «слезы», по-мужски просто и ясно:

*Водку пил, но не спился,
Повернулся к добру.
Я в Орловке родился
И в Орловке умру.*

И очень естественным кажется это раздумье: «Может быть, не случаен // Предначертанный круг...» Во всяком случае, поэт ни о чём не жалеет:

*Я не знаю об этом,
Но у всех на виду
Деревенским поэтом
По Отчизне иду.*

«Деревенским поэтом» — это не поза, не ряженный под архаику эпатаж, а правда. И тихое мужество: не следуя за куражным, помешавшимся на «цифре» урбанистическим веком, остаться там, где истоки. Истоки жизни. Это осознание — «деревенский» — ничуть не мешает Николаю Алешкову видеть не только поля и поймы родного Закамья, но и главные смыслы творчества. В стихотворении, посвящённом памяти своего друга, художника Леонида Остапенко, это явлено так естественно и ёмко, что хоть на скрижали высекай:

*Жили, стихи и картины творили,
Женщин любили и пили вино.
Мало о вечном с тобой говорили,
Но через нас говорило оно.*

Именно так оно и говорит — «через нас», без ложного пафоса, обыденно и негромко, только мы в молодой горячке, в творческой своей гордыне не сразу (и не все) это понимаем...

В поэзии Н. Алешкова немало таких строк, глубоких и мудрых. Вот он обращается к уходящему в большую жизнь сыну:

*Под стук колёс лети навстречу ветру!
Вот мой наказ, серьёзный и простой —
Нельзя менять ни родину, ни веру.
Я это знал. И ты на этом стой!*

Так хочется верить, что наказ этот услышит не только сын поэта, но и — все идущие за нами поколения: наши дети, наши внуки, наши правнуки. Услышат — и запомнят, и понесут с собой по жизни.

Когда речь идёт о главном, лирика Н. Алешкова не чурается и высокого «державного» строя, который так не по нраву антипатриотической плесени, расплодившейся ныне на ниве отечественной словесности, как головня на оставшемся без хозяйского пригляда пшеничном поле:

*Наши отцы заплатили сполна —
Заживо в танках сгорали.
Родина, значит, на то и дана,
Чтоб за неё умирали.*

Не прячется поэт и от вывихнувшей ум «злости дня», пытающейся, что называется, запудрить нам мозги рядящимися в одежды непреложных гуманистических истин словесами:

*Всё понимаю, кроме одного.
Витии, объясните всё же, что есть
Свобода совести? Скажите, от чего
Освободить хотите нашу совесть?*

И в строках Н. Алешкова о роли поэта в современном обществе, об отношении власть предержажих к нему не личная обида сквозит, а печаль, умеющая говорить ясным языком высоких обобщений:

*Поэт не врач, а боль. Струна и нерв.
Когда к поэту уваженья нет,
Не сомневайтесь в том, что одурочен
Народ, ведомый властью к поп-звезде
И к зрелищам, и далее везде,
Где Пушкин на Киркорова растрочен...*

Каждый настоящий поэт — это не только неповторимый, ни на кого не похожий голос, но и путь. Свой путь Николай Алешков искал трудно, оступаясь и клонясь, но выбрал — навсегда.

*Прильнут к ногам травинки,
И мне легко идти
По луговой тропинке
Вдоль Млечного Пути.*

Холодному, нудному уму трудно такое представить, а вот сердце, бесстрашное и ранимое, всю жизнь рвущееся к горнему и страшящееся его, всё понимает и откликается горячими чёткими толчками. Оно готово идти вслед за поэтом, не боясь оступиться, сорваться в темноту: ведь и там, на поэтических своих высотах Н. Алешков остаётся земным, понятным, близким нам человеком:

*Последнее тревожное тепло.
Душе созвучна мука листопада.
Как будто душу музыкой свело
И ничего разгадывать не надо.*

Это «тревожное тепло», разлитое по страницам книги, согревая и утешая нас, помогает о многом задуматься — и многое увидеть, почувствовать: «Скоро и мы журавлиную грусть/ В небе продышим...»

И вовсе не поэтической «красивостью» кажется мне это признание:

*Люблю это мокрое поле
И эту туманную взвесь.
Была бы на то моя воля —
И душу оставил бы здесь.*

Я думаю, что она и останется здесь, душа русского поэта Николая Алешкова: в этих чутких, честных, оплаченных судьбой строках, в мокрых полях и туманах, в согревающей взгляд звёздной млечности, что обязательно проступит сквозь пригнутые тяжелой взвесью печалей и скорбей облетевшие ветки наших надежд — какое бы тёмное, горькое, позднее время нам ни выпало.

Дорогие друзья!

Не забудьте оформить подписку на «Молодую гвардию» на вторую половину 2021 года. Наш журнал существует исключительно на средства, поступившие от подписки. Мы же со своей стороны обещаем вам на страницах «Молодой гвардии» новые интересные, острые материалы, которые не оставят вас равнодушными.

В каталоге «Почта России» подписной Индекс «МГ»: П6410 — как для индивидуальных подписчиков, так и для предприятий и организаций.

В втором полугодии 2021 года редакция планирует выпустить следующие номера: №7-8, №9, №10, №11-12.

Уважаемые подписчики «Молодой гвардии»!

У вас есть возможность подписаться на наш журнал на второе полугодие 2021 года непосредственно через редакцию. Для этого необходимо перечислить 1000 руб. на нашу карту Сбербанка (цена подписки на весь год соответственно — 2000 руб.). Номер карты: 2202 2005 6546 0175. А также сообщить свой полный почтовый адрес по телефону: 8 925 602 40 57 или на эл. почту: mg0002015@yandex.ru